

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Авакян-Форер Армина Генриховна

**ПОВЕДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

09.00.11 – Социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор философских наук,
профессор Е. Н. Ищенко

Воронеж – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Социально-философские основания трансформации представлений об экономическом субъекте.....	14
1.1. Становление социальных предпосылок представлений об экономическом субъекте в античной философской культуре.....	14
1.2. Социально-философская модель экономического субъекта в эпоху Средневековья.....	28
1.3. Трансформация социально-философских детерминант поведения экономического субъекта от Возрождения к Новому времени	37
Глава 2. Экономический субъект и его поведение в социально-философских концепциях модерна и постмодерна.....	52
2.1. Поведение экономического субъекта в социально-философских системах А. Смита, К. Маркса и М. Вебера.....	52
2.2. Социально-философский анализ поведения экономического субъекта в эпоху постмодерна.....	64
2.3. Категория «экономический субъект» и его поведение в современной социальной философии: от рационализма к иррационализму.....	75
Глава 3. Социально-философская парадигма иррационального поведения экономического субъекта.....	88
3.1. Поведенческая экономика: социальные измерения экономического субъекта.....	88
3.2. Проблема поведения экономического субъекта в теориях Д. Канемана, А. Тверски, Р. Талера: социально-философский анализ.....	102
3.3. Новые социальные парадигмы в философских исследованиях экономического субъекта.....	115
3.4. Специфика представлений о поведении экономического субъекта в отечественной социально-философской мысли.....	132
Заключение	147
Список использованной литературы.....	152

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время исследования возникновения и развития представлений об экономическом субъекте, мотивах поведения, условий и обстоятельств его практической деятельности проводятся в различных отраслях социально-гуманитарного знания, а также являются одной из важных проблем современных философских дискуссий. Анализ поведения экономического субъекта сегодня приобретает междисциплинарный характер. Сложность и нелинейность, многомерность и неоднозначность взаимосвязей различных аспектов экономической деятельности вызывают интерес не только в сфере частнонаучных исследований, но привлекают повышенное внимание философов. В частности, одними из существенных аспектов философского осмысления проблемы поведения экономического субъекта являются соотношение моральных норм и достижение финансового благополучия в процессах принятия решений на разных уровнях.

Стремление отделить экономику от философских и социальных проблем оказалось главной причиной наиболее серьезных и значимых социальных потрясений прошлого столетия. Теоретический анализ убедительно показывает, что проблема поведения экономического субъекта имеет глубокие социально-философские основания. Философский подход к решению заявленной проблемы предусматривает не только изучение вопросов, связанных с рациональным, ограниченно рациональным или иррациональным поведением субъекта в экономике, но и обнаружение обезличенности (анонимности) экономической деятельности в системе социальных связей и отношений.

Информационная революция привела к масштабным изменениям основных сфер общественной жизни. Глобальные процессы, происходящие в современном обществе, требуют высокого уровня обобщения, новых методологических подходов, разработки философских концепций, адекватно отражающих быстро меняющуюся социально-экономическую реальность. В современных условиях трансформационной экономики, перехода к обществу знания изучение сущности и роли экономического субъекта оказывается чрезвычайно актуальным. С

переходом к экономике информационного общества возрастает роль человека как субъекта труда, производства, потребления, становится актуальной проблема поведения субъекта, который принимает социально-экономические решения. Модель «homo economicus», удобно вписавшаяся в умозрительные конструкции классической экономической теории, сегодня утрачивает свое значение из-за явного несоответствия быстро меняющейся социальной реальности. Поэтому проблемное поле социально-методологических исследований предусматривает поиск ответов на новые философские вызовы современного общества. Какими сущностными характеристиками обладает экономический субъект XXI века? Какие силы и субъекты способны реализовать современные социальные и экономические реалии, неся всю полноту ответственности за их результаты?

Беспрецедентные преобразования окружающей среды, трансформации социально-экономической деятельности, а также фундаментальность перемен, происходящих в современной социальной жизни, как в нашей стране, так и в мировом сообществе, заставляют вновь и вновь возвращаться к исследованию философских оснований экономического субъекта. Кроме того, сегодня социальная реальность ставит сложные комплексные философские проблемы и трудно разрешимые задачи. Философия постепенно расширяет и предметно определяет уровни анализа теории и практики экономической жизни общества. Под влиянием глобализации и информатизации общества в современных условиях появляются новые научные направления, синтезирующие принципы и подходы различных отраслей знания. Одним из примеров является поведенческая экономика, включающая в себя социально-философские, психологические и экономические исследования. Поведенческий подход позволил по-новому посмотреть на глубинные социально-философские мотивы деятельности экономического субъекта, который далеко не во всех случаях может быть описан с помощью канонов классической экономической науки. Очевидно, что заданные извне объективные обстоятельства не способны полностью детерминировать поведение субъекта экономики, следовательно, достоверное прогнозирование их поведения в рамках классических подходов невозможно. Понимание внутренних

мотивов иррационального поведения экономического субъекта, которые объясняет поведенческая экономика, не сводятся к одномерности и линейности. Иначе говоря, социально-философский анализ поведенческой экономической теории показал, что в реальности модель «экономического человека» как строго рационально действующего субъекта не работает. Однако это вовсе не означает, что экономический субъект может быть исключительно иррациональным. Рациональное и иррациональное в поведении экономического субъекта, их взаимозависимость и противоборство не только не исключают, но и необходимым образом дополняют друг друга.

Приходится констатировать, что анализ социально-экономических проблем оказывается далеко не в полной мере вовлеченным в область социально-философских исследований. Специфика социально-философского подхода к различным аспектам поведения экономического субъекта заключается в системности анализа поведения, потребления, мотивации, позволяющей избежать социологического и психологического редуционизма как в постановке, так и в решении широкого круга вопросов.

Парадокс экономического субъекта состоит в том, что он выступает в сфере экономической деятельности в двух ипостасях: с одной стороны – как организатор и производитель необходимых обществу благ, с другой – как их непосредственный потребитель. Иначе говоря, субъект экономической деятельности является не только ее целью, но и средством. Поскольку экономический субъект наделен волей, сознанием и эмоциями, невозможно определить модели его поведения без глубокого философско-теоретического анализа этих феноменов. Как заметил И. Бентам, «у философии нет более достойного занятия, чем оказывать поддержку экономике...»¹.

Под влиянием современных процессов глобализации и информатизации меняются не только экономические законы, но и закономерности поведения

---

¹ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М. : РОССПЭН, 1998. 415 с.

экономического субъекта. Предмет социально-философского исследования и научного анализа непрерывно меняется. В связи с этим возникает настоятельная потребность в адекватной реакции на происходящие существенные изменения. В современной экономике на первый план выходят креативность мышления, нестандартные идеи, творческое начало экономического субъекта.

В настоящее время новые тенденции в области экономики порождают необходимость переосмысления представлений об экономическом субъекте, соотношении рационального и иррационального в его поведении. Необходимо их глубокое теоретическое осмысление в контексте социально-философского анализа.

Степень разработанности проблемы настоящей диссертационной работы определяется совокупностью результатов, полученных в ходе самого исследования, а также изучения трудов, затрагивающих специфику социально-философских оснований поведения экономического субъекта.

Истоки учения о социально-философских основаниях экономики как искусстве ведения домашнего хозяйства, о взаимосвязи философии, морали и экономической выгоды можно найти в сочинениях античных мыслителей Ксенофонта, Платона, Аристотеля, и далее, в Средние века – в трудах Отцов Церкви.

Свое секуляризованное осмысление эта проблематика начинает обретать в работах Н. Макиавелли, актуализируется в трудах представителей Нового времени (Дж. Локк, Дж. Гоббс, И. Бентам, Б. Мандевиль, Д. Юм, Дж. С. Милль и др.). В эту эпоху формируется политическая экономия, которая начиная с А. Смита, в течение века в английской культуре выполняла роль социально-политической философии. Возник феномен экономического субъекта как таковой, поскольку индивид стал активным действующим лицом в социальных процессах.

XIX век явил собой две наиболее фундаментальные концепции, затрагивающие социально-философский аспект экономической деятельности, изложенные в сочинениях М. Вебера и К. Маркса.

В XX в. в трудах З. Баумана, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, В. Зомбарта, Т. Веблена, К. Нордстрема, Й. Риддерстрале, А. Рэнда, И. Паперно, М. Фридмана и других разрабатывались философские вопросы, связанные с пониманием экономического субъекта, анализировались теоретические позиции по поводу постановки и решения проблемы взаимосвязи экономики и социального поведения субъекта деятельности в эпоху постмодерна. Серьезные философские идеи и нестандартные подходы об иррациональной составляющей социального поведения экономического субъекта предлагали Г. Беккер, Э. Тоффлер, Т. Шульц, П. Словик, Д. Ариели, А. Тверски, Р. Талер, Х. Лейбестайн, Д. Канеман.

В отечественной социально-философской мысли необходимо специально отметить работы С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, С. Г. Кара-Мурзы, И. В. Кондакова, Р. Л. Лившица, Ю. М. Осипова, Б. Ф. Поршнева, А. И. Самсина, В. Г. Федотовой, Л. А. Тутова и других авторов, утверждавших, что этические и социально-философские основания глубоко укоренены в экономическом субъекте и не могут предъявляться ему как внешние предписания. В работах В. С. Автономова предложены модели человека в экономических и социальных науках. В. В. Радаев, В. М. Соколинский, М. К. Бункина, В. А. Семёнов применяют социально-философский и психологический подходы к человеку в экономике.

Специфика русского менталитета с точки зрения его влияния на поведение экономического субъекта раскрыта в трудах В. К. Королёва, Л. С. Гребнева, Т. И. Заславской, Р. И. Капелюшниковой, И. В. Манахова, А. В. Овруцкого, С. Н. Булгакиной, Н. С. Мудрагей, Н. И. Захарова и других отечественных исследователей.

В рамках поведенческой экономики представление об экономическом субъекте обретает новое осмысление и научное обоснование у таких авторов, как С. Вендель, К. Санстейн, Д. Соман, А. В. Банерджи, Э. Дуфло и др.

Тем не менее основные аспекты поведенческой экономики еще остаются мало разработанными и вызывают ряд дискуссионных вопросов. В связи с этим в

настоящей диссертации предложено теоретико-методологическое и социально-философское решение проблемы поведения экономического субъекта.

Цель и задачи исследования. *Цель* диссертационной работы заключается в выявлении и социально-философском анализе поведения экономического субъекта.

Достижению сформулированной выше цели способствовали определение и решение следующих *задач*:

– проанализировать концептуальные основания эволюции представлений об экономическом субъекте, предложить их классификацию в истории социально-философской и социально-экономической мысли;

– исследовать процесс проникновения этических норм и личной выгоды в структуру деятельности экономического субъекта, изучив для этого различные философские концепции;

– исследовать основополагающие научные парадигмы и подходы, объясняющие логику поведения экономического субъекта в контексте предмета и проблематики социальной философии;

– выявить социально-философские закономерности трансформации экономического субъекта в поведенческой экономической теории, обосновать влияние социокультурных факторов на процесс и логику принятия решений;

– обосновать и показать механизм детерминации, определяющий системные изменения в поведении экономического субъекта в классических и неклассических социально-философских концепциях.

Объектом диссертационной работы выступает процесс социальной трансформации поведения экономического субъекта в структуре предметно-практической деятельности.

Предмет диссертации составляют базовые социокультурные детерминанты поведения экономического субъекта.

Теоретические и методологические основы исследования. Социально-философский анализ процесса становления и трансформации поведения экономического субъекта основывается на реконструкции философских,

социальных и экономических теорий, отражающих различные стороны социально-экономических отношений в общественной жизни.

В основу социально-философского анализа легли фундаментальные принципы диалектики: развития, системности, детерминизма, всеобщей связи классических и неклассических социально-философских концепций, исследующих сущность и фундаментальные закономерности процесса трансформации экономического субъекта.

Изучение феномена «рациональности» поведения экономического субъекта в системе общественного развития базировалось на принципах взаимосвязи целого и части, абстрактного и конкретного, виртуального и реального, принципах относительности, диффузности и контингентности (неопределенности).

Кроме того, для освоения и осмысления научно-практической и теоретической базы – работ отечественных и зарубежных авторов, имеющих непосредственное отношение к теме диссертации, – был использован критический метод.

Научная новизна результатов диссертационного исследования:

- определен социально-философский статус экономического субъекта;
- выявлены социально-философские теории, концептуальные основания процесса эволюции представлений об экономическом субъекте, его поведенческих практиках, показана их зависимость от мировоззренческих установок конкретной исторической эпохи;
- теоретически обоснованы и эксплицированы фундаментальные особенности трансформации экономического субъекта в условиях глобализации и информатизации современного общества;
- вскрыты принципиальные различия в объяснении его поведения в рамках классической и неклассической социально-философских теорий;
- установлено, что исследователи классической экономики в качестве субъекта, действующего в экономической сфере, рассматривают «человека экономического», способного принимать рациональные решения, опирающиеся

на эгоистические предпосылки и максимизацию собственной выгоды;

– выявлены и проанализированы основные тенденции изменений поведения экономического субъекта; определены преимущества и недостатки, вызванные этими преобразованиями.

Положения, выносимые на защиту:

1. Социокультурные основания представлений о поведении экономического субъекта формируются в системе философского дискурса и проецируются на экономическую сферу жизни общества. Экономический субъект определяется объективными изменениями, происходящими в каждую конкретную историческую эпоху. Смена образов экономического субъекта, трансформация его социального поведения и философские представления отражают фундаментальные системные сдвиги общественного развития.

2. Выявлены основные классические модели поведения экономического субъекта. Такие системно-теоретические модели предполагают доминирование рационального начала, что связано с превалирующей позицией философского рационализма.

3. Каждой исторической эпохе соответствует социально детерминированный тип рациональности в экономическом поведении субъекта: от доминирования эгоистических принципов до учета аксиологически значимых норм общественной жизни.

4. В современных социально-философских исследованиях происходит трансформация экономического субъекта: от «рационального гедониста» к «иррациональному потребителю». Новое понимание экономического субъекта отражает иррациональное поведение под влиянием неявных социальных и психологических факторов: эмоций, спонтанных потребностей, плохо осознанных устремлений, интуиции, моды и давления со стороны общества.

5. Целостная социально-философская модель экономического субъекта предполагает сосуществование иррационального и рационального в его поведении, как на уровне исследований, так и в оценке результатов деятельности.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Одной из важнейших тенденций современной науки является изменение форм рациональности как основы экономической теории в ее классическом виде. Принципиально меняется осмысление соотношения «рациональность – иррациональность» и их влияния на формы социальной активности субъекта. В стремительно меняющейся экономической теории нашего времени различные стороны социального поведения приобрели особое значение. В современном мире материальные результаты деятельности сильно зависят от нематериальных мотивов, ожиданий экономического субъекта, его доверия, ощущений и пр. Трансформирующаяся социальная реальность требует изменения методологии познания с акцентом на междисциплинарное взаимодействие и прикладное использование исследований.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в выявлении и социально-философском анализе типов рациональности, ролей, структур экономического субъекта в разные исторические эпохи. Ретроспективный анализ проблемы позволил выявить и исследовать фундаментальные эволюционные модели экономического субъекта.

Научно-аналитическое изучение основополагающих концепций с учетом социального опыта прошедших эпох, их анализ и синтез позволяют рассмотреть проблему поведения экономического субъекта в теоретико-философском контексте. Поэтому содержание диссертации, ее основные выводы и рекомендации могут быть использованы для развития социальной философии, прикладных философских курсов и дисциплин.

Проведенное диссертационное исследование вносит существенный вклад в развитие социально-философских исследований феномена экономического поведения, закладывает его теоретический базис и методологические рамки дальнейших социально-философских поисков. Результаты диссертационного исследования имеют научно-теоретическую значимость для понимания процессов трансформации экономического субъекта. Поэтому основные положения и выводы работы могут быть использованы:

– для изучения перспектив развития социальных процессов современного общества;

– в дальнейшем исследовании проблемы экономического субъекта в системе социальной реальности;

– в учебном процессе при преподавании базовых курсов и спецкурсов по социальной философии.

Апробация результатов диссертационной работы. Результаты исследования озвучены на конференциях, проходивших в России в 2016–2019 гг.:

– Международная очно-заочная научно-практическая конференция «Внеконфессиональные формы религиозности» (Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 10–11 ноября 2016 г.);

– IV Международная научно-практическая конференция «Духовно-нравственная культура в высшей школе: 1917–2017 – осмысление истории» (Москва, Российский университет дружбы народов (РУДН), 26 января 2017 г.);

– VIII Международная научно-практическая конференция «Православный традиционализм и его место в системе церковно-государственных отношений» (Тула, Тульский государственный университет, 20–21 марта 2017 г.);

– VI Конгресс молодых ученых – XIV Межвузовская конференция молодых ученых (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО), 18–21 апреля 2017 г.);

– Международная научно-практическая конференция «Духовно-нравственная культура в высшей школе: нравственные ценности и будущее студенческой молодежи» в рамках XXVI Международных Рождественских образовательных чтений (Москва, Российский университет дружбы народов (РУДН), 23 января 2018 г.);

– XXV Международная научная конференция молодых ученых «Ломоносов–2018», секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

(Москва, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 9–13 апреля 2018 г.);

– Международная научно-практическая конференция «Маркс: ученый, революционер, человек» (Москва, Институт философии РАН, 27–28 апреля 2018 г.);

– XXVI Международная научная конференция молодых ученых «Ломоносов–2019», секция «Философия. Культурология. Религиоведение» (Москва, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 9–13 апреля 2019 г.).

По теме диссертационной работы автором опубликованы 1 монография, 16 научных изданий, в том числе 5 статей в журналах и сборниках, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией.

Структура диссертации состоит из введения, 3 глав, включающих 11 параграфов, заключения и библиографического списка (172 наименование). Основной текст работы изложен на 164 страницах печатного текста.

Глава 1. Социально-философские основания трансформации представлений об экономическом субъекте

1.1. Становление социальных предпосылок представлений об экономическом субъекте в античной философской культуре

В настоящее время усиливается внимание к философским проблемам экономики, активизируются попытки разобраться, понять причины кризиса, охватившего экономическую систему. Становятся всё более актуальными исследования этико-экономической проблематики, так как именно отсутствие этических предпосылок хозяйственной деятельности оказалось причиной наиболее значимых потрясений XX века.

Предметом изучения данной проблематики являются вопросы, связанные с деятельностью экономического субъекта, мотивами и ориентациями его поведения в экономико-хозяйственной сфере. Можно утверждать, что социальный аспект в экономике нацелен на осмысление основ экономического бытия как одной из важнейших сфер человеческой жизни. Экономический субъект в своем поведении, или делая экономический выбор, всегда ориентируется на этические нормы. Есть некий внутренний императив, по которому он руководствуется, некое представление о допустимом и недопустимом. Несмотря на то, что экономическая теория у классиков представляется объективной наукой, сложно не заметить, что она полностью не освободилась от давления нравственно-философских компонентов, не взирая на то, признают данный факт экономисты или нет. Как отмечал В. С. Соловьев: «В основе экономической области лежит нечто простое и роковое, само по себе из нравственного начала не вытекающее, – необходимость труда для поддержания своего существования. Нет, однако, и не было такого неизменного состояния в жизни человечества, когда бы эта простая необходимость не осложнялась

нравственным вопросом»².

Социально-философский анализ предполагает высвечивание становления и развития экономического субъекта и его поведение сквозь призму системы ценностей, фундаментальных тенденций и закономерностей поведения в процессе экономической деятельности. Обратимся к истории философской мысли для полного понимания проблемы.

Термин «этика» (греч. *ἠθικός* (etika), *ἦθος* (ethos) – «обычай, нрав, характер») для обозначения особой области философского исследования впервые был употреблен древнегреческим философом Аристотелем. Р. Г. Апресян отмечает: «Отталкиваясь от слова “этос” в значении характера, Аристотель образовал прилагательное “этический” для того, чтобы обозначить особый класс человеческих качеств... Для обозначения совокупности этических добродетелей как особой предметной области знания и для выделения самого этого знания как особой науки Аристотель ввел термин “этика”»³. При этом автор этих слов считает, что этику Аристотеля, как и других античных философов, отличает отстраненность от науки, что придает ей метафизический смысл.

Под этикой понимают принципы, управляющие поведением. Она учит человека уважению и состраданию к ближнему. Трудно не согласиться с Дж. Муром: «Всё, что сделала и может сделать этика, состоит не в определении безусловных обязанностей, а в указании того, какая из нескольких альтернатив, возможных в данных условиях, приведет к лучшим последствиям»⁴.

Важно отметить, что экономика как наука возникла гораздо позже этики. Чтобы лучше понять взаимоотношения экономики и этики, необходимо обратить внимание на то, что основы экономической теории зарождались в античной Греции, а второе ее рождение и превращение уже в науку произошли в Новое время. Исторически сложилось такое понимание, что у экономики как науки есть

---

² Соловьев В. С. *Оправдание добра : нравственная философия*. М., 1996. С. 407.

³ *Общественная мораль : философские, нормативно-этические и прикладные проблемы* / Р. Г. Апресян, О. В. Артемьева, В. И. Бакштановский [и др.]. М., 2009. 494 с.

⁴ Мур Дж. *Природа моральной философии*. М., 1999. С. 55.

два начала. Первое начало относят к античной философской мысли, и на данном этапе у экономики обнаруживается этическое начало, второе – к Новому времени, и это уже экономика, которая ориентируется на математику и технику. Такую экономику А. Сен назвал «инженерией»⁵. Если этико-ориентированная традиция происхождения экономики и ее этическая функция берут свое начало в древнегреческой философии, то технически ориентированный подход к экономике возникает на мануфактурно-индустриальной стадии капитализма. Современную технически ориентированную экономику можно назвать наукой. Открываются первые экономические школы. Кроме того, в качестве инструмента научного статуса используется «парадигмальный подход» Т. Куна⁶.

Однако до эпохи Нового времени, до зарождения капиталистического хозяйства экономические проблемы не были предметом самостоятельного исследования. Они рассматривались в контексте политических и этических вопросов. Это прослеживается в учениях Сократа (469–399 гг. до н.э.), Ксенофонта (430–354 гг. до н.э.), Платона (428–347 гг. до н.э.), Аристотеля (384–322 гг. до н.э.).

В Античности экономика и этика противопоставлялись как внешние и внутренние блага. Если экономика была связана с постоянным стремлением к увеличению материальных благ и удовлетворению человеческих потребностей, то этика всегда учила умеренности, ограничению человеком его потребностей.

Сферы интересов и предметные области у этики и экономики различаются. Если предметная область этики – учение о природе морали и моральной оценке поступков людей; то экономики, – по словам Л. Роббинса, «человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление»⁷. Однако есть и нечто общее у них, ведь они принадлежат к «поведенческим» дисциплинам. Как

---

⁵ Sen A. On ethics and economics. Malden, MA ; Oxford, UK, 2005. P. 16–17.

⁶ Кун Т. Структура научных революций. М., 1997. С. 11.

⁷ Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 1. С. 18.

отмечает В. Канке: «Этика пытается ответить на последние вопросы, в которых смысл человеческого бытия представлен в наиболее рафинированном виде»⁸. В экономической реальности экономический субъект постоянно сталкивается с трудной проблемой выбора. «Цель экономики нельзя установить в отрыве от человека...Поэтому никакая экономическая система не может быть абстрагирована от реальных человеческих потребностей, желаний, надежд и прочих обязательных условий и предпосылок хозяйствования»⁹. В сфере экономики производятся необходимые средства для существования человека, создаются ценности земной жизни людей. Экономика – это объективная реальность, с которой мы постоянно имеем дело в повседневности, это непреходящий атрибут нашего бытия. Как писал Г. В. Ф. Гегель¹⁰, именно экономика является фундаментом гражданского общества. Экономика показывает, что, принимая экономические решения, человек руководствуется личным, эгоистическим интересом, а этика как наука о «правильном» поведении учит тому, чтобы поступок был морально одобряемым.

В связи с тем, что этика и экономика столь разные, возникает вопрос: возможна ли взаимосвязь между ними? Как в настоящее время, так и во всех предыдущих эпохах эта проблема остается открытой. Почему? Прежде всего, потому, что человеческая природа двойственна. Человек является одновременно и материальным, и духовным существом. Примерно в V в. до н.э. древнегреческая культура достигла высшей ступени знаний во многих областях, в том числе и в искусстве управления своим домашним хозяйством. Й. Шумпетер отмечал: «...История экономического анализа начинается только с греков»¹¹. Первые работы в этом направлении можно найти у древнегреческого философа Ксенофонта. Искусство «управления своим домом» Ксенофонт назвал «экономией» (от греч. οἶκος (ойкос) – «дом, жилище» и νόμος (номос) –

---

⁸ Канке В. А. Этика ответственности : тория морали будущего. М., 2003. С. 313.

⁹ Рих А. Хозяйственная этика. М., 1996. С. 275.

¹⁰ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 57.

¹¹ Шумпетер Й. А. История экономического анализа : в 3 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 63.

«правило»). Главное произведение Ксенофонта так и называлось - «Домострой»¹².

Разумеется, домоводству и прежде учились, но знание достигалось практическим путем, без теории. Первыми теоретиками являлись софисты, и главным образом Протагор, избравшие предметом своего преподавания именно практические, житейские вопросы. «Домострой» Ксенофонта по содержанию делится на две части: в первой речь идет о домашнем хозяйстве, во второй – о земледелии. По форме это диалог: в первой части Сократ разговаривает с Критобулом, во второй – рассказывает Критобулу о своей беседе с Исомахом, который, в свою очередь, передает Сократу свой разговор с собственной женой.

Личность Сократа едва ли подходила для поучения о хозяйственных делах, так как он ни домашним хозяйством, ни земледелием не занимался, поэтому можно предположить, что многое, сказанное устами Сократа, было идеями самого Ксенофонта. Подход Ксенофонта к экономической деятельности отличался тем, что духовные совершенства представляли собой более высокую ценность, чем само богатство.

В VI главе работы «Домострой», делая общие выводы, Сократ называет домоводство наукой, с помощью которой можно обогащать хозяйство: «Итак, мы решили, что домоводство есть название какой-то науки, а эта наука, как мы определили, есть такая, при помощи которой люди могут обогащать хозяйство, а хозяйство, согласно нашему определению, есть всё без исключения имущество, а имуществом каждого мы назвали то, что полезно ему в жизни, а полезное, как мы нашли, – это всё, чем человек умеет пользоваться»¹³. Сократ считал, что богатство – относительная вещь, зависящая от потребностей человека. Богат тот человек, кто доволен тем, что имеет. Свою деятельность по моральному воспитанию сограждан Сократ расценивал как божественный дар и занимался ею без материального вознаграждения, пребывая при этом в крайней бедности. Он

---

¹² *Ксенофонт. Сократические сочинения. Домострой. СПб., 1993. С. 252.*

¹³ Там же. С. 274.

считал, что чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам¹⁴. Продолжая диалог, Сократ искренне жалеет Критобула за его бедность. И это несмотря на то, что Критобул был примерно в сто раз богаче Сократа: «...Если мне попался хороший покупатель, то за мой дом со всем, что у меня есть, вполне свободно можно было бы выручить пять мин; а за твое имущество, это я наверно знаю, можно бы было выручить с лишком в сто раз больше этого»¹⁵. Почему же Сократ считал себя богаче его? На этот вопрос Критобула философ отвечает: «...Потому что моего состояния хватает на то, чтобы у меня было всё в достаточном для меня количестве. А для того положения в жизни, которое ты на себя примерил, и для поддержания твоей славы тебе не хватит, хоть бы втрое больше прибавилось у тебя к тому, что ты теперь имеешь»¹⁶. Возникает вопрос, а как же надо жить, чтобы стать по-настоящему богатым, есть ли средство к подлинному обогащению? Сократ выдает простой «рецепт»: надо уметь «жить так, чтобы оставался излишек. Поэтому я надеюсь, что человек, у которого остается излишек от немногого, вполне легко может сделать так, чтобы оставался большой излишек от многого»¹⁷. Нужно обуздать неумеренное стремление к материальным благам, поскольку они препятствуют нравственному совершенству, что должно являться целью человеческой жизни.

Платон, как верный и преданный ученик, продолжил сократическую традицию соединения учения об этике с экономикой. Но, в отличие от Сократа, ему не давали покоя существенные противоречия между этими учениями. Взгляды Платона об общественном устройстве всегда были на стороне справедливости. Он придавал экономической стороне жизни особую этическую значимость. «Понимания экономического субъекта, свобода выбора, справедливости в эпоху Античности и в Средневековье резко отличаются от

---

¹⁴ *Нерсесянц В. С.* Сократ. М., 1977. С. 77.

¹⁵ *Ксенофонт.* Указ. соч. С. 260.

¹⁶ Там же. С. 262.

¹⁷ Там же. С. 263.

представлений настоящего времени»¹⁸. К. Поланьи отмечает: «Справедливость – в противовес нашим современным взглядам – предполагает неравенство положения членов сообщества. Всё, что обеспечивает справедливость, будь то при распределении жизненных благ или разрешении конфликтов и регулировании взаимных услуг, есть благо, если это требует устойчивого существования группы. Так что нормативность здесь неотделима от реальности»¹⁹.

Для Платона корнем всех несправедливостей и пороков является чрезмерное стремление к материальному богатству и личному благоденствию. Тем не менее, эти качества, указанные Платоном, являются главными пружинами экономического развития. В диалоге «Государство» он писал, что «богатство и добродетель подобны чашам весов, из которых одна не может опуститься без того, чтобы другая не поднялась»²⁰. Согласно мнению Платона, государство возникает вследствие общественного разделения труда, при котором люди могут избирать себе сферу деятельности по своим склонностям, ибо от природы они предназначены к тому или иному делу: «...Для того, кто по своим природным задаткам годится в сапожники, будет правильным только сапожничать и не заниматься ничем другим, а кто годится в плотники – пусть плотничает»²¹. Для достижения справедливости в государстве нужно разделить граждан на три сословия: правителей, стратегов, производителей, – в соответствии с преобладающими в них тремя частями души. Первое сословие составляют мудрецы, философы – их обязанность управлять. Относительно свойств души философов он писал: «их страстно влечет к познанию, приоткрывающему им вечно сущее... Такой человек рассудителен и ничуть не корыстолюбив – ведь тратиться на то, ради чего люди гонятся за деньгами, подходило бы кому угодно,

---

¹⁸ *Ивашковский С. Н.* Экономика и этика : история непростых взаимоотношений // Экономическая политика. 2011. № 3. С. 116.

¹⁹ *Поланьи К.* Избранные работы. М., 2010. С. 135.

²⁰ *Платон.* Восьмая тетралогия. Государство, или О справедливости // Полн. собр. соч. в одном томе. М., 2016. С. 914.

²¹ Там же. С. 837.

только не ему»²². Второе сословие – воины; их обязанность – служить философам, помогать им в управлении низшим сословием, стоять на страже безопасности государства, охраняя его от внешних врагов. Третье сословие – это те, кто непосредственно занимается материальным производством. Оно должно быть в полном подчинении у правителей, как низшая часть души должна подчиняться высшей. Для того чтобы высшие сословия могли соответствовать своему назначению, они должны получить соответствующее воспитание: телесное и духовное. Плату за свои труды они должны получать натурой от низшего сословия. Философ выступал против частной собственности воинов (стражей) на движимое и недвижимое имущество, рабов. Их дети, жены и вся собственность должны находиться в ведении государства. Платон считал, что частная собственность, золото, серебро, деньги будут отрывать стражей от их основной обязанности – защищать города от врагов, так как им придется всё свое внимание сосредотачивать на преумножении личного богатства. К деньгам они не должны прикасаться, чтобы избежать соблазна накопления. Есть добродетель, общая для всех сословий, которую Платон ценит очень высоко, – это умеренность (как мы отметили выше, к мере как величайшей этической ценности призывал своих сторонников и Сократ).

Согласно Платону, справедливое и совершенное государство – это высшее из всего, что может существовать на земле. Человек живет ради государства, а не государство ради человека. В учении Платона об идеальном государстве мы находим ярко выраженное господство всеобщего над индивидуальным. Платон утверждает: «В таком государстве, которое ближе всего по своему состоянию к отдельному человеку: например, когда кто-нибудь из нас ушибет палец и всё совокупное телесное начало напрягается в направлении к душе как единый строй, подчиненный началу, в ней правящему, она вся целиком ощущает это и страдает части, которой больно; тогда мы говорим, что у этого человека болит

---

²² Платон. Указ. соч. С. 866–867.

палец»²³. Это касается любого человека, проживающего в данном обществе. Далее философ утверждает: «Когда один из граждан такого государства испытывает какое-либо благо и зло, такое государство обязательно скажет, что это его собственное переживание, и все целиком будут вместе с этим гражданином либо радоваться, либо скорбеть»²⁴.

Целью идеального платоновского государства являлось «изгнание неблагородной страсти к наживе», поскольку именно излишки порождают такие пороки, как праздность, лень и жадность.

Аристотель развивает идеи Платона. У него «экономия» становится уже самостоятельным искусством и состоит из двух частей по целям. Первая – ойкономикос, или истинная, – искусство создавать блага для удовлетворения естественных потребностей. Вторая – хрематистика, или ложная, – искусство наживать состояние путем перепродажи товаров и ростовщичества; направлена на накопление денег, обогащение любой ценой. Так как хрематистика расположена рядом с ойкономикос, люди принимают ее за самую ойкономикос, но это не так. Потому что хрематистика не следует природе, а направлена на эксплуатацию. На нее работает ростовщичество, которое по понятным причинам ненавидится, так как черпает свою прибыль из самих денег, а не из вещей, к распространению которых были введены деньги. «Деньги должны были облегчить торговлю, но ростовщический процент увеличивает сами деньги. Поэтому этот вид обогащения самый извращенный», – писал философ²⁵. Люди переступают через нравственные законы, стремясь приобрести богатство, деньги. Единственной целью хозяйствования является богатство: «Так как действий, искусств и наук много, много бывает и целей. У врачевания – это здоровье, у судостроения – судно, у военачалия – победа, у хозяйствования – богатство»²⁶.

Экономия для философа не выходит за рамки семьи, но при этом

---

²³ Платон. Указ. соч. С. 849.

²⁴ Там же. С. 850–851.

²⁵ Аристотель. Политика. М., 2010. С. 23.

²⁶ Аристотель. Этика. М., 2012. С. 40.

Аристотель считает, что экономия составляет часть политики, «как дом составляет часть государства»²⁷. Исходя из этой идеи Аристотель, в отличие от Платона, выступает за частную собственность. Как отмечает И. И. Агапова, «сознавая бессилие борьбы с некоторыми экономическими явлениями, он не создает себе идеал государства, уравнивающего всё и вся, распределяющего труд и богатство и насаждающего справедливость и добродетель. Аристотель не требует от государства разных запретительных законов, но взывает к отдельной личности, предоставляя ей самой осознать, в чем заключается истинное счастье, и осуществить его»²⁸. Философ утверждал, что во всем необходимы самообладание и умеренность: «Ведь мера обладания собственностью, которая является достаточной для хорошей жизни, не беспредельна; как говорит Солон в одном из своих стихотворений, “людям не указан никакой предел богатства”. Предел этот существует, как он существует и в остальных искусствах: всякое орудие во всяком искусстве не является беспредельным в отношении своего количества и величины; богатство же представляет собой совокупность орудий экономических и политических»²⁹.

По Аристотелю, общество – это, прежде всего множество, объемлющее противоречивые интересы, конфликты, включающее различные части и составные элементы. Философ писал: «То, из чего составляется единство, заключает в себе различие по качеству»³⁰. Известный тезис Аристотеля о том, что «государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку»³¹, предполагает признание за государством высшей этической жизнеустроительной ценности. Государство есть воплощение высшей из всех идей – идеи блага. «Главной целью государства является поэтому не просто совместное проживание, вытекающее из потребностей и преимуществ совместной

---

²⁷ *Аристотель*. Политика. С. 47.

²⁸ *Агапова И. И.* Экономика и этика : аспекты взаимодействия. М., 2002. С. 15.

²⁹ *Аристотель*. Политика. С. 36.

³⁰ Там же. С. 41.

³¹ Там же. С. 379.

жизни, а деятельность, направленная к добру. Настоящее учение как своего рода наука о государстве стремится к этому (т. е. достижению и сохранению блага государства), как к своей цели»³². Раскрывая эту идею, Аристотель писал: «Хотя стоит стремиться к достижению цели уже для одного человека, но более возвышенным и благородным является достижение цели всего народа или города-государства»³³. В учениях Аристотеля прослеживается идея, что «в домохозяйстве следует заботиться более о людях, нежели о приобретении бездушной собственности, более о добродетели первых, нежели об изобилии последней, том, что мы называем богатством»³⁴. Резюмируя, можно утверждать, что, по Аристотелю, цель государства – это совместное продвижение к высокому качеству жизни.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что проблема взаимосвязи экономики и этики широко рассматривалась античными философскими школами. Для античной философии характерно было рефлексивное постижение действительности. Это способствовало более детальной разработке этических императивов в осуществлении хозяйственной деятельности.

Представления как об экономическом субъекте, так и о субъекте в целом тоже стали зарождаться в эпоху Античности. Субъект (от лат. *subjectus* – «лежащий внизу, находящийся в основе») – индивид или социальная группа, познающие внешний мир и активно воздействующие на него в ходе своей практической деятельности. А. Ф. Лосев видел разницу между новоевропейским и античным пониманием субъекта. Так, есть латинский термин «субъектум». Что он значит? «Суб-» = «под» и означает то, что подброшено, в данном случае подложено под конкретное качество и свойство, которым обладает данная вещь. То есть это не только совокупность определенных свойств, но и носитель этих

---

³² Аристотель. *Этика*. М., 2012. С. 41.

³³ Аристотель. *Никомахова этика*. М., 1997. Кн. 1, гл. 2. С. 52

³⁴ Аристотель. *Политика*. С. 44–45.

свойств. «Латинское “субъектум” соответствует русскому “объект”... “субъектум” – это вообще объект сам по себе, а “объектум” – это такой объект, который дан нашим чувствам»³⁵.

У Аристотеля понятием «субъект», соответствующим греческому «гипокейменон», обозначались и индивидуальное бытие, и материя.

К. Н. Любутин пишет: «...Выражения “субъект” и “объект” как определенные противоположности мы встречаем впервые у стоиков... но странным образом... эти понятия имели прямо противоположный смысл, т. е. субъект означал объект, а объект – субъект»³⁶. Иными словами, субъектное бытие – это бытие некой вещи, существующей в реальности. В античной философской мысли субъект обозначал единичное оформленное бытие.

Современное понимание термина «субъект» берет свое начало у Р. Декарта. Философ отмечал: «...Заметив, что истина: я мыслю, следовательно, я существую, – столь тверда и верна, что самые сумасбродные предположения скептиков не могут ее поколебать, я заключил, что могу без опасений принять ее за первый принцип искомой мною философии»³⁷. Декартовский субъект является новоевропейским пониманием субъекта как активного начала в процессах взаимодействия с миром. Философ полагал, что все виды мыслительной деятельности подразделяются на два основных: восприятие разумом и действие воли: «...То, что мы обладаем свободой воли и что последняя по своему выбору может со многим соглашаться или не соглашаться, ясно настолько, что должно рассматриваться как одно из первых и наиболее общих врожденных нам понятий»³⁸.

---

³⁵ Лосев А. Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1998. С. 161.

³⁶ Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистской-ленинской философии. М., 1981. 364 с.

³⁷ Декарт Р. Рассуждение о методе : [с приложениями : Диоптрика, метеоры, геометрия]. М., 1953. С. 33.

³⁸ Декарт Р. Начала философии // Декарт Р. Избранные произведения. С. 442.

Так постепенно формировалось представление о субъекте как о независимой инстанции, способной к спонтанной, произвольной деятельности. Понятие «субъект» не является только гносеологическим. Субъект – это Человек, понятый как существо, обладающее атрибутами целостности и суверенности, продуцирующее цели собственной деятельности. О каком бы экономическом субъекте ни шла речь – индивиде, социальной группе или государстве, – этот субъект всегда имеет форму Я и личностную определенность. Верно отметил Э. В. Сайко: «И именно воспроизводство социальной сущности человека и способность сохранять эту сущность обеспечивают целостность человека как явление социального мира»³⁹. Сложно не соглашаться с М. А. Парнюк: «Универсальность “мерок” освоения мира человеком и то взаимодействие, в котором они постоянно находятся в процессе своего функционирования, зависят, прежде всего, от многообразия тех связей и отношений, в которые вступают люди в практической жизнедеятельности»⁴⁰. Этим обстоятельством обуславливается специфика тех средств, при помощи которых осуществляется становление предметного мира человеческой культуры. Поэтому, как справедливо отмечает С. Н. Булганина: «Главным в иерархии субъектов выступает индивид, так как именно он, будучи субъектом предметной деятельности как целостной, включающей целеполагание, выполнение цели, выбор средств, самоконтроль и др. атрибуты, способен видеть как свои собственные проблемы этого мира и брать на себя их решение. Началом же последней является экономический интерес, в основе которого лежат потребности»⁴¹. В. В. Знаков пишет: «Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности, общения и других видов активности»⁴². Человек и социальность начинаются с предметной

---

³⁹ Сайко Э. В. Субъект : созидатель и носитель социального. М., 2006. С. 417.

⁴⁰ Парнюк М. А. Субъект и объект как философская проблема // М. А. Парнюк, Е. Н. Причепий, В. А. Рыжко. Киев, 1979. С. 300.

⁴¹ Булганина С. Н. Природа и структура экономических субъектов. Оренбург, 2003. С. 157.

⁴² Знаков В. В. Субъект, личность и психология человеческого бытия / В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М., 2005. С. 21.

деятельности. Структуру деятельности как человеческого феномена образуют целеполагание, самоконтроль, единство материальной и духовной составляющей. Человек, не выполняющий всю полноту целостной деятельности, перестает быть субъектом.

Деятельность людей, которую изучает экономическая теория, ограничивает постановку вопроса о субъекте. По определению, экономические процессы – сфера деятельности, где люди наименее всего свободны в принятии решений в силу внешней ее целесообразности и обусловленности. Мотивы потребностей и интересов довлеют над человеком в любую историческую эпоху и существенно сужают границы проявления субъектности. Например, в эпоху Возрождения и Реформации хотя люди занимались хозяйственной деятельностью, но она не была еще экономической, подчиненной извлечению выгоды. Экономическая деятельность в тот период ограничивалась торговцами, ростовщиками и теми производителями, которые регулярно работали на рынок.

Можно утверждать, что именно в начале Нового времени экономическая жизнь получает статус самостоятельной сферы жизнедеятельности общества и именно в этот период, впервые выходит на первый план и соответствует этой экономической жизни экономический субъект. Проблема экономического субъекта во всей сложности и многогранности его представленности в экономическом бытии продолжает оставаться сложной и не достаточно изученной темой в философии. Принципиальное значение придается, как отмечает А. И. Самсин, «...выявлению определяющей роли потребности и интересов как основы мотивации экономической деятельности и поведения людей и хозяйствующих субъектов»⁴³.

В истории философской мысли поведение экономического субъекта определялось уровнем и особенностями того общества и той эпохи, в котором он

---

⁴³ Самсин А. И. Философско-экономические воззрения С. Н. Булгакова и проблемы современности / А. И. Самсин, М. И. Скрипникова // Вестник Рос. экон. ун-та им. Г. В. Плеханова. 2013. № 4 (58). С. 47–53.

конкретно воспроизводился. Много идей о поведении экономического субъекта в хозяйственной деятельности содержится в работах Аристотеля; позже отдельные упоминания обнаруживаются в работах средневековых философов. Но и в период Античности, и в Средневековье экономика не рассматривалась как самостоятельная подсистема общества, она выступала лишь как одна из функций социальной организации. В эпоху Средневековья на первый план выходит осознание значения личности в развитии общества, развитие его духовных, моральных, этических качеств, а не экономических. Развитие проблемы экономического субъекта в контексте этико-экономической проблематики философии Средних веков подробно рассмотрено в следующем параграфе.

1.2. Социально-философская модель экономического субъекта в эпоху Средневековья

Средневековая эпоха предлагает собственное понимание экономического субъекта и его поведения. Это связано с тем, что именно в Средние века активно распространяется христианское учение, открывшее новую историческую эпоху перемен в сознании человека. Христианство коренным образом изменило взгляды на хозяйственную деятельность. «Для средневекового исследователя положения моральной теологии значили гораздо больше, чем любая экономическая проблема. Это объясняется спецификой сознания средневекового человека, которому присущи, прежде всего, универсальность, символизм и иерархичность»⁴⁴. В христианстве нравственные нормы обращены не к внешним делам и не к внешним проявлениям веры, а к внутренней мотивации, внутреннему миру человека. По словам Н.А. Бердяева, христианство «совершило величайшую духовную революцию, оно духовно освободило человека от неограниченной власти общества и государства, которая в античном мире распространялась и на

---

⁴⁴ Хаустов Ю. И., Канапухин П. А. *Методология экономических исследований в ретроспективе*. Воронеж, 2006. С. 44.

религиозную жизнь. Оно открыло в человеке духовное начало...»⁴⁵. Высшей нравственной инстанцией является не долг, стыд и честь, а совесть. Долг выражает внешнее отношение между человеком и Богом, человеком и обществом; стыд и честь выражают внешнюю целесообразность природы и общества. Совесть же есть голос свободного духа, делающего личность независимой от природы и общества и подчиняющего ее только собственной высшей правде. Если античный человек ощущал себя частью космического целого и столкновение собственных мотивов, драму собственных страстей он списывал на борьбу обожествленных мировых сил, то христианский человек сочетал в себе и мир с его стихийными страстями и надмирный дух, восходящий к божественному Духу. Христианская вера изменила мировоззрение людей. Изменилось глубинное мироощущение, открылись личность и свобода.

Социально-экономические идеи средневекового Запада развивались крайне ограниченно. Целью экономической деятельности являлось обеспечение людям первых необходимых средств существования. Средневековая экономика носила главным образом аграрный характер, она была основана на земельном хозяйствовании, которая доставляет всё необходимое. В эту эпоху осуждалось стремление наживать имущество, стремление к роскоши, безмерному удовольствию. Феодальные сеньоры, прежде всего церковные, особенно аббатства, которые располагали персоналом более высокого интеллектуального уровня, стремились знать, предвидеть и улучшать производство на своих землях. С этого времени управление крупными, прежде всего церковными, сеньориями перешло в руки специалистов. В Кентерберийском аббатстве, например, во второй половине XII в. натуральные оброки с крестьян уменьшались одновременно с сокращением числа монахов.

Средневековье, как и Античность, знало в качестве главной, если не единственной, формы займа потребительский заем, производственный заем

---

⁴⁵ Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. - М., 1995. - С. 307.

почти не существовало. В христианском обществе запрещалось давать кредиты под проценты, потребительские займы осуждались церковью и считались ростовщичеством. Поэтому христианство относится к труду не как к Божьему проклятию, а как к средству, призванному преобразить человека, вернуть ему утраченный рай и Божье благоволение. «Идеалы христианства – справедливость и праведность, а жадное стремление к богатству выступает как противное совести христианской. Не удивительно, что в средневековой теории нет места такой экономической деятельности, которая не связана с моральной целью. И потому на каждом шагу существуют ограничения, запреты, предупреждения не позволять экономическим интересам вмешиваться в серьезные дела»⁴⁶.

Первые проблески теоретических экономических исследований в средневековый период мы находим в работах Фомы Аквинского. Свои взгляды Аквинский излагал в виде постановки ряда вопросов. Так, обсуждалось, «свойственно ли природе человека владение вещами, позволяется ли кому-нибудь владеть вещью как собственностью»⁴⁷. Методика ответов носила весьма казуистический характер. В оправдание того или иного явления приводились аргументы, затем им противопоставлялись тексты Священного Писания, мнения отцов Церкви, Аристотеля. После этого следовало компромиссное заключение. Понятно, что научное решение поставленного вопроса оказывалось при этом весьма проблематичным. По справедливому замечанию Т. Д. Стецюры, «схоласты только обсуждают, систематически доказывают, выводят до бесконечности следствия, не проверяя оснований. Вся их логика сведена к силлогизму. Злоупотребление силлогизмом влечет за собой мелочность, страсть к делениям и подразделениям, низводит логическое рассуждение к словесной механике, способствует чрезмерной заботливости во внешнем выражении мысли в ущерб самой мысли»⁴⁸.

---

⁴⁶ Агапова И. И. Указ. соч. С. 17.

⁴⁷ Аквинский Ф. Сумма теологии. М., 2006. Ч. 1: Вопросы 1–64. 814 с.

⁴⁸ Виндельбанд В. История философии. СПб., 1898. С. 613.

Экономические вопросы рассматривались Фомой Аквинским прежде всего с позиций Священного Писания в рамках канонического права. Он ратовал за централизацию власти, указывая, что над Вселенной стоит Бог, в теле доминирует сердце, и подчеркивал, что король должен подчиниться римскому папе. В своих политических и экономических воззрениях автор опирался в основном на Аристотеля, но развивал и ряд собственных положений. К таковым следует отнести идею о естественности натурального хозяйства, которое, по мысли Ф. Аквинского, «...не делает человека счастливым, и приобретение такого богатства не может быть целью, так как последняя должна состоять в нравственном усовершенствовании»⁴⁹. Это утверждение исходит из христианской этики, где экономическая деятельность должна быть подчинена подлинному делу жизни – спасению души. Иоанн Златоуст писал: «Он показал, что купец не может нравиться Богу»⁵⁰. Именно поэтому утверждается мнение, что христианину не подобает заниматься торговой деятельностью. Видя, что многие из людей более любят и уважают богатство и богаты, Иоанн Златоуст учил: «Так люди любят богатство, власть, первенство и славу, и многие ублажают властителей народов, возимых на блестящих колесницах и сопровождаемых криком глашатаев и большою толпою оруженосцев... Итак, когда ты увидишь богатого украшенного одеждою, убранного золотом, везомого на колесницах, выступающего в блистательных выходах, не ублажай этого человека; потому что богатство временно, и кажущееся прекрасным истлевает с этою жизнью...»⁵¹.

Таким образом, и в современной социально-философской мысли бытует мнение (не в последнюю очередь благодаря работам М. Вебера), что до возникновения протестантизма экономическая и религиозная жизнь народов проходила независимо, и самые блистательные успехи в области духа оказывались в хозяйственной деятельности бесполезными. Но так ли это?

---

⁴⁹ *Стецюра Т. Д.* Хозяйственная этика Фомы Аквинского. М., 2010. 303 с.

⁵⁰ *Златоуст И.* Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста : в 12 т. М., 1991. Т. 1, кн. 1. С. 124.

⁵¹ Там же. С. 125–130.

Действительно ли только в рамках протестантской этики возможно слияние религиозного и экономического потенциала через практику мирской аскезы?

Немецкий философ О. Шпенглер остроумно заметил, что «экономическое мышление и экономические поступки – это та сторона жизни, которая выступает в ложном свете, как только ее начинают рассматривать как самостоятельный вид жизни»⁵². Иначе говоря, экономические теории и модели возникают и функционируют не сами по себе, а инспирируются иными аспектами культуры, в том числе и религиозными. Следовательно, любая культура имеет собственный оригинальный экономический потенциал. Не является исключением и христианство.

С обыденной точки зрения христианство направляет творческий и созерцательный вектор человека прочь от мира, на духовное самосовершенствование во имя трансцендентного Бога. Если надлежит служить Творцу, а не твари, то ничто в мире не может восприниматься как самоцель, в том числе и экономический успех или собственное процветание. Христианин даже ближнего любит и опекает лишь по причине своей любви к Богу. Такой взгляд на христианство представляет собой ошибку. Действительно, отшельники, пустынники, анахореты и иные аскеты-одиночки покидали общество и устремлялись в египетские и сирийские пустыни для индивидуального спасения, специально разрывая все связи с обществом. Но для духовного самосовершенствования и покаяния им все-таки нужно было сохранить свою жизнь, что без какой-либо хозяйственной деятельности невозможно. Многие из них жили собирательством, некоторые же не чуждались кустарной ремесленной деятельности (например, плетения корзин), продукцию которой регулярно обменивали в городах на провиант.

Ярким представителем пустынного монашества был св. Павел Фиваидский (IV в.). Отечественный историк Л. П. Карсавин так характеризует первых

---

⁵² Шпенглер О. Закат Европы : в 2 т. Минск, 2009. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. С. 595.

анакоретов: «Павел случайно приобрел известность. Большинство анакоретов жило и умерло в неизвестности. Они селились около источника, около финиковой пальмы в пещерах или заброшенных могилах или под открытым небом в жалких шалашах. Они приносили сплетенные ими в часы досуга корзины или циновки в соседние селения и выменивали их на хлеб и соль»⁵³. Получается, что даже ушедшие от мира одинокие аскеты все-таки участвовали в экономике прилегающих к пустыне селений в качестве производителей.

Может последовать возражение, что ручной труд занимал в жизни первых монахов далеко не главное место, а для ближайших деревень приносимый монахами товар не был определяющим. В первые века н. э. дело так и обстояло, но с появлением первых общежительных монастырей общины верующих были вынуждены всерьез заняться своим хозяйственным обеспечением. Быть независимой от мира обитель могла только в том случае, если сама себя обеспечивала всем необходимым. Основатель первого общежительного монастыря и первого устава в Табенниси св. Пахомий, бывший военный, превратил обитель в хозяйственную единицу, в которой монахи даже занимали кельи, исходя из рода своей ремесленной деятельности. Но не стоит полагать, что развитое ремесленное производство было в монастыре самоцелью. Как отмечает Л. П. Карсавин, «...труд не являлся самоцелью, он рассматривался как служение Богу и должен был сопровождаться молитвами и молчанием»⁵⁴. В ту же эпоху возникает монастырь св. Василия Великого в Малой Азии, братии которого вменялось в обязанность воспитание окрестных сирот. Для того чтобы создать при обители приют, требовались немалые средства, которые монахи были вынуждены добывать всё тем же ремесленным трудом. Получалось, что чем сильнее аскеты стремились уйти от мира, тем сильнее они сближались с последним, причем на том поприще, которое сами они считали неважным: речь идет о торгово-ремесленной

---

⁵³ Карсавин Л. П. Монашество в Средние века. М., 1992. С. 38.

⁵⁴ Там же. С. 40.

деятельности. Презируя прибыль, монах торговал на рынке; не ценя красивых вещей, отшельник создавал их собственными руками. Более того, сам трудовой процесс считался важной составляющей духовного становления инокa. Например, св. Силуан Синайский велел братии не кормить старца, высказавшегося против внимательного отношения к монастырскому хозяйству⁵⁵.

Окончательно монастыри превратились в экономические предприятия благодаря усилиям св. Бенедикта Нурсийского (V в.). На западе бывшей Римской империи светская власть фактически отсутствовала, и анахоретам приходилось не столько бежать от мира, сколько заботиться о нем. Ведь каждый запуганный войной и ограбленный варварами или византийцами итальянец был страждущим ближним, которого монах и иной клирик не могли бросить в беде. Создавая свою обитель в Монте-Кассино, св. Бенедикт именно по этой причине проектировал ее как крепость, в которой могли бы прятаться миряне в случае очередного нападения варваров или греков. При этом каждый монах считался Бенедиктом единицей в составе общего монастырского предприятия, которое не только спасает человеческую душу, но заботится и о теле: «Монах может и должен работать и читать, но то и другое подчинено бдительному надзору старших. Индивидуальная работа стеснена до крайних пределов: полагаться на свои силы может только испытанный, прошедший монастырскую школу, анахорет»⁵⁶. Создавая своеобразное «училище святости», Бенедикт не забывал о независимости этого «заведения» от мира. Монах не мог быть благочестивым, если зависел от кого-нибудь, кроме братии. И этот труд, не подчиненный рыночной выгоде, но вполне продуктивный в хозяйственном отношении, сделал монастыри бенедиктинцев надежным источником процветания для светских сеньоров. Им жаловали земли, льготы, и на рубеже тысячелетий выяснилось, что при самом горячем желании братия не может обработать такие обширные угодья.

---

⁵⁵ Училище благочестия или примеры христианских добродетелей : избранное из жития святых. Минск, 2006. С. 8.

⁵⁶ Карсавин Л. П. Указ. соч. С. 61.

Если же поставить во главу угла именно земледелие, то монахам станет совершенно некогда заботиться о своем спасении. Поэтому бенедиктинские аббаты приняли решение населить монастырские земли крепостными мирянами, которые своим трудом и оброком создавали бы монахам условия для духовного созерцания. Это не значит, что братия перестала трудиться, но труд ее теперь носил интеллектуальный характер (в частности, переписывание старинных книг). В экономическом же отношении разница между светским и духовным собственником земли полностью исчезала: и аристократ, и аббат одинаково владели крепостными, одинаково поддерживали в своих владениях порядок, и короли даже вменяли бенедиктинским монастырям в обязанность заботу о мостах и дорогах, расположенных в их землях. В своей фактической жизни бенедиктинский монастырь мало отличался от феодального поместья с той лишь разницей, что аббаты старались не участвовать в междоусобицах (что не всегда удавалось). Оттого что ни один монах лично не владел богатствами обители, она не становилась беднее. Аббат, будучи формально лишь распорядителем материальной собственностью, фактически мог делать с ней всё, что считал нужным. Такое положение дел несовместимо с представлением о христианстве как оторванной от практической жизни религии. Ведь бенедиктинские монастыри возникли не вопреки вероучению, а благодаря ему. В частности, каждый аббат-бенедиктинец считал своим долгом воспитывать крепостных крестьян в духе строгого католицизма, что на практике удавалось далеко не всегда.

Преобразование монастырей из обители веры и благочестия в хозяйственно-административные единицы вызвало негодование некоторой части клира, настаивавшей на возвращении к простоте нравов первых анахоретов. Наводнившие Европу в начале второго тысячелетия ереси тоже эксплуатировали этот момент, указывая, что католический клир учит свою паству жить в бедности, а сам богатеет на чужом труде.

Упрек был отчасти справедлив, и поэтому в XII в. св. Бернард Клервосский основал новый монашеский орден, получивший название цистерцианского. Основным его отличием от бенедиктинцев стал полный отказ от пользования

услугами мирян. «Братья»-цистерцианцы принципиально не селили на своих землях крепостных, зато в иерархии ордена существовал специальный разряд конверзов – «младших монахов», основной обязанностью которых был ручной труд. «Бывший серв, или вольноотпущенник, человек необразованный, он должен был расстаться с мечтами о семейной жизни, подчиниться монашеской дисциплине, но без надежды когда-либо сделаться монахом. Читать он не умел, и устав запрещал ему раскрывать книгу. Он должен был выучить наизусть четыре молитвы, и этим, да еще увещаниями аббата ограничивалось всё его религиозное образование. Цистерцианец считал себя благодетелем конверза»⁵⁷. Конверз оказывался младшим товарищем монаха, но также и бесплатной рабочей силой, опять же, увеличивая богатства монастыря, которыми ни он, ни монах не имели права пользоваться. Результат их трудов принадлежал исключительно главе ордена, который благодаря этому являлся очень влиятельным человеком. «Бернард руководил соборами, боролся с лжеучением Абеяра и с ересью катаров, проповедовал крестовый поход, указывал миру и Церкви, кто из двух избранных пап – избранный наместник Христа, и написал наставления папе»⁵⁸. Против такого слияния монастырей с миром по-разному боролись святые Франциск Ассизский и Доминго де Гусман, но их усилия привели лишь к созданию новых орденов, отличавшихся ученостью и не владевших обителями, но арендовавших их у тех же бенедиктинцев.

Таким образом, к началу XVI в. католическая Церковь представляла собой отлаженный экономический механизм, который мог преподать урок хозяйствования иному светскому феодалу. По большому счету, идея национальной Церкви, впервые озвученная Джоном Уиклефом и популяризированная Яном Гусом и Мартином Лютером, представляла собой не попытку заставить клир трудиться, а скорее, стремление светской власти наложить руку на церковные богатства. Реформация не создала трудовой этики, но распространила

---

⁵⁷ Карсавин Л. П. Указ. соч. С. 102.

⁵⁸ Там же. С. 103.

католическо-монашеское отношение к труду на протестантских мирян. Уничтожая монастыри, лютеране не уничтожили той хозяйственной этики, которую создал еще св. Василий Великий, просто теперь вместо отделившейся от мира обители «учреждением для спасения души» стали сами миряне.

Христианство коренным образом изменило взгляд на хозяйственную деятельность. Оно объявило простой труд необходимым и святым делом. Утверждение экономической системы. Базировавшейся на более сложных формах связи, породило насущную потребность в осознании основных принципов функционирования и выделения экономических знаний. Христианство по своей сути не чуждо хозяйственной деятельности. Даже такие убежденные аскеты-одиночки, как египетские анахореты первых веков, участвовали в производстве и торговле и не считали эти занятия мешающими спасению. Но, несмотря на это, в Средние века человек не задумывался о том, чтобы улучшить свое хозяйственное положение, он полагался исключительно на свою физическую силу. Труд приближает человека к Богу. И, если труду в Античности приписывали уничижающий характер, связанный с рабством, то христианская этика заявляет, что труд угоден Богу, и Адам до грехопадения возделывал сад Эдемский, и сам Творец был работником, «строителем мира». Религиозная доктрина имеет определяющее значение в понимании средневековым человеком проблемы нравственного измерения экономической деятельности. Мы считаем, что христианство не отрицает и не ограничивает экономическую жизнь, но просто не считает ее определяющей. Экономика является основой всякой общественной жизни, в том числе и монастырской, но только лишь основой, фундаментом, на котором людям предстоит возвести храм духа.

1.3. Трансформация социально-философских детерминант поведения экономического субъекта от Возрождения к Новому времени

В работах мыслителей Античности и Средних веков преобладала тенденция, признающая несовместимость добродетели с накоплением материального богатства, и, следовательно, господствовало негативное

отношение к последнему. Впервые нащупывались экономические проблемы и вырабатывались определенные подходы, методы для изучения сложной социально-экономической деятельности. В этом познавательном процессе впервые формулировались общие понятия, категории, которые впоследствии в новых исторических условиях уточнялись, углублялись.

В эпоху Возрождения был период образования централизованных государств, которые осознали свою силу и стремились обрести духовную независимость от Церкви и политическую друг от друга. Разгоревшаяся между ними борьба потребовала огромных денежных затрат. Как известно, средневековые светские и религиозные власти Европы запрещали взимать процент с предоставленных во временное пользование денежных средств. Античный философ Аристотель также утверждал, что процент представляет собой самую противоестественную форму дохода, так как деньги предназначены для обмена и не могут родить новые деньги. Средневековые мыслители, в частности Фома Аквинский, считали, что взимание процентов ничем не отличается от кражи, поскольку ростовщик получает с должника те деньги, которых не одалживал ему. Давая деньги в рост, кредиторы требуют процент как плату за время, но нельзя просить процент за то, что является благом, данным Богом. Требуя вознаграждения за полученный Богом дар, давая деньги в рост, ростовщик обманывает как ближнего своего, так и Бога. Однако, если до эпохи Возрождения взимание процента было осуждаемо, то теперь оно становится естественным и законным. Ведь должник благодаря чужому капиталу обогащался, а кредитор вследствие отсутствия процентов терпел убыток.

Серьезные изменения происходят и во взглядах на свободу договора. По мнению Аристотеля, и в дальнейшем Фомы Аквинского, договор должен был заключаться на «справедливой основе»⁵⁹. В рамках складывающегося капиталистического хозяйства уже не ставится вопрос о критериях справедливости. Считается справедливым и свободным любой договор, объект и предмет которого

---

⁵⁹ Аристотель. Политика. С. 37.

договаривающиеся стороны согласовали между собой. Например, цена вещей измеряется желанием договаривающихся сторон, и та сумма, которую они согласны дать или получить, является справедливой. Предприимчивость и хозяйственная активность становятся ценностями для данного типа.

Происходящие изменения в социально-экономической жизни Западной Европы с XV в. прокладывают путь эпохе Возрождения. Исторически сложилось понимание, что данная эпоха – это призыв возродить античное культурное наследие, античный образ жизни, свобода слова, присущая Античности, и многообразие философских школ. Но нельзя возродить старое, не опираясь на настоящее, поэтому можно утверждать, что ренессансная культура была синтезом античной философской мысли и средневековой культуры. Все эти переходы были связаны с выработкой новых систем ценностей, новых жизненных смыслов, нового понимания природы и субъекта. Закладка этих новых смыслов происходила в недрах старой культуры. Не бывает так, чтобы новое приходило неоткуда, извне. Оно добывается из старого, уже существующего. Чтобы двигаться вперед, нужно найти и развивать те ростки, которые приведут к желаемому результату. Но как их найти? Каждая эпоха по-своему отвечает на этот вопрос. Но в целом – это задача философии. Только философы осознают, насколько глубокими могут быть корни проблем, и только они, проводя критический анализ, могут предложить рациональное решение. Задача философии – вывести новые ценности, вынести их на суд разума и попытаться сконструировать из них какие-то новые ценности. Приживутся только те ростки, которые уже есть. Человечество никогда не получало новое, выбросив старое, но получало новое на основе старого. Грандиозный синтез античного полиса и культуры европейского христианского Средневековья открыл путь эпохам Возрождения, Реформации и Просвещения.

Возрождение было подготовлено всем ходом общеевропейского развития. В этот период наряду с искусством развивается и экономическая сфера жизни. Широкое распространение получают товарно-денежные отношения, появляются зачатки новой, капиталистической хозяйственной системы. Развивались

ремесленное производство, торговля, финансовая сфера. Богатые, процветающие города стали базой культуры Возрождения, светской по своей природе и общей направленности. Перемены в умонастроениях общества были связаны, прежде всего, с процессом секуляризации – освобождения от влияния религии и церковных институтов культурной и общественной жизни. Самостоятельность по отношению к церкви приобретали не только экономическая и политическая жизнь, но и наука и искусство. Эпоха Возрождения, как известно, ставит на первое место принцип гуманизма, свободу личности. Гуманизм освобождает человека от давления извне, в том числе и от церковного влияния. Религиозный аскетизм отвергается, тем самым давая свободу таким сферам жизни, как экономика, политика, наука и др. Постепенно складывается мораль наслаждения, радости земной жизни, честного обогащения, стремления жить как в раю здесь, на этой земле, а не после смерти. В основе такой новой хозяйственной этики лежат христианская реабилитация труда и понимание того, что стремление быть богатым, предприимчивым не нарушает основ порядка и справедливости.

Такие существенные изменения, произошедшие в экономическом сознании, обусловлены появлением протестантских вероучений. Они оказали глубокое воздействие на хозяйственную жизнь и подготовили почву для развития капиталистических отношений. Например, у античных философов государство является воплощением высшей из всех идей, высшее благо, а целью государства – деятельность, направленная к добру. Напротив, яркий представитель эпохи Возрождения – Макиавелли высказывает противоположные идеи. Хронологически первым буржуазным мыслителем, представляющим эпоху Возрождения, следует назвать именно его. Итальянский политический деятель и историк в своем известном сочинении «Государь»⁶⁰ разрабатывает правила политического поведения. Девизом философа является изречение «политика без морали», а идеалом – самостоятельность, мощь и величия государства. Чтобы достичь поставленных целей, политики должны прибегнуть к любым способам и

---

⁶⁰ *Макиавелли Н.* Государь. Минск, 1999. 703 с.

использовать все доступные им средства, не заботясь о моральной стороне своих поступков и гражданской свободе граждан. Отсюда происходит термин «макиавеллизм», означающий беззастенчивую, пренебрегающую нормами морали для осуществления своих целей политику.

Несмотря на то, что Макиавелли являлся признанным государственным деятелем, понятие ценностного у него выдвигается на второй план. Основные идеи мыслителя, касаются не заботы об общем благе, а способов достижения государственной пользы. Государство – это система, которая признается высшим началом для руководства человеческими действиями. Но моральной составляющей в государстве быть не должно. В учениях итальянского философа человеческая личность – ценность второго порядка. Как утверждает С. С. Сулакшин, у Макиавелли «...люди вообще не заслуживают к себе доброго отношения, ибо они злы, переменчивы и склонны злоупотреблять своими преимуществами»⁶¹. Поэтому авторитарный и сильный государь может относиться к ним, не считаясь ни с какими моральными принципами. Итогом такой политической философии стала несомненная девальвация античной традиции понимания государства как гуманистической ценности. Л. Штраус верно отмечал: «Необходимо осуществить переход от морально нравственной кульминации политической мысли к институциональной практике»⁶².

В процессе Реформации в мировоззрении европейцев произошел сдвиг в сторону признания богоугодности накопления денег и богатства в целом. «Эпоха Реформации открыла запредельность там, где она менее всего предполагалась, – в экономическом укладе, в мире хозяйства»⁶³. Основополагающими стали считаться уже не нравственные поступки человека, а жизнь в соответствии с разумом.

По мысли религиозного учения М. Лютера (1483–1546), человек в мирской

---

⁶¹ Сулакшин С. С. Нравственное государство : от теории к проекту / С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян, М. В. Вилисов [и др.]. М., 2015. С. 90.

⁶² Штраус Л. Что такое политическая философия? // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 2. С. 412.

⁶³ Гуревич П. С. Философия человека : в 2 ч. М., 2001. Ч. 2. С. 5.

жизни исполняет свой долг перед Богом. Хозяйственная деятельность и профессиональное призвание являются велением Господа. В «Тезисах» М. Лютер оспаривает особую роль духовенства, признает единственным источником религиозной истины Священное Писание. Связь между Богом и человеком может быть прямой, непосредственной. «Веруем, учим и исповедуем, что единственным и абсолютным правилом и стандартом, согласно которому должны оцениваться все догматы и все учения, являются только пророческие и апостольские Писания Ветхого и Нового Заветов...»⁶⁴. Можно утверждать, что капитализм обязан своим существованием протестантской этике, для которой высшими ценностями являются трудолюбие, скромность, честность, бережливость.

Согласно учению другого деятеля Реформации Ж. Кальвина (1509–1564), на человеке лежит клеймо избранности или проклятия; человек своими делами ничего не в силах изменить. Божественное предопределение у Ж. Кальвина означает, что «ни желанием, ни усилиями человек не добьется ничего, если ему не будет содействовать Божья благодать»⁶⁵. Сам факт усилий человека – знак его принадлежности к спасенным. Мораль его учения заключается в сосредоточении энергии верующего на увеличении и накоплении богатства во славу Божью. Экономический успех нужно воспринимать как знак милости Божьей, а неуспех – как знак отверженности. Как и М. Лютер, Ж. Кальвин выступает против авторитета Церкви и слепого принятия католических доктрин. Теория предопределения теолога передает его этический взгляд на экономические отношения. Творец заранее устанавливает, кому будет дарована благодать, а кому – вечное проклятие. «Предопределением мы называем предвечный замысел Бога, в котором Он предопределил, как Он желает поступить с каждым человеком. Бог не создает всех людей в одинаковом состоянии, но предназначает одних к вечной жизни, а других к вечному проклятию. В зависимости от цели, для которой создан

---

⁶⁴ Лютер М. 95 тезисов. СПб. : Роза мира, 2002.

⁶⁵ Кальвин Ж. Наставления в христианской вере : в 2 т. М., 1998. Т. 2, кн. 2. С. 419.

человек, мы говорим, предназначен ли он к смерти или к жизни»⁶⁶.

Критерии богоизбранности непостижимы человеческому разуму и закономерно вызывают у людей тревогу. Чтобы преодолеть такой страх, надо упорнее трудиться. Нежелание самоотверженно трудиться считается пороком: «Человеку не позволено оправдываться тем, что у него нет сил и он, подобно бедному должнику, не в состоянии уплатить долг. То, что мы на это не способны, – наш собственный порок»⁶⁷. В этом учении заложены идея прирожденного неравенства людей и доктрина о социальном расслоении. Отсюда и невозможность солидарности между людьми, поскольку отвергается сильнейший фактор, лежащий в основе этой солидарности, – общность человеческой судьбы.

Таким образом, Реформация принесла с собой новую этику. Трудовая этика Реформации проповедует рационализм, практичность, предпринимательство. Если гуманисты говорят о всемогуществе человеческого разума, то реформаторы – о всемогуществе веры. Нравственные нормы гуманизма вводятся к тому, что человек стремится к совершенству не для искупления грехов, а ради максимального раскрытия способностей, заложенных природой. Протестантизм же убеждает, что человек рождается греховным и необходимо искупать грех трудом и праведностью. Сторонники Реформации выступали за частную собственность. Однако не нужно забывать об умеренности. Защищая богатство и собственность, протестанты считали, что необходимо грамотно распоряжаться ими. Их этика против демонстративной роскоши и осуждает жадность, плотский грех, бесполезную трату времени, наслаждение богатством. Эти новые этические ценности подготовили почву к тому, что богатство перестало быть предметом осуждения, правда, при условии соблюдения таких нравственных ценностей, как честность в отношениях с партнерами, ответственность, бережливость и т. п.

Такое понимание важности экономики в повседневной жизни обеспечило мощное ее развитие в последующие столетия и внесло значимые изменения в

---

⁶⁶ *Кальвин Ж.* Наставления в христианской вере : в 2 т. М., 1998. Т. 2, кн. 2. С. 381.

⁶⁷ Там же. С. 367.

поведении экономического субъекта. Наиболее яркой работой, рассматривающей трансформации в экономическом поведении и в хозяйственной жизни в целом, является труд немецкого социолога М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», который мы подробно рассмотрим в следующей главе.

Возникновение достаточно целостных экономических теорий, пронизанных единым замыслом, ведущей идеей, относится к эпохе Нового времени. Это обусловлено тем, что в данный период зарождается мануфактурное производство, появляются зачатки капиталистического общественного строя, сменяющего феодализм. На этом этапе развивающееся фабричное производство обеспечивало рост материальных благ и в целом способствовало процветанию экономики. Возрастало экономическое влияние на общество. Но буржуазия не участвовала в управлении обществом, что сдерживало экономическое развитие всего общества, ведь в нем продолжали действовать феодальные политические порядки и юридические законы, затруднявшие развитие капитализма. Утверждалось понимание, что стремление людей достичь материального благополучия, их потребности и интересы не имеют божественную природу, а носят природный характер. В Средние века термин «ойкономия» (напомним: от греч. οἰκονομία – «устройство дома, дел») постепенно исчезает из языка западных богословов. Конечно, его эквиваленты «disposition» и «dispensatio» продолжают использоваться, но они теряют свое специфическое значение и теперь лишь в общем смысле означают божественное управление миром. Гуманистам и эрудитам XVII в. знакомо теологическое значение этого греческого термина, которое достаточно ясно определяется в лексиконе Стефануса и Швейцера (в частности, в 1682 г. – в значении «воплощения слова Божьего»). Однако когда в XVIII в. этот термин вновь появляется в латинизированной форме «oeconomia», и особенно в ее эквивалентах в европейских языках, причем в привычном нам значении «руководства и управления предметами и людьми», то создается впечатление, что он уже готовым возник «ex novo» из головы философов и экономистов, без какой-либо связи с классическим экономическим знанием или его теологическим прошлым. Как утверждает Дж. Агамбен: «Общеизвестно, что

экономика Нового времени не ведет начало ни от аристотелевской экономики, ни от средневековых трактатов по “*Oeconomica*”, которые обращаются к ней же, ни тем более от назидательной традиции таких трудов, как “*Oeconomia Christiana*” Мениуса (Витенберг, 1529) или Баттуса (Антверпен, 1558), темой которых является жизненный уклад христианской семьи; но при этом остаются почти совсем не изученными скрытые связи, которые могли бы соединить ее с парадигмой теологической ойкономии и божественного управления миром»⁶⁸. Философы Нового времени отрицали религиозное отвращение к материальным богатствам, земным удовольствиям, обусловленным природной телесностью. Вместо этого они реабилитировали природу человека. Тем самым они старались объяснить все проявления человеческой деятельности, считали их причиной развития, как человека, так и общества. Благодаря этому человек способен совершенствоваться.

«Философия, развиваясь, долгое время сохраняла пальму первенства в решении проблем. Но с возникновением науки Нового времени постепенно задачи объяснения и понимания природы переходят в ведомство конкретных наук»⁶⁹. Наука, научное обоснование в эту эпоху выходят на первый план. Конечно, такое положение дел не могло не трансформировать представления о поведении экономического субъекта. В экономической сфере происходит разделение труда, сопровождаемое углублением обмена, торговых отношений, созданием и расширением рынков. Эта реальная экономическая почва становится благотворной для произрастания экономического направления, получившего название «меркантилизм». Исторический сложилось такое понимание, что меркантилизм возник в ходе борьбы национальных государств, стремившихся к получению самостоятельности. Такая борьба включала в себя два момента: во-первых, необходимо было добиться внутреннего единства, а для этого сломить

---

⁶⁸ Агамбен Дж. Царство и Слава : к теологической генеалогии экономики и управления. М. : СПб., 2018. С. 455–456.

⁶⁹ Кравец А. С. Трудный путь к истине : Л. С. Выготский против Ж. Пиаже в трактовке онтогенеза детской речи // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2015. № 4 (18). С. 16.

все существующие внутри страны преграды к объединению в виде внутренних пошлин, феодальной раздробленности; во-вторых, нужно было преодолеть власть католической Церкви, связывавшей в годы Средневековья европейские страны в транснациональный христианский мир.

Таким образом, если древнегреческие философы и средневековые схоласты стремились показать, как «должен» действовать отдельно взятый человек, то в Новое время меркантилисты пытались прописать этические нормы деятельности государства. Если античные и средневековые авторы писали о том, можно ли заниматься ростовщичеством и как справедливо назначать цену за товар отдельным людям, то меркантилисты рассуждали о нормативных принципах поведения государства – как проводить экономическую политику, и т. д.

На этом этапе значительную роль сыграли философы эпохи Просвещения. В их трудах предлагались совершенно новые для того времени методы и подходы. Экономический субъект теперь стремился завоевать симпатии других, исходя из рациональных устремлений быть добрым и хорошим. Основная идея состоит в том, что порок служит необходимым условием для экономического процветания, а добродетель – это ущерб коммерческому прогрессу государства. В этом отношении знаковым является произведение философа-моралиста начала XVIII в. Б. Мандевиля «Басня о пчелах». Как утверждает С. Н. Ивашковский, «Б. Мандевиль показал, что в обществе не могут одновременно ужиться средневековая догматичная мораль и земное материальное благополучие»⁷⁰. Смысл басни в ее подзаголовке: «Пороки частных лиц – блага для общества»⁷¹. Философ считал, что нравственность – это рамка для наших эгоистических интересов. Он призывал отказаться от моральных добродетелей и искренне следовать эгоистическим побуждениям. Всё, что делается людьми, обусловлено эгоистическими побуждениями и подчинено им. Тяга к роскоши и гордость не

---

⁷⁰ *Ивашковский С. Н.* Указ. соч. С. 119.

⁷¹ *Мандевиль Б.* Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. М., 2000. С. 1.

являются пороками, они – основа экономического развития – способствуют росту потребностей, стимулируют экономику. Индивидуальные пороки потребительского характера оживляют экономику, повышают уровень производства и превращаются в социальные приоритеты. Государство должно не подавлять в человеке эти качества, а наоборот – стимулировать и поощрять их. В противном случае недостижима всеобщая занятость, а, следовательно, недостижимо и счастье:

Да будет всем глупцам известно,
 Что улей жить не может честно.
 В мирских удобствах пребывать,
 Притом пороков избежать –
 Нельзя; такое положенье
 Возможно лишь в воображеньи.
 Нам – это все понять должны –
 Тщеславье, роскошь, ложь нужны;
 В делах нам будучи подмогой,
 Они приносят выгод много⁷².

Последующее развитие экономической науки применительно к данной проблеме шло, в основном, в русле заданной А. Смитом дихотомии. Он придерживался сформулированной Б. Мандевилем дилеммы, согласно которой в обществе экономическое благосостояние зависит от эгоистических мотивов. В своих двух известных работах «Теория нравственных чувств» и «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смит фактически вывел в самостоятельный контекст эгоистические интересы в экономической деятельности субъектов. Труды философа и экономиста содержат ряд много идей, указывающих на автономность экономического поведения от морально-этической составляющей. А. Смит писал: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов»⁷³.

Рыночные экономические реформы, проводимые в последние годы во

---

⁷² *Мандевиль Б.* Указ. соч. С. 21.

⁷³ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2009. С. 82.

многих странах мира, в том числе и в России, непосредственно связаны с концепцией «невидимой руки рынка», разработанной А. Смитом более двухсот лет назад. Он писал о предпринимателе, стремящемся к получению наибольшей прибыли и, как правило, при этом не задумывающемся об общественной пользе: «...в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»⁷⁴.

Таким образом, благодаря трудам многих философов центральной категорией экономического мышления в Новое время начинает выступать индивидуальная свобода. «Такое понимание реальности приводит к тому, что главной пружиной общественной и частной жизни признается эгоистическое поведение людей»⁷⁵. Роль субъекта в экономике окончательно утверждается в представлении о нем как об экономическом субъекте. Это рационально мыслящий субъект, который расширяет свое собственное дело, стремится максимизировать личную выгоду и, достигая материального достатка, наслаждается плодами своего труда. Несмотря на расхождения приведенных взглядов философов рассмотренных периодов об экономическом субъекте становится возможным более-менее окончательное понимание места и роли экономического субъекта и его поведения в развитии общества.

Выводы по первой главе.

Итак, мы анализировали процессы становления и развития представлений об экономическом субъекте, о его поведении сквозь призму социально-философской проблематики периодов Античности и Средневековья, Возрождения и Нового времени. Выявили, что Античность и Средневековье подарили миру философов-моралистов; но еще не было великих экономистов. Акцент на личное благосостояние и понимание того, что это не греховно, кардинальным образом

---

⁷⁴ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2009. С. 443.

⁷⁵ Ивашковский С. Н. Указ. соч. С. 116.

изменил мировоззрение людей и обусловил формирование новой, капиталистической этики хозяйствования.

В эпоху Античности и Средневековья домашнее хозяйство и экономические отношения составляли одно целое, и экономический процесс «...сложно идентифицировать в условиях, когда он был всецело включен в неэкономические системы»⁷⁶. В целом позиция античных и средневековых мыслителей базировалась на обосновании необходимости умеренности в отношении экономических благ. Материальный достаток важен, но субъект должен, прежде всего, пользоваться им для достижения нравственного развития, оставив в стороне хозяйственные заботы. Большое значение имеет способ получения материальных благ. Богатство, имущество полученные нечестным путем разрушают нравственные основы людей. Субъект, внешне оставаясь богатым, должен стремиться к внутренней свободе от земных благ и относиться безразлично к своему экономическому состоянию, не боясь его лишиться и рассматривая его как нечто преходящее. Античный философ Сенека писал, что мудрец «не любит богатство, однако предпочитает его бедности. Он принимает его, только не в сердце свое, а в дом»⁷⁷.

Эпоха Возрождения и, в частности, протестантизм в эпоху Реформации, принесли с собой новое понимание поведения экономического субъекта. Для этого периода главным становится принцип гуманизма и его ориентация на ценность свободы человека. Если гуманисты говорят о всемогуществе человеческого разума, то реформаторы – о всемогуществе веры. Нравственные нормы гуманизма сводятся к тому, что человек стремится к совершенству не для искупления грехов, а ради максимального раскрытия способностей, заложенных природой. Протестантизм же убеждает, что человек рождается греховным и необходимо искупать свои грехи трудом и праведностью. Начав с религии,

---

⁷⁶ *Ивашковский С. Н.* Указ. соч. С. 125.

⁷⁷ *Сенека.* О блаженной жизни//Луций Анней Сенека. Философские трактаты. – СПб., 2001. - С. 32.

мыслители эпох Реформации постепенно изменили всю систему ценностей и нравственных установок.

Капитализм Нового времени способствовал постепенному развитию товарного производства и обмена, кредитно-денежных отношений. Экономический субъект как культурно-исторический тип начал формироваться под влиянием эпохи Средневековья, но в Новое время происходит окончательное понимание места и роли социально-экономического субъекта в развитии общества. На этом этапе в обществе формируется терпимость к отношению частной собственности, коммерции, торговле и другим видам экономической деятельности. Считается, что благополучие субъекта может приносить общественную пользу. Среди факторов, влиявших на эволюцию экономической науки, выделяются: во-первых, появление новых проблем, вызванных развитием экономики и требующих философского осмысления; во-вторых, эволюция внутренней логики развития самой экономической теории. Такое мировоззрение в скором времени окончательно ликвидирует средневековую теоцентрическую мораль и начинает создавать фундамент новых капиталистических экономических отношений. Если учесть, что движущая сила научного творчества – это всегда стремление к экспансии, то расширение возможностей субъекта – это расширение его власти (лозунг Бэкона «Знание – сила»⁷⁸). Экономика проникает в такие области человеческой жизнедеятельности, которые способствуют наращиванию силы, поэтому происходит слияние науки и бизнеса, коммерциализации научного творчества. Это становится очевидным, если учесть, что магия и религия не тождественны друг другу. Магия основана на преодолении запрета; религия, напротив, содержит в себе запрет в качестве оптимальной особенности. Поэтому производные от них экономику и этику трудно гармонично соединить. Экономика оказывается автономной силой, имеющей внутреннюю логику развития. Чтобы замаскировать внутреннее противоречие экономического субъекта, часто используется технология имиджмейкинга для создания позитивного образа

---

⁷⁸ Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. 2-е изд. М., 1977. Т. 1. 567 с.

экономики в общественном сознании; хотя цели научного творчества могут идти в разрез с общечеловеческими ценностями. Поэтому полного и эффективного синтеза экономики и морали, по-видимому, не удастся достичь никогда. Единственный, на наш взгляд, эффективный способ их конвергенции – пытаться сформировать некий внутренний моральный цензор экономиста, который позволял бы ему добиться высокого уровня самоконтроля в научных исследованиях. Практически это может быть достигнуто через расширение и углубление сетки гуманитарных дисциплин в экономику при рассмотрении модели экономического субъекта и его поведения. Это будет способствовать формированию гуманистической системы ценностей и, как следствие, создаст естественные ограничители экспансии искусственного, прежде всего в отношении природы самого человека.

Глава 2. Экономический субъект и его поведение в социально-философских концепциях модерна и постмодерна

2.1. Поведение экономического субъекта в социально-философских системах А. Смита, К. Маркса и М. Вебера

Во все времена, с Античности и до наших дней, обсуждался вопрос о значении экономических отношений для жизни человека. Экономическая наука в широком смысле слова – это наука о ведении хозяйства. Хозяйство ведется субъектами с целью удовлетворения своих материальных и духовных потребностей. Соответственно, сам экономический субъект выступает в хозяйстве в двух ипостасях. С одной стороны – как организатор и производитель необходимых обществу благ; с другой – как их непосредственный потребитель. Экономический субъект является и целью, и средством ведения хозяйства. В данном параграфе рассмотрим идеи об экономическом субъекте и моделях его поведения таких классиков, как А. Смит, К. Маркс и М. Вебер.

А. Смит понимал, что «общество, в котором он жил, всё еще было под давлением средневековой нравственности. Именно это способствовало тому, что экономика не развивалась, и в целом общество нуждалось в новых этических ориентирах, способных указать путь к процветанию»⁷⁹. Принцип взаимодействия в обществе мыслитель видел в обмене, утверждая тезис «дайте мне то, в чем я нуждаюсь, и вы получите от меня то, в чем испытываете нужду сами». Вклад А. Смита в развитие классической политической экономии не переоценим, поскольку идеи мыслителя полностью изменили экономическое поведение субъектов и экономический порядок того периода. Можно утверждать, что А. Смит и другие философы его эпохи показали, что нравственные нормы, принятые в обществе, были мнимыми. Проповедование высоких идей не привело общество к свободе, не сделало жизнь более счастливой. Движимый

---

⁷⁹ *Ивашковский С. Н.* Указ. соч. С. 116.

эгоистическими мотивами, преследуя хозяйственный интерес, каждый человек постоянно выбирает наиболее выгодный для себя вариант решения, обеспечивающий ему материальное благополучие. При этом он вынужден учитывать интересы и стремления других. Таким образом, можно отметить, что рациональный эгоизм и этические установки экономического субъекта в учениях А. Смита всё еще дополняют друг друга, и эта вера в гармонию пронизывает оптимизмом всю его экономическую теорию. А. Смит не завершает развития классической школы. Объектом его исследования была капиталистическая система. Многие из великих мыслителей того времени, например Дж. Ст. Милль, М. Вебер, К. Маркс, Т. Веблен, А. Маршалл, Дж. М. Кейнс, подвергли капиталистическую систему серьезному социальному анализу. Но именно А. Смит стал первым мыслителем, сформулировавшим определенное представление об экономическом субъекте. В труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» он указал на два свойства человека, которые определяют его хозяйственную деятельность:

- склонность к обмену одного предмета на другой;
- собственный интерес, эгоизм.

Первое ведет к разделению труда. Эта склонность, по мнению А. Смита, выделяет экономического субъекта, дает ему возможность вступать во взаимоотношения с другими субъектами. Она является тем инструментом, который субъект использует для координации своих действий и действий других с выгодой для себя. Второе свойство побуждает субъекта выбирать большую стоимость для своего продукта. Понимание такого экономического субъекта – именно рационального, корыстного, эгоистичного – становится центральной фигурой экономических исследований в последующие примерно два столетия.

А. Смит выдвигает тезис о том, что в экономической сфере субъект ведет себя специфическим образом, и такое поведение выступает основой всей системы экономической системы. Философов пишет: «Различные люди отличаются друг от друга своими естественными способностями гораздо меньше, чем мы предполагаем... Многие породы животных, признаваемые принадлежащими к

одному и тому же виду, отличаются от природы гораздо более резко выраженным несходством способностей, чем это наблюдается, по-видимому, у людей, пока они остаются свободными от воздействия привычки и воспитания»⁸⁰. Таким образом, предложенная А. Смитом модель поведения человека является эгоистической моделью. Его позицию по этому вопросу хорошо выражает знаменитая фраза: «Государственный деятель, который попытался бы давать частным лицам указания, как они должны употреблять свои капиталы, обременил бы себя совершенно излишней заботой...»⁸¹. Эгоизм предполагает сосредоточивание только на своих интересах и поиски только личной выгоды. Теория экономического субъекта А. Смита послужила исходным пунктом для последующего развития в трудах К. Маркса и М. Вебера.

Важная особенность социальной философии К. Маркса заключается в том, что это – материалистическая концепция общества. Несмотря на то, что у К. Маркса нет специальной работы, посвященной изучению модели поведения экономического субъекта, проблема рассматривается сквозь призму иных задач. При изучении экономического субъекта для К. Маркса главным была характеристика субъекта как совокупности общественных отношений. Он утверждал, что сущность субъекта не является абстрактной. Рассматривание сущности субъекта через призму общественных отношений, в которые он включен, явилась революционной для своей эпохи. К. Маркс поднимал проблемы, которые никто тогда еще не смог видеть. Его экономические учения основывались на том, что производительные силы, которыми располагало общество, прогрессируя в своем развитии, принимают общественный характер, могут быть рационально использованы лишь при коллективных формах организации труда и производства. Процесс обобществления всё острее приходит в противоречие с частной формой присвоения условий и результатов производства. Это противоречие проявляется, прежде всего, как антагонизм

---

⁸⁰ *Смит А.* Указ. соч. С. 78.

⁸¹ Там же. С. 443.

основных классов общества – капиталистов и наемных рабочих. Их отношения складываются на основе существующей в данном обществе всеобщей формы экономической связи – товарного обмена. Экономический субъект у К. Маркса – это воплощение определенной социальной функции; этическое же поведение экономического субъекта представляется в подавляющем большинстве случаев не имеющим серьезного значения. Теоретическая сложность стоящей перед экономической наукой проблемы экономического субъекта состоит не в осуществлении негативных революционных изменений, в частности критики марксистской политической экономики. Для положительного развития экономической науки необходимо не критиковать и не отбрасывать идеи К. Маркса. Об этом писал и профессор Ю. М. Осипов: «Мне представляется, что, несмотря на общекризисную ситуацию общества и науки, наше поколение должно всё же выполнить миссию позитивную – как сохранив то знание, которое передали предыдущие поколения, так и совершив новый концептуальный прорыв»⁸². Будучи яростным критиком капитализма, К. Маркс в то же время понимал, что нравственные критерии капитализма впервые в истории стали созвучны природе экономического субъекта. Философ верно указывал, что основная причина значимых свершений капиталистической системы – это «силы, дремлющие в недрах общественного труда»⁸³.

Влияние научной политической экономии К. Маркса на умы людей сравнивается с влиянием основателей мировых религий, поэтому заслуживает особого внимания. «Практика последних лет показала ошибочность как отказа от элементов научной политической экономии, так и иллюзий об универсальности “экономикс”. Несмотря на... призывы прислушаться к мнению авторитетных зарубежных исследователей, критикующих современные курсы “экономикс” за чрезмерную абстрактность, схоластичность, оторванность от реальной

---

⁸² Осипов Ю. М., Пуляев В. Т. Экономическая теория на пороге XXI века. СПб., 1996. С. 5.

⁸³ Маркс К. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. : в 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 146.

хозяйственной практики, обнаружилось, что новая экономическая мысль малоэффективна»⁸⁴. Определяющие направления рыночной экономики отражает картина, в которой «исходным пунктом теоретических исследований являются “товар”, “полезность”, “собственность”, “ограниченность ресурсов” и т. д.; фундаментальное же положение “человек – исходный пункт экономических исследований” остается лишь пустой декларацией в рамках большинства направлений “mainstream”. А между тем человек был и остается главным фактором производства, творцом научно-технического и социально-экономического прогресса»⁸⁵.

По К. Марксу, капитализм представляет собой безнравственное явление в жизни общества. Капиталист не оплачивает труд рабочего достойно – по его стоимости – и присваивает часть этой стоимости себе (прибавочная стоимость). В связи с этим происходит эксплуатация человека человеком, что противоречит этическим нормам. В результате присваивания части стоимости произведенного товара капиталистом рабочий отчуждается от результатов своего труда и части самого себя. «Это не удовлетворение потребностей в труде, а только средство для удовлетворения других потребностей»⁸⁶. Это приводит к переоценке всех ценностей. «Производство производит человека не только в качестве товара, не только человека-товар, человека с определением товара, оно производит его, сообразно этому определению, как существо и духовно и физически обесчеловеченное»⁸⁷. Богатство в системе капитализма превращает рабочую силу в товар, подразумевает власть над другими людьми, напоминая рабовладение. Не богатство и бедность критиковал К. Маркс, а частную собственность. По мнению мыслителя, частная собственность делает человека настолько глупым и

---

⁸⁴ Хаустов Ю. И., Подкопаев В. Н. Распределительные отношения в транзитивной экономике России. Воронеж, 2004. С. 7–8.

⁸⁵ Хаустов Ю. И., Канапухин П. А. Актуальные проблемы рыночной экономики. Воронеж, 2005. С. 47.

⁸⁶ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010. 775 с.

⁸⁷ Там же. С. 670.

односторонним, что предмет считается личным лишь тогда, когда им обладают. Трансформация докапиталистического мировоззрения в капиталистическое была очень болезненным процессом. Новая теоретическая система политической экономии ориентировалась на картину мира, формируемую наукой и философией классического периода. Происходит становление нового типа экономического рационализма, согласно которому уничтожение частной собственности есть эмансипация всех человеческих свойств. Коммунизм предполагался в качестве положительного упразднения частной собственности, «возвращения человека к самому себе как к человеку общественному, т. е. человеческому»⁸⁸.

Как писал Э. Фромм, «цель К. Маркса состояла в духовной эмансипации человека, освобождении его от уз экономической зависимости, в восстановлении его личной целостности, которая должна была помочь ему отыскать пути к единению с природой и другими людьми»⁸⁹. Материалистические или экономические мотивы, по К. Марксу, не являются главной движущей силой человека. Главным субъектом истории, автором ее законов выступает реальный человек, а не идеи, выдвигаемые людьми, или скрытые их мотивы.

Кем же является экономический субъект, по К. Марксу? Чтобы избежать здесь двусмысленности понимания происхождения человека, дуальности его природы, было бы уместно назвать эту проблему «антропосоциогенезом», соглашаясь с профессором Е. Н. Ищенко: «В марксизме проблема происхождения человека становится проблемой антропосоциогенеза, что означает органическую связь возникновения человека и формирования общества. С другой стороны, социальность природы человека означает, что нет некой предзаданной человеку внутренней сущности, она становится, развивается в процессе его приобщения к социальной реальности»⁹⁰. Для К. Маркса человек – это сырье, которое нельзя

---

⁸⁸Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы.

⁸⁹Фромм Э. Душа человека. М., 1998. С. 558.

⁹⁰Ищенко Е. Н. Теория познания : история и современность : учеб. пособие. Воронеж, 2011. С. 70.

изменить в плане его структуры, и в то же время он меняется, развивается в ходе истории. Трудно не согласиться с С. И. Рудаковым, который обращает внимание на то, что «человек, по Марксу, есть существо родовое, так как он делает предметом своего рассмотрения и отношения свой род как существо универсальное и свободное. Таковым он является и с практически-природной стороны, и с духовной»⁹¹.

Для К. Маркса проблему субъекта в экономике характеризует принцип движения (активности), деятельности. Внешний мир становится для человека реальным лишь тогда, когда он посредством своих сил вступает в отношения с предметным миром. Это помогает человеку преодолевать самоотчуждение.

Многие идеи К. Маркса актуальны и сегодня. Современные офисные работники или менеджеры (в банках, сфере продаж) – люди более отчужденные, чем рабочие – современники К. Маркса. В отличие от рабочего XIX в., современные менеджеры, кроме своих профессиональных навыков, умений и знаний, должны уметь продавать и свои внешние и личностные качества, например улыбку, доброжелательность, приветливость, способность изображать «искреннюю» заинтересованность в клиенте и т. п. В современном обществе преобладает не «первичная» (сельское хозяйство) или «вторичная» (промышленность) сфера экономики, а «третичная» (сфера услуг), в которой главенствующую роль играет информация. Отсюда сегодня субъектами экономических отношений являются не собственники капитала, а представители административно-управленческого и научно-исследовательского сообществ, главным источником экономической власти которых являются знания. Каждый человек в современном обществе становится «капиталистом».

По К. Марксу, очень важно деятельное отношение к предметному миру, которое он называет «творческой жизнью». Человек живет лишь до тех пор, пока он творит, пока преобразовывает внешний мир своим трудом, своими силами,

---

⁹¹Рудаков С. И. История марксистской философии XIX века : учеб. пособие. Воронеж, 2003. С. 38.

своим творчеством. Здесь можно вспомнить идеи И. В. Гете (1749–1832) и Ф. М. Достоевского (1821–1881), созвучные идеям К. Маркса. И. В. Гете превратил мысль о человеческом творчестве в центральную идею своей философии. Он отмечал, что пока человек в стихах высказывает лишь свои личные ощущения, его нельзя назвать поэтом, но как только он сумеет почувствовать и высказать боль целого мира, он действительно становится поэтом. Он неисчерпаем и может быть вечно новым. Мыслитель в «Фаусте»⁹² дает понять, что ни деньги, ни власть, ни чувственные наслаждения не могут дать человеку понимания смысла жизни. Только лишь творчество способно наполнить жизнь человека особым смыслом. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя»⁹³ выразил аналогичное мнение. Он писал, что человек ждет, когда его жизнь напитается материальными благами. Но именно в этом случае, после насыщения благами человек вдруг неожиданно почувствует, что потерял душу, что хлеба превратились в камни, что жизни не стало.

Таким образом, К. Маркс считал, что несовершенное общество превращает желание иметь и потреблять в главное желание субъекта. Целью должна быть не выгода, не частная собственность, а свободное развитие человеческих сил. Критика капитализма К. Марса исходит из того, что капитализм сделал потребности капитала и материальной выгоды главными мотивами экономического субъекта. Объективные условия капиталистического общества ставят экономического субъекта в настолько жесткие рамки, что его выбор оказывается однозначно детерминированным, а личные предпочтения просто не имеют возможности проявиться. Эти объективные условия задаются рабочему стоимостью его рабочей силы, а капиталисту – его стремлением к максимальной прибыли.

Рассмотрим проблему поведения экономического субъекта в учении

---

⁹² Гете И. В. Фауст. Страдания юного Вертера. Стихотворения. М., 2008. 748 с.

⁹³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 26: Дневник писателя. 517 с.

М. Вебера. Мыслитель считал, что Реформация привела к тому, что в массовом сознании европейцев стали утверждаться новые этические и культурные ценности, приведшие к вызреванию «духа капитализма». «Появляется новый тип экономического субъекта. Если прежде экономические субъекты стремились к своей личной выгоде любой ценой и с этим пыталась бороться Церковь, то теперь же предпринимательство перестало быть грабежом и спекуляцией, поскольку появились “внутренние” ограничители и моральные ориентиры»⁹⁴. Имеются в виду такие ориентиры, как честность, профессиональный долг, деловитость и, как следствие, «рациональная капиталистическая организация свободного труда»⁹⁵.

В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер видит в Реформации и ее протестантской идеологии новую интерпретацию трудовой этики. В эту эпоху, как ни в какую другую, прослеживается взаимосвязь экономики и нравственности. По мнению немецкого социолога, не этическое учение религии, а этика отношения к жизни определяет социокультурную специфику. Протестантизм создал определенную методически рациональную систему жизненного поведения, новый формат экономических отношений, которые предопределили необходимые условия зарождения «духа» капитализма. Именно в это время закладываются основы новой хозяйственной этики, назревает потребность в этическом оправдании, идеализации богатства. Усиливается вера в то, что Бог благоволит предприимчивым, бережливым, усердным. «Полезность профессии и, следовательно, ее угодность Богу, в первую очередь, определяются с нравственной точки зрения, затем степенью важности, которую производимые в ее рамках блага имеют для всего общества, однако в качестве третьего и практически, безусловно, наиболее важного критерия выступает ее доходность»⁹⁶. Протестантизм видит в богатстве как самоцели вершину порочности, а в богатстве как результате профессиональной деятельности – Божье благословение.

---

⁹⁴ *Ивашковский С. Н.* Указ. соч. С. 138.

⁹⁵ *Вебер М.* Протестантизм и капитализм // Религия и общество : хрестоматия по социологии религии. М., Наука. 1994. С. 615.

⁹⁶ *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 191.

Не для мирских радостей надо трудиться и богатеть, а для Бога. «Богатство – это временные блага для услаждения тела, отчего и душа испытывает радость»⁹⁷, – писал М. Лютер. Понимание того, что труд лежит в основе богатства, и это не осуждается Богом, является базисом для дальнейшего экономического развития.

М. Вебер также считал, что экономическому субъекту нужны особые, совершенно специфические формы хозяйственной организации, которые мы обычно называем «капиталистическими». Он считает, что происхождение капиталистических форм хозяйства является следствием возникновения капиталистического духа: «Вопрос о движущих силах экспансии современного капитализма есть в первую очередь не вопрос о происхождении капиталистически используемых запасов денег, а вопрос о развитии капиталистического духа. Там, где он зарождается и начинает действовать, он создает себе денежные запасы как орудие своей деятельности, а не наоборот»⁹⁸. Но если присмотреться к этому заявлению более внимательно, то обнаружится, что М. Вебер, в сущности, не ставит вопроса о происхождении капиталистических форм хозяйства и направляет острие против тех экономистов и историков, которые склонны объяснять возникновение капитализма накоплением имущества.

Главная идея М. Вебера в подходе к пониманию западного капитализма состоит в том, что экономический рационализм зависит и от способностей, и от предрасположенности субъектов к определенным видам практики – рациональному жизненному поведению. Там, где, по М. Веберу, экономической рациональности препятствуют определенные психологические факторы, развитие хозяйственно-рационального поведения затрудняется этим внутренним противодействием. И, если в прошлом религиозная система препятствовала ей, то новая религиозная система – аскетический протестантизм лишь стимулировал становление и развитие нового уклада капитализма. Тем самым возникает новое понимание экономического субъекта. Как отмечал П. Козловски, «экономические

---

⁹⁷ Лютер М. *Магнификат (Песнь Богородицы)*. М., 2003. С. 19.

⁹⁸ Вебер М. *Избранное : протестантская этика и дух капитализма*. М., 2006. С. 50.

цели не заданы изначально, но должны сформироваться и опосредоваться в процессах взаимодействия между людьми»⁹⁹. Внутренние мотивы, ценности и идеи человека определяют характер его поведения в экономических отношениях. Принцип рациональности и эгоизма в поведении экономического субъекта М. Вебер ставит под сомнение. Он выделяет четыре «типа социальных действий»¹⁰⁰:

- 1) целерациональное – использование определенного ожидаемого поведения других субъектов для достижения целей;
- 2) ценностно-рациональное – понимание поведения, действия как собственно ценностно-значимого, основанного на нормах морали, религии;
- 3) аффективное – особенно эмоциональное, чувственное;
- 4) традиционное – основанное на силе привычки, принятой норме.

В строгом смысле аффективное и традиционное действия не являются социальными.

Мы считаем, что социальное действие аналогично поведению экономического субъекта. А. С. Кравец так трактует социальное действие немецкого философа: «Под социальным действием М. Вебер понимает любое действие (производство товара для продажи, его покупку, забастовку, голосование на выборах, молчаливое согласие или неприятие действий других лиц и т. п.), которое совершается с полагаемым (конституируемым самим действующим субъектом) смыслом и соотносится с действием других людей»¹⁰¹.

М. Вебер сознательно расположил четыре описанных им типа поведения экономических субъектов в порядке возрастания рациональности. Этот порядок служит своеобразным методическим приемом для объяснения различного характера субъективной мотивации индивида или группы, без которой вообще нельзя говорить о действии, ориентированном на других. Рациональность

⁹⁹ Козловски П. Общество и государство. Неизбежный дуализм. М., 1998. С. 44.

¹⁰⁰ Вебер М. Основные социальные понятия // Избранные произведения. М., 1990. 804 с.

¹⁰¹ Кравец А. С. Понимающая социология М. Вебера // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Философия. 2010. № 2. С. 33.

предполагает наличие смысла в указанных элементах деятельности и, вместе с тем, установление смысловой связи между всеми ее элементами, их смысловую совместимость, правильность. «Непосредственно “наиболее понятный” тип смысловой структуры действий представляет собой действия, субъективно строго рационально ориентированные на средства, которые (субъективно) рассматриваются в качестве однозначно адекватных для достижения (субъективно) однозначно и ясно постигнутых целей», – пишет М. Вебер¹⁰².

Таким образом, в отличие от А. Смита и К. Маркса, рассматривая поведение экономических субъектов, М. Вебер допускает иррациональность в поведении. По его мнению, экономический субъект «может исходить из определенного мотива, однозначно определяющего цель действия, он может действовать в значительной мере интуитивно в ситуации неопределенности, не осознавая всех рисков, он может исходить из конstellации мотивов, созданных стечением различных обстоятельств, и, наконец, он может действовать чисто иррационально под влиянием сиюминутного порыва»¹⁰³. Однако иррациональное поведение он рассматривает как отклонение от нормы, единственно правильным считая рациональное поведение. По мнению М. Вебера, идеальное действие – это некий стандарт (методологическая установка), по которому... оценивается “правильность” реального действия... конструкция целерационального действия – вследствие своей понятности и основанной на рациональности однозначности – служит идеальным типом. «Правильное», по М. Веберу, поведение – это, деятельность, соответствующая рациональным нормам.

Подводя итог анализу, проведенному в данном параграфе, зафиксируем основные положения.

Экономический субъект А. Смита – эгоист, стремящийся к личному обогащению путем производства и реализации качественного товара или услуги.

---

¹⁰² Вебер М. Основные социальные понятия. С. 499.

¹⁰³ Кравец А. С. Понимающая социология М. Вебера. С. 34.

У К. Маркса основной хозяйствующий субъект буржуазного общества – капиталист, цель которого в точности совпадает с объективной целью капитала, т. е. с его ростом. Потребности роста капитала и материальной выгоды являются главными мотивами экономического субъекта.

По мнению М. Вебера, экономический субъект не всегда действует рационально. Он может действовать «под влиянием аффекта, если он стремится немедленно удовлетворить свою потребность... или действие может быть основано на следовании существующим в обществе традициям, часто оно подобно чисто реактивному подражанию»¹⁰⁴. Хотя философ и допускает иррациональные действия, однако правильными он считает только рациональные. Именно рациональное поведение в условиях общественного развития становится свободным, рациональный экономический субъект, деятельность которого в высшей степени целенаправленна, становится максимизатором доходов.

Итак, представители классической экономической и социально-философской мысли формировали модель «экономического субъекта» как «рационального гедониста». Под влиянием идей классиков складывалось понимание того, что экономическая теория основывается на понятии рационального эгоизма, а экономический субъект, принимая решения, учитывает только собственные интересы, частную выгоду. Значение модели экономического субъекта в развитии истории экономической мысли немаловажно: с ее помощью классическая экономическая теория выделилась из этической философии как наука, имеющая свой предмет – социальную деятельность экономического субъекта.

2.2. Социально-философский анализ поведения экономического субъекта в эпоху постмодерна

Социокультурная ситуация в эпоху постмодерна характеризуется масштабной экспансией искусственного в отношении естественного, которая

---

¹⁰⁴ Вебер М. Основные социальные понятия. С. 628–629.

охватывает все аспекты человеческой жизнедеятельности, включая природу экономического субъекта. Одним из наиболее могущественных инструментов этого процесса выступает экономическая наука, прежде всего те ее отрасли, которые сопряжены с изучением поведения экономического субъекта. Все эти перемены происходят на фоне виртуализации человеческой жизни и деятельности, связанной с проникновением виртуального в сферу реального. Одним из главных следствий этого процесса является ускорение темпов, производства и потребления материальных благ, что способствует интенсификации научного творчества и более глубокому и масштабному вторжению экономической науки в социальную практику, экзистенциально-психологическое и моральное измерение субъекта.

В эпоху постмодерна наблюдается рост автономизации и коммерциализации экономической науки, происходит превращение науки в важнейшую часть производства, рыночной продукции, предназначенной для массового потребления. Поэтому этический аспект экономической теории в этот период ценна настолько, насколько она полезна. Реальный мир оказался значительно сложнее, чем его образ в классической экономической теории. Если у классиков предполагались изучение объекта самого по себе и абстрагирование от любых характеристик экономического субъекта, то на новом этапе оказалось невозможным исключить внутреннее составляющее субъекта. На первое место здесь выдвигается экономическая рациональность, которая базируется на теории рационального эгоизма. В повседневной жизни это понимается, как умение жить собственными интересами, ставить их выше любых других, будь то коллективные, общественные интересы или желания других людей. А. Рэнд верно отмечала в своей знаменитой работе: «Каждый должен жить своим умом и для себя, не принося себя в жертву другим и не делая других своими жертвами»¹⁰⁵. На социально-экономическом уровне это означает построение экономической

---

¹⁰⁵ Рэнд А. Добродетель эгоизма : с добавлением статей Натаниэля Брандена. 2-е изд. М., 2012. 185 с.

системы, дающей свободу действовать, исходя из собственных интересов экономического субъекта. В соответствии с этим принципом субъект выстраивает свое экономическое поведение, основываясь на личных интересах, в расчете на собственную выгоду, при этом опираясь на собственный же разум.

Приверженцем такой прогрессивной западноевропейской философии в России был Н. Г. Чернышевский. Он считал, что главными факторами, формирующими нравственное сознание, являются «естественные потребности»¹⁰⁶. Удовлетворение потребностей – важная составляющая для расцвета личности. Этика, по мнению философа, основывается на концепции «разумного эгоизма» и антропологическом принципе. Человек как биосоциальное существо принадлежит к миру природы, определяющему его «сущность», и, изначально реализуя свое стремление к удовольствию, он поступает так, как приятней ему, руководствуясь расчетом на получение всё большей выгоды, большего удовольствия. И. Бентам, говоря о двух силах управляющих субъектом, писал: «Природа поместила человечество под власть двух верховных правителей – боли и удовольствия. Лишь они указывают нам, что следует делать, а также определяют то, что мы должны делать»¹⁰⁷.

В XX в. экономический субъект руководствуется принципом рациональности, сравнивая предельные выгоды и предельные издержки. В связи с этим допустимым становится всё то, что способствует достижению экономических целей, являясь при этом разумным. Считается, что экономику следует максимально оградить от влияния общечеловеческих этических идеалов. Влияние общественных норм на принятие экономических решений в условиях капитализма отрицательно сказывается на экономике, снижает эффективность принятых решений, тормозит экономическое развитие. «Капитализм происходит

---

¹⁰⁶ Паперно И. Семиотика поведения : Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996. 207 с.

¹⁰⁷ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М. : РОССПЭН, 1998. С. 313.

из мирского начала, он “от мира сего”, и поэтому он всегда будет находить тем более приверженцев, чем более взгляд людей будет устремлен на радости этого земного мира, и поэтому же он всегда будет ненавидим и проклинаем людьми, для которых всё земное имеет значение только как приготовление к жизни в новом мире»¹⁰⁸. Субъект должен действовать в экономике, опираясь не на этические принципы, а на требования экономической рациональности.

Ярким сторонником этого утверждения являлся экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике, в частности в области анализа потребления, М. Фридман. Он утверждал, что сущность капитализма – частная собственность, и она является источником человеческой свободы. То, что принадлежит всем, не принадлежит никому. В работе «Капитализм и свобода» исследователь доказывал нежелательность государственного вмешательства в экономику. Субъекты в своем «экономическом» поведении должны исходить из собственных убеждений, интересов и ценностей, а не из продиктованных государством. Указывая на этот феномен, В. Зомбарт утверждал: «Я полагаю, что основным пороком является то, что государство принуждает людей действовать вопреки своим собственным непосредственным интересам, якобы в общих интересах... Они замещают ценности участников чужими ценностями; либо одни люди указывают другим, что им считать благом, либо государство отнимает у одних, чтобы облагодетельствовать других. По этой причине подобные меры вызывают противодействие одной из самых сильных и самых творческих сил, известных человеку: стремления миллионов людей отстаивать свои собственные интересы и жить, руководствуясь своей собственной системой ценностей»¹⁰⁹. Такие глубокие ценностные изменения приводят к формированию эгоистического индивида, думающего только о себе самом. В современном мире бытие мыслится с экономической точки зрения. Начинает преобладать гедонистическая точка зрения,

---

¹⁰⁸Зомбарт В. Буржуа : этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 2004. С. 248–249.

¹⁰⁹Фридман М. Капитализм и свобода. М., 2006. С. 230.

согласно которой подчинять свою жизнь только поиску удовольствия нравственно. Свобода обладать вещами становится идеалом нравственности для экономического субъекта, поскольку примиряет потребителя с самим собой и с социальной группой.

На вопрос «Сохранится ли капитализм и потребительское общество на Западе?» В. Г. Федотова в работе «Хорошее общество» отвечает: «Предположение, что постиндустриальное общество решит все проблемы материального характера, перейдет в постэкономическую стадию, несмотря на все успехи экономики, представляется сомнительным. Для 80 % ... мир не станет постиндустриальным – свободным от экономических проблем»¹¹⁰. Не становится он и постэкономическим – усвоившим достижения капитализма, но порвавшим с его недостатками, как это первоначально предполагалось. Напротив, идея прибыли и вера в то, что сегодня можно купить всё, включая жизнь и здоровье, и за всё надо платить, несколько превосходит корыстные намерения капитализма предшествующего этапа. Потребительский стандарт по-прежнему является одним из ведущих факторов поведения людей. Под влиянием экономики происходит трансформация этики. По Ж. Бодрийяру, «общество потребления, всецело проповедующее обладание как способ жизни меняет представление об этике и формирует специфическую мораль: обладать, пользоваться вещами и получать от этого удовольствие – нравственно»¹¹¹. Тут будет уместным и его идея о дьявольском круге потребления: «Доход, престижная покупка и сверхтруд образуют порочный и безумный круг, дьявольский круг потребления, основанный на психологических потребностях, а не физиологических»¹¹². Аналогично высказывался и известный немецкий исследователь капиталистического общества М. Вебер: «Теперь уже не приобретение служит человеку средством удовлетворения его материальных запросов, а всё существование человека

---

¹¹⁰ Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 24.

¹¹¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления, его мифы и структуры. М., 2006. 269 с.

¹¹² Там же. С. 239.

направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни»¹¹³. По-видимому, потребление становится специфическим способом освоения субъектом современного мира.

Еще одной целостной философской концепцией потребления является идея французского философа Ж. Бодрийера, посвятившего этой теме много работ. По его мнению, потребление теряет как свою биологическую основу, так и экономическое содержание. А что остается в результате? Получается, что остается лишь экономическая форма – форма обмена. Философ, анализируя генезис потребления, приходит к таким выводам, что, во-первых, на стадии производства вещи отражают в себе потребности людей, и, во-вторых, процесс покупки является свободным живым обменом. Рассуждая о будущем общества потребления, Ж. Бодрийер высказывает мысль, что исходя из логики его развития должно возникнуть единое потребление, что делает мечту об умеренном потреблении или создании каких-то нормализующих ограничений наивно-абсурдным морализмом. Экономические отношения приводят к положительным результатам, если строятся в режиме предельной нагрузки, когда происходит постоянное и все возрастающее потребление. Ж. Бодрийер отмечает: «На первый план в современной экономической системе выходит необходимость производства потребителя и спроса, а это производство значительно дороже, чем производство потребительских товаров»¹¹⁴. В процессе неограниченного потребления полностью разрушается социальное. Всё становится потребительской стоимостью, поэтому как печальный результат – социальное умирает. В качестве конкретного примера Ж. Бодрийер приводит ситуацию с потреблением медицинских услуг. По его мнению, фантастический рост потребления в медицине полностью лишает ее социального характера, разрушает ее как социальный институт. «Суть разрушения в том, что социальное начинает

---

¹¹³ Вебер М. Избранное : протестантская этика и дух капитализма. С. 29.

¹¹⁴ Бодрийер Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 55.

рассматриваться массами как товар, цена на который зависит от соотношения спроса и предложения. Сначала политическое растворилось в социальном, а затем и социальное начинает поглощаться экономикой»¹¹⁵. Ж. Бодрийяр критически оценивает базовые постулаты экономической теории относительно потребления. Философ отмечает: «Потребительская стоимость – это всего лишь моральная конвенция, основанная на меркантильной приземленности и предполагающая постоянный прагматический расчет»¹¹⁶. В потреблении у экономических субъектов нет пределов. Эти идеи находят подтверждения у Т. Маркузе, который утверждал, что в современном обществе все люди, по сути, одинаковы, так как подчиняются одним и тем же желаниям. Потребности современного человека ложны и навязаны ему извне, что делает его рабом собственных потребностей¹¹⁷. Человек, делая выбор, больше полагается на общественное мнение, чем на собственное. Э. Фромм объяснял понятие социального характера тем, что «с точки зрения влияния общества на субъекта социальный характер воплощает в себе совпадение индивидуальных желаний и того, что в данном обществе считается должным»¹¹⁸.

З. Бауман идет еще дальше в описании потребительского общества, указывая, что вещь становится предметом не только желания, но еще и ощущения. В работе «Глобализация. Последствия для человека и общества» он пишет: «Сегодня потребительский стандарт не жадность к приобретательству и владению, не накопление богатства в его материальном, осязаемом смысле, а страсть к новым, ранее не испытанным ощущениям. Потребители сегодня в первую очередь коллекционеры ощущений. Желание не желает удовлетворения, напротив, желание желает желания»¹¹⁹.

---

¹¹⁵ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. С. 56.

¹¹⁶ Там же. С. 86.

¹¹⁷ Маркузе Т. Одномерный человек. М., 2003. 528 с.

¹¹⁸ Фромм Э. Иметь или быть? // Психоанализ и религия. Искусство любить. Иметь или быть? Киев, 1998. С. 189.

¹¹⁹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества = Globalization. The Human Consequences. М., 2004. С. 120.

В этом дьявольском круге потребления труд человека превращается в сверхтруд, и, как отмечал Ж. Бодрийяр, «из мировой проблемы голода люди перешли к мировой проблеме усталости», мы бы добавили – к хронической усталости. В вечной погоне за новым, будь то вещь или ощущение, люди ежедневно заставляют себя идти на работу.

На чем базировалась экономика по М. Лютеру? Отвергая святость подвижников, он был вынужден найти ей земную замену, что и сделал, приравняв светскую профессию к духовному призванию. Центральной категорией этического учения М. Лютера является *beruf* – «призвание». «Профессиональное призвание есть то, что человек должен принять как веление Господне, с чем он должен “мириться”; этот оттенок преобладает у М. Лютера, хотя в его учении есть и другая идея, согласно которой профессиональная деятельность является задачей, поставленной перед человеком Богом, причем главной задачей»¹²⁰.

Таким образом, протестантская экономика, базирующаяся на труде и трудовых добродетелях, в настоящее время превратилась в экономику желания и страсти. «Люди, которые без всякого принуждения стремились работать, – наследие, оставленное Мартином Лютером, – теперь редкость. Рабочий, который просыпался утром, чтобы бежать на работу, и работал, как будто молился, в один прекрасный день просто решил остаться в постели. Сегодня люди работают, чтобы разбогатеть, чтобы развлечься, чтобы встретить новых людей, чтобы показать себя и посмотреть других, чтобы чему-то научиться, и т. д. Но они больше не работают лишь потому, что этого от них требует их мораль. Работа сама по себе не воспринимается больше как благо, а стремление работать больше не является частью человеческой природы. Мы отошли от “должен” и перешли к “хочу”»¹²¹. Прежние моральные идеалы больше не мотивируют человека.

В эпоху постмодерна меньше обращают внимания на то, что идейно; в

---

¹²⁰ Сулимов С. И., Трегубова Д. Д., Черниговских И. В. Антисистемный характер периферийного капитализма // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С. 306–316.

¹²¹ Нордстрем К., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. СПб., 2002. С. 40.

символическом универсуме разыгрывается драма: исчез, погиб, умер – не только Бог, история и т. д., но и субъект. Если капиталистическое общество приучает нас верить, что желание равнозначно потребности и единственный способ удовлетворения наших желаний – потребление, – то Ж. Делёз утверждает иные принципы: желание не происходит от нужды, а наоборот, является производительной силой экономики. «Это не театр – это фабрика». Он описывает производительный характер желания как «машины желания», которая функционирует наподобие выключателя в большой «схеме» других разнообразных машин, к которым она подсоединена. И в то же время «машина желания» производит поток желания изнутри себя.

В главе «Желающие машины» философ утверждает, что не существует машин желания вне социальных машин, которые они формируют на более высоком уровне; и не существует социальных машин без машин желания, населяют их на нижнем уровне. Если желание производит, оно производит реальное. Если желание производительно, оно может быть таковым только в реальности, производя реальность. Желание и его объект составляют одно целое – это машина машины. «Желание – это машина, – пишет Ж. Делёз, – и объект желания – это подсоединенная машина, так что произведенное выбирается из производства, причем что-то отделяется от производства произведенного, которое отдаст остаток кочевому и бродячему субъекту»¹²².

Важно отметить, что Постмодерн характеризуется еще и как эпоха всеобщей симуляции, создающей гиперреальность, которая охватывает все сферы жизни. Становится трудно отличать подлинное от вымысла. Реальность заканчивается, уступив место симулятивной гиперреальности симулякров.

Согласно Ж. Делёзу, симулякр – знак, который отрицает и оригинал, и копию, это «изображение, лишённое сходства, образ, лишённый подобия»¹²³.

---

¹²² Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип : капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007. 670 с.

¹²³ Делёз Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск, 1998. С. 226.

Философ иллюстрирует эту мысль примером из Катехизиса, где отмечается, что Бог сотворил человека по своему образу и подобию, но в результате грехопадения человек утратил подобие, сохранив, однако, образ. Мы стали симулякрами, мы утратили моральное существование, чтобы вступить в существование эстетическое. «Конечно, симулякр еще производит впечатление подобия; но это – общее впечатление, совершенно внешнее и производимое совершенно иными средствами, нежели те, которые действуют в первообразце. Симулякр строится на несоответствии, на различии, он интериоризирует некое несходство»¹²⁴. Философ поясняет: «Сходство сохраняется, но оно возникает как внешний эффект симулякра, поскольку симулякр строится на дивергентных сериях, резонирующих друг с другом. Сохраняется и идентичность, но она возникает как закон, осложняющий все серии и заставляющий каждую серию вмещать в себя все остальные в ходе форсированного движения»¹²⁵. Эффект действия симулякра как машины заключается в том, что, поднимаясь на поверхность, посредством фантазма, симулякр опрокидывает и образец и копию. «Симулякр учреждает мир блуждающих дистрибуций и коронованных анархий. Симулякр не закладывает никакого нового основания: он поглощает всякое основание, благодаря ему совершается всеобщее проваливание, но это проваливание есть позитивное и радостное событие: проваливание как распахнутость...»¹²⁶.

На место связности репрезентации вечное возвращение ставит свое собственное хаотическое блуждание. «То, что возвращается в вечном возвращении, – это дивергентные серии в своем качестве дивергентных, т. е. каждая серия непрерывно смещает свое расхождение со всеми прочими сериями, и все они вместе непрерывно усложняют свои различия в хаосе без начала и конца. Круг вечного возвращения – это всегда эксцентрический круг по отношению к центру, который всегда децентрирован. Клоссовский прав, когда он говорит, что

---

¹²⁴ Делёз Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск, 1998. С. 226–227.

¹²⁵ Там же. С. 230.

¹²⁶ Там же. С. 231.

вечное возвращение – это симулякр доктрины: вечное возвращение действительно есть Бытие – но лишь тогда, когда тем, что есть, оказывается симулякр»¹²⁷.

Современность, по Ж. Делёзу, определяется властью симулякра. Симулякр и подделка не одно и то же. Подделка – это копия копии, «которая еще лишь должна быть доведена до той точки, в которой она меняет свою природу и обращается в симулякр»¹²⁸. И жизнь, и желания, и наслаждения приобретают приставку «псевдо-». Г. Дебор, утверждая эту линию, писал, что этот мир есть не что иное, как гнетущее псевдо-наслаждение. Покупая новый товар, человек на короткий срок впадает в иллюзию счастья¹²⁹.

Таким образом, в эпоху Постмодерна переход к экономике желаний, снижение уровня рациональности и увеличение роли бессознательного в принятии решений под давлением извне приводят к трансформации этических ценностей. Признается, что материальное благополучие есть добро, и нравственно всё то, что приносит пользу и удовольствие человеку. Поэтому экономическая деятельность получает всё большую степень признания; не подвергается сомнению, что этика должна служить экономике. Как утверждает И. Г. Корсунцев, экономический субъект – это «структура не только и даже не столько материальная, сколько информационно-виртуальная. Можно, акцентируя данное обстоятельство, сказать, что в человеке всё материальное (биологическое) – несубъектно, а всё субъектное – нематериально»¹³⁰. В эпоху Постмодерна экономический субъект становится «теоретическим человеком». Превращается в сингулярность, некую до-индивидуальную единицу. В совокупности субъект и объект исчерпывают наше бытие. Этот мир подрывается, деконструируется, продолжая разрушаться посредством и в результате всё той же лингво-семиотической, а если говорить принципиальнее, информационной революции.

---

¹²⁷ Делёз Ж. Платон и симулякр. С. 232.

¹²⁸ Там же. С. 233.

¹²⁹ Дебор Г. Общество спектакля. М., 1999. 224 с.

¹³⁰ Корсунцев И. Г. Прикладная философия : субъект и технологии. М., 2001. С. 73.

По своим апокалипсическим тенденциям оно, по-видимому, значимее всех предшествующих исторических поворотов.

2.3. Категория «экономический субъект» и его поведение в современной социальной философии: от рационализма к иррационализму

Современную реальность, которую мы наблюдаем на рубеже конца XX и начала XXI столетий, вполне обоснованно можно назвать эпохой перемен. Эпоха перемен, согласно общепринятому пониманию, – это период времени в развитии природы, общества, экономики, науки и т. д., имеющий характерные особенности¹³¹.

К характерным особенностям новой экономической реальности (по словам Дж. Стиглица, «другой экономики») можно отнести множество новых явлений и процессов, но важнейшие из них – кардинальные изменения всех существующих в мире экономических систем на основе глобализации, информатизации, компьютеризации, экологизации, гуманизации и нового технологического взрыва¹³². Несмотря на то что экономика, как и любая другая наука, развивается в направлении всё большей систематизации и структуризации, в ней есть один элемент, не поддающийся никакому упорядочению. Таким элементом является экономический субъект.

Современными экономическими субъектами являются не столько отдельные индивиды или некие атомарные фирмы, с которыми имела дело классическая экономическая теория, сколько крупные структуры, организации, институты и даже государство. Экономических субъектов, действующих в современной экономике, можно поделить на три большие группы: хозяйствующие субъекты, домашние субъекты и государство. Именно поведение субъекта определяет основные закономерности функционирования экономики.

---

¹³¹ Государственная Россия : словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1.

¹³² *Стиглиц Дж.* Глобализация : тревожные тенденции. М., 2003. 300 с.

Экономические субъекты делают выбор, реализуя на практике свои умения, несут ответственность за результаты своей работы. Принимая те или иные экономические решения, основанные на своих предпочтениях, ожиданиях, расчетах, субъекты способны внести значительные изменения в экономику, и порой эти изменения могут носить отрицательный характер (не увеличить экономическую прибыль, а наоборот, принести убытки) как для самих субъектов, так и для общества (например, повлечь экономические санкции). Исследуя данные проблемы, современные авторы выделяют такую тенденцию развития экономической мысли, как развитие поведенческой экономики.

Поведенческая модель экономики собрала в себе все наработанные исследования по анализу процесса принятия решений субъектом. Выводы, к которым она пришла, убедительно послужили иррациональность экономических субъектов. В поведенческой экономике пересматривается роль субъектов в производстве и экономике, возрастает значимость психологических, нравственных и духовных факторов в их поведении, выходящих за рамки сложившейся неоклассической модели «экономического человека» времен А. Смита, которым управляет «рационалистический эгоизм»¹³³. Здесь, наоборот, субъект рассматривается как абсолютно иррациональное существо. Но эта иррациональность не случайна и не бессмысленна. Для полного понимания проблемы рассмотрим эволюцию модели «экономического субъекта» в разных экономических школах.

В зависимости от исторического периода экономический субъект предстал в разных ипостасях: земледельцем, скотоводом, ремесленником, крестьянином, торговцем, предпринимателем и т. д. Концепция экономического субъекта всесторонне исследована отечественными и зарубежными философами, экономистами, социологами (А. В. Чаянов, М. И. Туганов-Барановский, С. Н. Булгаков, В. С. Автономов, В. С. Барулин и др.), но впервые термин появился в XVIII в. Как было указано во второй главе, созданное А. Смитом

---

¹³³ Смит А. Указ. соч. С. 82.

представление о природе человека и соотношении человека и общества легло в основу взглядов классической школы. Понятие «экономический человек» возникло несколько позже, но его изобретатели опирались на идеи А. Смита. В дальнейшем в развитии экономической науки следовали учению классиков политической экономии Д. Рикардо, Дж. С. Милля, К. Маркса, отражавшему эпоху дальнейшего развития капиталистического общества, рынка, свободной конкуренции.

В истории экономической теории насчитывается много школ, но мы рассмотрим концепцию экономического субъекта в основных из них: меркантилизм (XVI–XVII вв.); физиократизм (XVIII в.); классическая политическая экономическая школа (XVIII–XIX вв.); утилитаризм (XVIII–XIX вв.); марксизм (XIX–XX вв.); неоклассическая экономическая школа (XIX–XX вв.); австрийская экономическая школа (XIX–XX вв.); кейнсианство (XX в.); математическая школа экономической теории (XX в.); институционализм (XIX–XX вв.). Анализируя основные идеи данных школ, можно выделить несколько моделей экономического субъекта.

Первая модель – «несвободный торговец», ограниченный в «естественной свободе» продавать и покупать, нанимать и наниматься, производить и потреблять (Т. Мен, А. Монкретьен). Термин «меркантилизм» имеет итальянское происхождение от *il mercante* – «торговец, купец». Меркантилисты были первыми, кто попытался построить теорию общественной системы, базируясь исключительно на экономике. Ограниченность методологии меркантилизма прослеживается на примере наиболее значительного аналитического достижения меркантилизма – концепции «торгового баланса», согласно которой основной целью экономической политики должно стать обеспечение активного торгового баланса – превышения стоимости вывезенных из страны товаров над стоимостью благ, ввезенных в данную страну. Этические особенности экономических исследований меркантилистов обусловлены тем, что меркантилизм возник в ходе борьбы национальных государств, стремившихся к получению самостоятельности. Борьба включала в себя два аспекта. Во-первых, необходимо

было добиться внутреннего единства, и, во-вторых, нужно было преодолеть власть католической церкви. И меркантилисты взялись обеспечить достижение обеих этих задач. Конечной целью было могущество национального государства. Для осуществления этой задачи меркантилисты выдвинули целую систему мероприятий, рекомендуя ее королевской власти, призванной активно вмешиваться в экономическую жизнь, ограничивать действия экономических субъектов и обеспечивать жесткую регламентацию денежного обращения, внешней торговли.

Вторая модель – «производительный земледелец», ограничивающий сферу производства лишь сельским хозяйством (Ф. Кенэ, Р. Тюрго). Название школы «физиократия» (от др.-греч. φύσις – «природа» и κράτος – «сила, власть, господство», т. е. «господство природы») говорит о том, что она стремится приблизить экономического субъекта к природе. Физиократы являлись выразителями интересов крупных землевладельцев. Они изучали влияние природных явлений на экономику общества. Считали, что источником богатства является только труд в земледелии, сельскохозяйственном производстве; промышленность же определялась как «бесплодная» сфера, не создающая «чистого продукта». Благодаря экономическим идеям этой школы, разделение труда в земледелии расширяется до общественных масштабов, появляется ремесло, дающее занятие тем, кому не досталась ограниченная в своих размерах земля. Земледельцы – производительный, ремесленники – содержащийся за счет других класс. Между ними совершается обмен продуктов на труд. Затем возникает отделение земельной собственности от земледельческого труда, появляется наемный труд в самом земледелии. Класс земледельцев подразделялся на предпринимателей, или фермеров, и на простых наемников, слуг или поденщиков. Так вырисовывается полная классовая структура буржуазного общества.

Третья модель – «компетентный эгоист», действующий ради собственного интереса (А. Смит, Д. Рикардо). А. Смит стал основоположником классической политической экономии. Основная идея в учениях А. Смита заключена в

минимальном вмешательстве государства в экономику и рыночном саморегулировании на основе свободных цен. Он заложил основы трудовой теории стоимости, показал значение разделения труда как условия повышения производительности. Главным мотивом экономического субъекта является своекорыстный интерес. Но преследовать свой интерес субъект может, только оказывая услуги другим людям, предлагая в обмен свой труд и продукты труда. Так развивается разделение труда. А. Смит считал, что люди помогают друг другу и одновременно способствуют развитию общества, хотя каждый из них – эгоист и думает только о своих интересах. Естественное стремление людей улучшить свое материальное положение – это такой мощный стимул, что, если ему предоставить действовать без помехи, он сам способен привести общество к благосостоянию.

Д. Рикардо утверждал, что стоимость, цена товара зависит от количества труда, затраченного на его изготовление. Прибыль есть результат неоплаченного труда рабочего. Его учение легло в основу утопического социализма. Идеи А. Смита об экономическом субъекте получают законченный вид в его трудах. Д. Рикардо доводит до логического завершения идею естественного закона, определяющего содержание всех хозяйственных процессов. Социологические взгляды – относительно ограниченности возможностей экономического субъекта, его пассивного приспособления к внешнему миру, определяющего влияние прошлого на современность, – сводятся в его работах к единому основанию.

Четвертая модель – «моральный гедонист», испытывающий отвращение к труду и стремящийся к росту своего благосостояния во имя максимизации получаемого от жизни удовольствия (Дж. С. Милль, Дж. Бентам). Основные идеи утилитаризма относительно экономического субъекта сводятся к тому, что целью экономических действий является достижение благосостояния. Экономический субъект находится под властью двух «суверенных повелителей»: страдания и наслаждения. Следовательно, благосостояние может измеряться следующим образом: сумма интенсивностей всех удовольствий за данный период времени умножается на их продолжительность, и из нее вычитается общее количество страданий, испытанных за тот же период. Подсчет ведется для того, чтобы

достичь наибольшей величины общественного блага. В частности, Дж. Бентам полагал, что эгоистическая мотивация не проходит через стадию осознания человеком своих целей потому, что человеку неприятно заниматься самокопанием, – это обнажает его эгоистические, не одобряемые обществом мотивы.

Пятая модель – «капиталист», получающий прибавочную стоимость и эксплуатирующий рабочего (К. Маркс). Марксизм представлен формированием социалистических принципов: общественная собственность на средства производства, отсутствие эксплуатации человеческого труда, равная плата за равный труд, всеобщая и полная занятость. Можно утверждать, что К. Маркс, в отличие от А. Смита и Д. Рикардо, принимает точку зрения рабочего, чей труд используется капиталистом. Человек производит стоимость большую, по сравнению с его вознаграждением, и эта прибавочная стоимость отбирается капиталистом в виде прибыли. Таким образом, труд эксплуатируется. Так как производство товаров в промышленных масштабах требует большого числа людей и оборудования, то значит, эксплуатацию необходимо понимать в рамках системы производства и отношений к нему рабочего класса и класса капиталистов в целом.

Шестая модель – «эгоистический перфекционист», мотивами которого являются желание привлечь к себе внимание, стремление к разнообразию и совершенству, жажда признания (А. Маршалл, А. Пигу). Представители неоклассической экономической школы показали важность роли субъекта в политэкономии, сетовали на то, что до недавнего времени суждения о нем в социально-экономических концепциях были искажены, а также отмечали алогичность попыток создать абстрактную теорию об экономическом субъекте. А. Маршалл считал, что не рассматривать человека как чистейшего эгоиста ошибочно. Мыслитель указывал: «Экономическая наука занимается изучением того, как люди развиваются и о чем они думают в своей повседневной жизни. Но предметом ее исследования являются те побудительные мотивы, которые наиболее сильно и наиболее устойчиво воздействуют на человека в хозяйственной

сфере его жизни»¹³⁴. Большое значение в этой школе придается привычке, отмечается эволюционный характер потребностей человека. А. Маршалл выделял у экономических субъектов три типа мотивации: стремление к разнообразию; стремление привлечь к себе внимание; жажда признания.

Седьмая модель – «рациональный максимизатор», рационализирующий потребление как обмен благ, выражаемый в денежном эквиваленте (К. Менгер, Ф. Визер). Концептуальные основы австрийской школы базировались на крайнем субъективизме. Исходным пунктом в исследованиях ее представителей служили психологические мотивы поведения экономических субъектов – субъективно-психологический фактор. Важной идеей экономического анализа К. Менгера является исследование соотношений между человеческими потребностями и способностями предметов удовлетворять эти потребности. Согласно его учениям, важнее всего в экономических отношениях – удовлетворение потребностей. Потребности, по К. Менгеру, делятся на следующие виды: 1) низшего порядка – биологические, первичные потребности; 2) высшего порядка, которые предназначены для производства благ низшего порядка. Важно отметить, что в качестве объекта исследования представители австрийской экономической школы принимали отдельное индивидуальное хозяйство, которое рассматривалось в качестве простейшего типичного элемента рыночной экономики. Такой метод исследования получил название метода робинзонад, в котором экономический субъект стремится удовлетворить свои потребности и рациональными шагами максимизирует личное «благо».

Восьмая модель – «информированный рационалист», для рационализации ситуации прибегающий к помощи более информированного государства (Дж. М. Кейнс). Основные идеи этой школы заключаются в том, что экономист должен придавать большое значение интроспекции, внутреннему ценностному наблюдению, чтобы описывать мотивы экономических субъектов. Используя такой метод, экономист мог бы взвесить силу различных соглашений между

---

¹³⁴ *Маршалл А.* Принципы экономической науки : в 3 т. М., 1993. Т. 1. 416 с.

субъектами в различных ситуациях, чтобы моделировать их экономическое поведение. Дж. М. Кейнсу принадлежит заслуга в разработке логической теории вероятностей, которую он положил в основание своей теории «рационального действия». Эмпирические данные имеют центральное место в логической теории вероятностей. Они составляют то, что предопределяет следствие в экономическом поведении и экономической теории, и то, что Дж. М. Кейнс назвал аргументом. Понятие значения аргумента у него отражает сложный, вероятностный мир экономических действий субъектов, которые детерминированы определенной логикой, и в то же время действий неопределенных и недетерминированных, поскольку их совершает экономический субъект, наделенный волей и желаниями. В теории рационального действия Дж. М. Кейнса логика вероятностных экономических отношений такова, что она неизбежно дополняется концепцией неопределенности, которая проявляется на двух уровнях анализа – детерминистском и индетерминистском. Первый уровень связан с неопределенностью истинности посылки, рациональной веры и неполноты информации. Второй уровень обусловлен разными причинами, в частности недостаточной интеллектуальной силой субъекта интуитивно осуществить оценки, необходимые для рационального поведения. Подход Дж. М. Кейнса к экономической реальности и экономическому мышлению был основой более объективного взгляда на противоречия общества. Кейнсианство утверждало, что рыночная система без государственного регулирования не имеет внутри себя автоматических механизмов саморегулирования, которые устраняли бы антагонизмы.

Девятая модель – «справедливый конкурент», действующий по принципу справедливого обмена, обладающий чувствами солидарности и справедливости (Л. Вальрас, В. Парето). Сторонники математической школы исходили из того, что исследуемая система хозяйства способна обеспечивать внутреннее равновесие, под которым понималось равенство спроса и предложения. Математические методы использовались как для оформления теоретических концепций, так и непосредственно для исследования экономических явлений.

Ориентиром являлся рыночная экономика, представленная рациональными субъектами, обладающими равными возможностями, добивающимися максимума благосостояния.

В своей концепции Л. Вальрас исходил из идеи естественного порядка и общественного прогресса. Для этого, по его мнению, необходимы непрерывность производства и обеспечение всеобщего благосостояния. Л. Вальрас считал, что логически доказать правильность теории возможно лишь с помощью математического метода. Система доказательств для чистой политической экономии имеет сферу обмена и предполагает двойное условие для достижения экономического равновесия. В центре всего процесса стоит экономический субъект. Л. Вальрас считал иллюзией политику «дать свободу действия». Каждый экономический субъект должен действовать крайне рационально и получать максимальную полезность, но увеличивая свое благосостояние, не должен уменьшать благосостояние других субъектов. В теории следующего представителя математической школы В. Парето большое место занимает проблема экономического оптимума. Выдвинутый им принцип оптимальности лег в основу так называемой новой экономики благосостояния. Согласно оптимуму В. Парето, максимум благосостояния или общественной полезности достигается при условии, если стремление к благосостоянию каждого экономического субъекта не ведет к снижению уровня жизни любого другого члена общества. Этот принцип положен в основу распределения ресурсов. Он реализуется в условиях неограниченной конкуренции.

Десятая модель – «престижный потребитель», нацеленный на демонстративное, показное поведение, направленное на доказательства обладания богатством. Основными мотивами являются «завистливое сравнение» и желание «перегнать соседей» (Т. Веблен, У. Митчелл). Институционалисты считали, что преследование личных интересов не всегда совпадает с интересами общества. Весь экономический процесс носит характер борьбы за обладание товарами. Самым эффективным инструментом для экономического контроля выступают деньги.

Последние сто лет на Западе, чуть меньше – в России, превалирует научная система А. Маршалла. Разбирая общие вопросы экономической рациональности, философ указывал на ее гипотетический статус: все человеческие действия в экономике рассматриваются в таком контексте, как если бы они были полностью рациональными. Экономика данного периода основывается на понятии «рационального эгоизма». Иными словами, люди принимают рациональные решения для достижения наибольшего удовлетворения или максимально полной реализации своих целей.

Таким образом, экономика как наука в XX в. подошла к качественно новому этапу своего развития, для которого характерны противоречивые процессы. Она превращается в науку о том, как «делать деньги», акцентируя внимание на экономическом поведении людей, личностном интересе и частной выгоде. Как никогда становится актуальным выражение Карла Маркса: «Обеспечьте 10 %, и капитал согласен на всякое применение, при 20 % он становится оживленным, при 50 % положительно готов сломать себе голову, при 100 % он попирает все человеческие законы, при 300 % нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»¹³⁵. В связи с этим проблема субъекта в ней приобретает особую остроту, сложность, многогранность.

Начиная со второй половины XX в. экономическая теория ставит в центр исследований человеческие эмоции, переживания, настроения и страсти, управляющие различными экономическими процессами. Именно в вышеозначенной форме принцип рациональности начинает подвергаться существенной критике. Одним из первых критиков является Дж. Стиглиц. Американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике, считает, что отправной точкой экономической теории регулирования является признание силы государства как «ресурса» или «угрозы», которое «может выборочно помогать или причинять ущерб значительному числу отраслей

---

¹³⁵ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : в 3 т. М., 1988. Т. 3. 650 с.

промышленности»¹³⁶. Его теория формирует представление об экономическом регулировании как неотъемлемой части политической жизни и результата коллективного действия групп интересов бизнеса, извлекающего прямые экономические выгоды и отражающего преобладание частных интересов над интересами общества.

Г. Саймон под давлением критиков базового неоклассического тезиса дополнил идею Дж. Стиглица тезисом о неполной рациональности экономических субъектов, связанной с ограниченностью когнитивных способностей экономических агентов, сохранив, таким образом, сам постулат. Согласно этому принципу действующие в обществе правила коммуникации и принятия решений – это не результат рациональных расчетов, а главным образом, следствие давления окружения¹³⁷. Представители поведенческой экономической теории отвергают утверждение о том, что экономический субъект, делая выбор, всегда руководствуется принципом рациональности. Для бихевиористов на первый план выходят такие психологические явления экономического субъекта, как эмоции, интуиция, спонтанные желания, общественные стереотипы, которые влияют на принятие экономических решений. Исследователи поведенческой экономической теории доказали, что экономические субъекты часто принимают решения не в их интересах. Как было показано выше, классическая экономическая теория в качестве основного действующего субъекта рассматривала «рационального экономического субъекта», способного принимать идеальные решения, учитывающего все возможные риски и ищущего максимизированную собственную выгоду. Именно такое поведение лежит в основе построения классической экономической наукой различных моделей. Но реальная действительность сложнее классической модели: в ней всегда есть место эмоциям, чувствам, даже ошибкам, и это свойственно всем хозяйствующим

---

¹³⁶ *Stigler G. J.* The Theory of Economic Regulation // *Bell Journal of Economics and Management Science*. 1971. Vol. 2, Issue 1. P. 3–21.

¹³⁷ *Саймон Г. А.* Теория принятия решений в экономической науке и науке о поведении // *Вехи экономической мысли*. СПб., 2000. Т. 2: Теория фирмы. 534 с.

субъектам. Можно утверждать, что «homo economicus» XX в. упал с пьедестала, так как в действительности субъект не ведет себя рационально, и его решения не являются основанными исключительно на экономическом расчете. Как отмечает В. П. Веряскина, «“homo economicus” – это абстрактная инструментальная модель, которая носит редукционистский характер, поскольку не учитывает множество социокультурных и исторических перемен, характеризующих ее признаки. Именно поэтому отношение между “homo economicus” и человеком, участвующим в реальной хозяйственной жизни, не изоморфное отношение между теорией и практикой, а лишь между предпосылками теории и практикой»¹³⁸. Оказался, что многие стороны поведения экономических субъектов определяет иррациональное начало в человеческой психике.

Таким образом, на смену модели экономического субъекта классиков как «рационального эгоиста» пришла неклассическая модель – «иррационального потребителя». Этот экономический субъект имеет особое восприятие информации, риска, непоследовательно относится к вещам, материальному миру, принимает решения эвристически и далек от постоянной оптимизации своих действий и выбора. Трудно не согласиться с Д. Ариели, который пришел к выводу, что психологические явления, эмоции и групповая динамика влияют на принятие экономических решений. Люди часто принимают решения, которые не в их интересах¹³⁹. Д. Ариели и другие исследователи современности предлагают уделять больше внимания анализу психических и когнитивных сторон деятельности экономических субъектов. Влияния этих сторон жизни на модели поведения и принятия экономических решений нашли отклик и у экономистов – бихевиористов. Последние, развивая поведенческую экономику, выдвинули на первый план проблему иррационального поведения экономических субъектов. Следующий параграф будет посвящен зарождению и развитию поведенческой

---

¹³⁸ Веряскина В. П. Трансформация человека в обществе модерна / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М., 2015. С. 195.

¹³⁹ Ариели Д. Предсказуемая иррациональность. Скрытые силы, определяющие наши решения. М., 2010. 304 с.

экономики как нового измерения иррационального поведения экономических субъектов.

Выводы по второй главе.

В XIX в. по мере развития промышленности и утверждения капитализма представления об экономическом субъекте резко меняются, соответственно, меняется и его поведенческая модель. Бурно развивающаяся наука всё больше попадает в зависимость от экономического производства. Творение ценностей и производство стоимостей становятся разъединенными, противоположными видами деятельности. Производство стоимостей всячески поддерживается и поощряется, тогда, как создание ценностей оказывается не слишком востребованным. Поведение экономического субъекта на этом этапе базируется на теории разумного эгоизма, принципе максимизировать личную выгоду, во всех ситуациях следовать частным интересам. Жизненная стратегия становится игрой по правилам, которые предлагаются обстоятельствами «здесь-и-сейчас» и работают только в рамках этих конкретных обстоятельств. Утверждается позиция, что поведение экономического субъекта нельзя объяснить в рамках традиционной классической модели «homo economicus», поскольку у субъекта, помимо сугубо материальных потребностей, на удовлетворение которых обращает внимание эта модель, появляется всё больше нематериальных потребностей, связанных с новыми возможностями. Это приводит к формированию новой модели человека, в большей степени присущей постиндустриальному обществу. Складывается понимание, что экономические субъекты не могут рассматриваться односторонне, как эгоистические и рациональные субъекты, поскольку им присущ как эгоизм, так и альтруизм, как стремление к конкуренции, так и стремление к сотрудничеству, как лень, так и предприимчивость. Поэтому от «рационального гедониста» классической экономической теории экономический субъект трансформируется в «иррационального потребителя» современной экономики.

Глава 3. Социально-философская парадигма иррационального поведения экономического субъекта

3.1. Поведенческая экономика: социальные измерения экономического субъекта

На протяжении XX в. в разных социально-философских и экономических учениях экономический субъект предстает как рациональный гедонист, в любых ситуациях пытающийся максимизировать личную выгоду, удовлетворить собственные эгоистические интересы. Устанавливается именно такое понимание экономического субъекта, названного «*homo economicus*», как экономический человек. В XXI в., на стыке психологии и экономики появляется новое направление экономической науки – поведенческая экономика, которая утверждает, что в реальной жизни экономического человека не существует; на самом деле, принимая экономические решения, делая выбор, субъект не всегда поступает рационально. Эксперименты, проводившиеся экономистами-бихевиористами, показывают, что реальное поведение людей имеет не слишком много общего с тем, как ведет себя субъект классической теории – рациональный «*homo economicus*», обладающий строго упорядоченным набором предпочтений. Во многих самых разнообразных ситуациях поведение реальных экономических субъектов оказывается иррациональным.

Что понимают под рациональным поведением экономисты? Они считают, что поведение рационально, если у действующего экономического субъекта предпочтения полные и транзитивные. В случае полных любые две ситуации сравнимые, экономический субъект знает, что для него лучше. С любой альтернативой, с которой можно столкнуться, он знает, что лучше, что хуже для себя. Это требование полноты. А требование транзитивности означает, что предпочтения согласованы, например, если яблоки лучше, чем апельсины, а апельсины лучше, чем сливы, значит, яблоки лучше, чем сливы. Таким образом, если у экономического субъекта такие полные и транзитивные предпочтения, и он старается свои потребности максимально удовлетворить, то он действует

рационально. Иная картина складывается в XXI веке. Исследователи поведенческой экономики показали, что в действительности у экономического субъекта иррациональное поведение, и он, скорее иррациональный потребитель, чем рациональный гедонист.

На современном этапе поведенческая экономика – это бурно развивающаяся отрасль знаний, которая помогает философам, экономистам, психологам, социологам понимать, как принимаются и реализуются экономические решения, где границы рациональности экономических агентов. Поведенческая экономика будет одной из самых востребованных областей экономики в ближайшие годы, потому что, кроме принципов рациональности, здесь появляются дополнительные возможности для понимания, объяснения, предсказания экономического поведения. В отличие от классической и неоклассической экономической теории поведенческая экономическая теория стремится построить обобщенную модель принятия решений и не ограничивается только описанием.

Важно отметить, что поведенческая экономическая теория – относительно молодая наука – начала формироваться примерно в 1950-х гг. На этом этапе Г. Саимоном было сформулировано понятие ограниченной рациональности – противоположности модели «экономического человека» классической концепции.

В 1960–1970-е гг. всё чаще исследователи обращали внимание на иррациональное поведение экономического субъекта, появились труды, в которых открыто демонстрировали отклонение поведения субъекта от рационального поведения. К числу фундаментальных трудов относятся: работа Г. Беккера, в которой применяются экономические методы для анализа человеческого поведения¹⁴⁰ (в 1992 г. автор получил Нобелевскую премию за исследования широкого круга проблем человеческого поведения и реагирования, не ограничиваясь только рыночным поведением); сочинения А. Сена,

---

¹⁴⁰ Беккер Г. С. Человеческое поведение. Экономический подход. Избранные труды по экономической теории / пер. с англ. Е. В. Батракова [и др.]. М., 2003. 670 с.

анализирующего область взаимосвязи этики и экономики¹⁴¹ (1998 г. – Нобелевская премия за вклад в экономическую теорию благосостояния); работа Д. Ю. Стиглица, исследующего влияние этических принципов на экономический и социальный порядок¹⁴² (2001 г. – Нобелевская премия за анализ рынков с несимметричной информацией); исследования Д. Канемана в области психологических аспектов экономической теории и поведенческих финансов¹⁴³ (2002 г. – Нобелевская премия за исследования в области принятия решений и механизмов альтернативных рынков); работа А. Дитона, в которой подробно рассматриваются закономерности, определяющие богатство и состояние здоровья народов, и показывается, что с помощью «этической» экономики можно помочь тем, кто так до сих пор не совершил «великого побега» из нищеты¹⁴⁴ (2015 г. – Нобелевская премия за анализ проблем потребления, бедности и социального обеспечения); исследования Р. Талера в области иррационального поведения экономических субъектов¹⁴⁵ (2017 г. – Нобелевская премия за вклад в область поведенческой экономики). Авторами наиболее значимых работ были М. Алле, Д. Канеман, С. Лихтенштейн, Г. Райфа, П. Словик, А. Тверски. Присуждение Нобелевской премии в 2002 г. исследователю этой области – американскому психологу Д. Канеману – сыграло свою положительную роль в развитии поведенческой экономики. Продолжая наступление на принцип экономики, Д. Канеман доказал, что «модели рационального выбора психологически нереалистичны»¹⁴⁶. По мнению американского экономического психолога, большинство решений принимается интуитивно, причем правила, которым

---

¹⁴¹ *Sen A. Op. cit.*

¹⁴² *Стиглиц Д. Ю.* Цена неравенства : [чем расслоение общества грозит нашему будущему]. М., 2015. 508 с.

¹⁴³ *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М., 2014. 336 с.

¹⁴⁴ *Дитон А.* Великий побег : здоровье, богатство и истоки неравенства. М., 2016. 368 с.

¹⁴⁵ *Талер Ричард.* Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать = *Misbehaving : The Making of Behavioral Economics*. М., 2017. 368 с.

¹⁴⁶ *Канеман Д.* Карты ограниченной рациональности : психология для поведенческой экономики // Д. Канеман // Психологический журнал. 2006. Том 27, №2. С. 10.

подчиняется интуиция, сходны с правилами восприятия.

Новейшие работы по поведенческой экономике – «Фрикономика» и «Суперфрикономика» – принадлежат С. Д. Левитту и С. Дж. Дабнеру. «Фрикономика» выделяется довольно нестандартными взглядами авторов и эпатажным стилем. В отличие от всяких новомодных теорий авторы «Фрикономики» приводят примеры и доказывают свои идеи на цифрах и на практике. Так, согласно данным одного исследования, для защиты пяти тысяч сов необходимо прекратить лесозаготовительную деятельность в этом регионе, что приведет к прекращению дальнейшей деятельности по производственной цепочке. «Прекращение бизнеса обойдется в 46 млрд долл., т. е. в 59 млн долл. на одну сову»¹⁴⁷. Новая экономика требует нового, неортодоксального, инновационного взгляда на вещи. «Суперфрикономика» является продолжением первой работы данных авторов, нетрадиционно подходящих к экономической теории. Их подход можно назвать эмпирическим, но при этом авторы всегда полагаются на данные для нахождения ответа на свои вопросы. Усилиями этих исследователей строится «образ экономиста как необычного, любопытного человека, который изучает окружающий мир, взаимодействие людей и событий в нем»¹⁴⁸.

В настоящее время трудно не согласиться с мыслителями и не принимать во внимание поведенческую экономику, поскольку поведенческий подход скрывает глубинные мотивы деятельности экономических субъектов: от индивида до государств. Пишет об этом и Р. Талер, один из ведущих специалистов в этой науке. В 2017 г. он получил Нобелевскую премию «за вклад в исследование поведенческой экономики» (подробно его теорию «Подталкивание» рассмотрим в следующем параграфе). Свою первую работу в этой области он написал в 1980 г. («К позитивной теории потребительского выбора»). До этого времени

---

¹⁴⁷ *Левитт С. Д., Дабнер С. Дж.* Фрикономика. Мнение экономиста-диссидента о неожиданных связях между событиями и явлениями. М., 2017. 236 с.

¹⁴⁸ *Левитт С. Д., Дабнер С. Дж.* Суперфрикономика. М., 2010. 288 с.

подавляющее большинство экономистов воспринимали человеческий мозг и сознание как «черный ящик», принципиально закрытый для исследователя, а потому как бы несуществующий для науки. Краеугольным камнем стандартной экономической модели было представление о «рациональном выборе», который нужно описывать на математическом языке. «В процессе превращения экономики в более строгую в математическом смысле науку экономическая профессия, кажется, утратила свою хорошую интуицию в отношении человеческого поведения»¹⁴⁹, – объяснял сам Р. Талер. По его мнению, экономисты забыли, что экономика по определению является поведенческой наукой, и стали изучать абстрактного «*homo economicus*» вместо реальных живых людей.

Таким образом, отличительные характеристики поведенческой экономической теории заключаются в отказе от предпосылки рациональности, преследования собственных интересов. Поведенческая экономика объясняет экономические явления через призму психологических и философских идей. Человеческой природе изначально присуща не только тяга к материальным интересам, собственной выгоде, но и стремление к справедливости, сотрудничеству с другими людьми, альтруизм.

Иррациональное начало служит источником нелогичности, нерационального поведения, нелогических мотивов при экономическом выборе. Понятие иррациональности – такая же неотъемлемая черта экономического поведения, как и рациональность, понимаемая как стремление принимать разумные решения в свою пользу. В этом и видит причину кризиса неолиберальной экономической теории отечественный исследователь В. Г. Федотова: «Существует скорее не кризис экономической теории вообще, а неолиберальной экономической теории, ошибочность ее основного постулата, согласно которому экономическая деятельность первичного агента экономической жизни детерминируется, прежде всего, его экономическим интересом, суть которого в максимизации

---

¹⁴⁹ Талер Р. Новая поведенческая экономика...

индивидуальной полезности при минимизации издержек (получение максимума удовлетворения за минимальную плату)»¹⁵⁰.

С позиции традиционной экономики, как было показано выше, рациональность означает, что в повседневной жизни субъекты, сравнивая между собой имеющиеся альтернативы, выбирают наилучшую для них. Однако необходимо учитывать то обстоятельство, что на выбор могут повлиять разные факторы. На наш взгляд, наиболее полно эти факторы описываются в рамках трех теорий, как то: теория X-эффективности известного западного ученого Х. Лейбенштейна; знаменитый «парадокс Истерлина», названный в честь предложившего его экономиста и демографа Р. Истерлина; «теория поколений», предложенная американскими авторами Н. Хоувом и В. Штраусом. Рассмотрим их подробнее.

Согласно концепции X-эффективности Х. Лейбенштейна, степень рациональности поведения экономического субъекта зависит от многих факторов, самыми основными из них являются физиологический и социальный. Физиологический фактор требует экономить мыслительную энергию и душевные силы¹⁵¹. В итоге получается, что чем обдуманнее и взвешеннее решение, тем сложнее экономическому субъекту его принять. Это означает, что поведение субъекта не определяется только его физиологической природой – так оно было бы минимально рациональным. Социальный фактор влияет на то, чтобы решение было (или хотя бы выглядело) разумным с точки зрения общества. Х. Лейбенштейн развил свою идею и превратил ее в более понятный метод анализа, в соответствии с которым действия экономических субъектов, как правило, не оптимальны, но по мере того, как внешние обстоятельства усиливают свое давление на них, их поведение оптимизируется. Концепция X-эффективности показывает, как трудно точно определить само понятие «эффективность». Если, к примеру, людей устраивает экономический застой,

---

¹⁵⁰ Федотова В. Г. Человек в экономических теориях : пределы онтологизации // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 30.

¹⁵¹ Лейбенштейн Х. Аллокативная эффективность в сравнении с «X-эффективностью» // Теория фирмы. СПб., 1999. С. 432–447.

значит ли это, что их деятельность обязательно неэффективна? Ведь они и не претендуют ни на какой эффект, кроме сохранения *status-quo*. Эта концепция оказалась полезной в качестве инструмента дальнейшего изучения процесса принятия решений. В этом плане теория X-эффективности смыкается с поведенческой экономической теорией. Несмотря на то что позиция Х. Лейбенстайна формально не принадлежит к концепциям поведенческой экономики, но по своему духу и содержанию очень близка.

На степень соотношения рационального и иррационального экономического поведения большое влияние оказывает и то, к какому поколению принадлежат экономические субъекты. Каждое поколение отличается от другого набором ценностей, формирующихся под влиянием социально-экономических условий. Формируются эти ценности постепенно, начиная с первых впечатлений до первых жизненных коллизий, которые заставляют призадуматься над смыслом жизни и выработать некие принципы. Эти принципы и становятся в дальнейшем ценностными ориентирами человека. Определяющими при этом являются два фактора: врожденно-генетический и социально-экономический. Именно коллизия этих двух составляющих и формирует индивидуальные воззрения человека. Однако проблема усложняется тем, как работают эти индивидуальные ценности в социуме. Можно ли, сгруппировав их, навязать ценностные ориентиры одного индивида поколению его современников или потомков? Что в целом понимается под термином «поколение»? Существует много разных точек зрения в определении этого понятия. Как нам представляется, под поколением можно понимать совокупность сверстников со схожими ценностями, формирующимися в определенный исторический период под влиянием одних событий и воздействием схожих социальных норм. Таким образом, к дифференциации поколений вместе с демографической, исторической, хронологической и символической применяется еще и аксиологический подход.

Теорию поколений разработали американские ученые Н. Хоув и В. Штраус¹⁵². Они одновременно и независимо друг от друга выявили, что системы ценностей, экономические нормы у людей, выросших в разные эпохи, значительно различаются. Этот феномен связан с тем, что ценностно-аксиологическая составляющая человека формируются как в результате семейного воспитания, так и под влиянием общества, общественных событий, всего контекста, в котором он находится на этапе взросления.

Адаптацию «теории поколений» для России в 2003–2004 гг. выполнили психолог Е. Шамис и психолог А. Антипов¹⁵³. Согласно их разработкам, сейчас в России живут представители следующих поколений (в скобках указаны годы рождений): молчаливое поколение (1923–1943); поколение беби-бумеров (1943–1963); поколение «Икс» (1963–1984); поколение «Игрек» (1984–2000); поколение «Зет» (с 2000 г.).

Сейчас на российской реальности активны следующие три поколения – бэби-бумеры, поколение «Икс» и поколение «Игрек». Сегодняшние пенсионеры – это представители молчаливого поколения. Отметим основные характерные черты каждого из этих поколений и рассмотрим, как общие ценностные установки влияют на потребительское предпочтение, на рационализм или иррационализм в экономическом поведении субъектов.

Молчаливое поколение – это победители. Им сейчас примерно 70–90 лет. Их ценности сформировались до 1953 г. Пройдя сквозь бедность, трудности и лишения, они лучше всех знают цену победе. По мнению авторов теории поколений, предпочитаемое экономическое поведение представителей этого поколения складывается следующим образом: им свойственно копить и откладывать деньги. Экономическое поведение взвешенное, строго продуманное,

---

¹⁵² *How N., Strauss W. Millennials Rising : the Next Great Generation. Vintage Books, N. Y. ork., 2009. – 432 p.*

¹⁵³ *Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Маркетинг Менеджмент. 2007. № 6. URL: http://old.e-xecutive.ru/publications/specialization/newfolder8086/article_5457/ (дата обращения: 24.02.2018 г.).*

стоимость покупок не имеет для них большого значения, но, конечно, зависит от уровня жизни.

Представителям поколения бэби-бумеров сейчас примерно 50–70 лет. Их ценности формировались до 1973 г. Они известны как идеалисты-революционеры, оптимисты, создающие «светлое будущее». События, сформировавшие их ценности, – это хрущевская «оттепель». Основными ценностями этого поколения являются оптимизм, коллективизм и командный дух. Экономическое поведение и потребительские предпочтения складываются очень своеобразно. С одной стороны, бэби-бумеры хотят пробовать всё новое, а с другой – советские товары для них – символ старого, доброго и вечного. Деньги для них – символ статуса. Всё, что способно подтвердить заслуги, входит в список покупок. Именно бэби-бумеры склонны соглашаться на более дорогой товар или дополнительный сервис.

Ценности поколения «Икс» формировались до 1993 г. Событиями, сформировавшими ценности, являются: продолжение «холодной войны», перестройка, война в Афганистане. «Икс» выражает ключевую ценность поколения – «я не такой, как все». У детей этого поколения был очень похожий быт, похожая одежда, игрушки, одинаковая среда. Отсюда и возникло желание отличиться, показать, что они особые, необычные, не похожие на других. Ценностями этого поколения в первую очередь являются индивидуализм, готовность к изменениям, возможность выбора, глобальная информированность, техническая грамотность, стремление учиться в течение всей жизни, широта взглядов, поиск эмоций, прагматизм, надежда на себя. Соответственно, потребительские предпочтения представителей этого поколения постоянно формируются и меняются. На заработанные средства они покупают свободу действий. Им одновременно свойственно составлять списки приобретений и совершать незапланированные, нерациональные покупки, наслаждаясь шопингом в торговых центрах и интернете. Они задумываются и об экономии денег, поэтому с радостью принимают и пользуются скидками. Покупательское

поведение этого поколения может быть выражено во фразе «добавь своей индивидуальности, создай такую вещь, которой не будет больше ни у кого».

Представители поколения «Игрек» поражают предыдущие поколения своей естественностью и непосредственностью. Им примерно 17–35 лет. События, сформировавшие их ценности: распад СССР, теракты и военные конфликты, развитие цифровых технологий. В систему ценностей этого поколения включены такие понятия, как гражданский долг, ответственность, но еще ярко выражены такие черты, как покорность, наивность и умение подчиняться. Магазин для этого поколения – культурный центр, куда приходят, чтобы одновременно и погулять, и выпить чашку кофе, посмотреть кино, послушать музыку, одним словом, развлечься. Поэтому в настоящее время гипермаркеты и торговые центры включают в себя не только магазины, но и рестораны, кафе, кинотеатры, фитнес-центры. Ожидается, что в скором времени магазины – культурные центры станут еще и обучающими центрами.

Ценности поколения «Зет» закладываются сейчас. Для них мир безграничен, нет места прочным связям, преобладает виртуальная жизнь, на первый план выходят нематериальные ценности. Они следят за модой, но в рамках своего окружения и руководствуются предпочтениями своих кумиров в социальных сетях. Это поколение опирается на выбор близких по духу людей, поэтому суммы затрат могут сильно отличаться у разных представителей.

Таким образом, теория поколений помогает проанализировать особенности экономического поведения различных поколений. Ведь именно ценности определяют те необходимые установки, которые являются ключевыми при принятии решения. На основе теории поколений можно строить прогнозы будущего развития общества.

В начале 1970-х гг. американский экономист Р. Истерлин предложил одну из ключевых концепций в экономике о взаимосвязи уровня благосостояния и уровня счастья населения страны. Р. Истерлин изучал взаимосвязь между

экономическим ростом и счастьем, а основные идеи исследования стали называть «парадоксом Истерлина»¹⁵⁴. Мыслитель отрицает то утверждение, что можно достичь высоких результатов, если упорно трудиться. Он вывел такой парадокс, что по мере роста доходов и благосостояния доля счастливых людей снижается. Это объясняется тем, что на выбор модели экономического поведения потребителей влияют различные факторы, которые не ограничиваются воздействием только экономических параметров располагаемого дохода или благосостояния. Данные факторы меняют рациональное поведение субъекта на иррациональное.

Чем «парадокс Истерлина» может представлять интерес для современного российского общества? Перенося основные выводы Р. Истерлина на отечественную экономическую реальность, можно предположить, что внутри страны также возможна взаимосвязь между доходом и субъективной удовлетворенностью жизнью. Люди с высоким доходом в России в среднем более счастливы, чем их соотечественники с низким достатком. Здесь ценится относительный, а не абсолютный доход. Поэтому рост абсолютного (а не относительного) дохода не приводит к увеличению удовлетворенности жизнью в долгосрочной перспективе. Другими словами, люди, преодолевшие уровень доходов, при котором удовлетворены все основные потребности, не ощущают роста удовлетворенности жизнью с ростом дохода. Рост доходов будет влиять на уровень счастья, однако только при условии, что стремления и желания человека не будут расти еще быстрее.

В XXI веке в рамках поведенческой экономики представление об экономическом субъекте приобретает новые черты. Данная проблематика находит глубокое осмысление и новое научное обоснование у таких авторов, как С. Вендель, К. Санстейн, Д. Соман, А. В. Банерджи, Э. Дуфло, А. Алтер и др. Ниже раскроем основные идеи данных авторов.

---

¹⁵⁴ *Easterlin R. A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // Nations and Households in Economic Growth. N. Y., 1974. P. 89–125.*

С. Вендель¹⁵⁵ анализирует новую волну продуктов и выявляет тот новый курс поведения экономического субъекта, который возникает под давлением новых перемен. Мыслитель показывает, как новая реальность меняет не только поведение экономического субъекта, но и его распорядок дня, контроль над финансами и т.д. Он разрабатывает процесс применения поведенческой экономики и психологии к практическим экономическим проблемам.

К. Санстейн¹⁵⁶ отмечает, что есть три типа выбора: общие правила по умолчанию (когда экономический субъект не получает удовольствия от выбора и общее правило по умолчанию удовлетворяет их); активный выбор (когда экономический субъект относительно разборчив и предпочитает сам сделать выбор, активный выбор необходим, чтобы защитить независимость субъекта, а не его благополучие); персонализированные правила по умолчанию (когда активный выбор будет бременем, а не преимуществом, персонализация будет огромным преимуществом в силу этнического разнообразия).

Д. Соман¹⁵⁷ показывает, как использовать выводы из поведенческой экономической науки, чтобы удачно строить поведенческие эксперименты. Для этого нужно учитывать данные о предпочтениях экономического субъекта. Основная идея исследователя заключается в том, что экономические субъекты тратят значительную часть своих усилий на начало процесса создания ценности, а именно на разработку стратегии, разработку новых продуктов или услуг и анализ рынка. Они уделяют гораздо меньше внимания концу: решающей последней миле, когда потребители приходят на свой сайт, в магазин или к торговым

---

¹⁵⁵ *Wendel St. Designing for behavior change: Applying psychology and behavioral economics / St. Wendel. – O'Reilly Media, 2013. – 394 p.*

¹⁵⁶ *Sunstein C. Why Nudge? : The politics of libertarian paternalism / C. Sunstein. – Yale University Press; Reprint edition, 2015. – 208 p.*

¹⁵⁷ *Soman D. The last mile: Creating social and economic value from behavioral insights / D. Soman. – Rotman-UTP Publishing, 2015. – 296 p.*

представителям и делают выбор. Дилип Соман в своей работе показывает, как использовать знания из поведенческой экономической науки, чтобы закрыть этот пробел. Он предоставляет ряд практических инструментов, с помощью которых можно преодолеть общие трудности последней мили.

А. Алтер¹⁵⁸ показывает, как экономические субъекты через рычаги поведенческой зависимости могут менять поведение общества. Люди думают, что Facebook, Instagram, Twitter, You Tube, электронная почта – платформы, которые сделают жизнь лучше. Но, по мнению мыслителя, эти изобретения имеют глубокие недостатки. Технологические компании и маркетологи имеют команды инженеров и исследователей, посвященных тому, чтобы держать всех занятыми. Они знают, как нажать на слабые точки и как «уговаривать» каждого использовать их продукты часами, днями и неделями подряд.

Важно отметить работу «Хорошая экономика для трудных времен»¹⁵⁹ исследователи в области поведенческой экономики А. В. Банерджи и Э. Дуфло. Авторы доказывают, что залогом успешного общества являются те экономические субъекты, поведение которых базируется на сострадании и уважении. Идеи мыслителей являются оригинальными и какой-то степени провокационными. Авторы утверждают, что хорошая экономика трудных времен – убедительный аргумент, чтобы перестать враждовать, выдвигать бессмысленные санкции, переплетать экономические проблемы с политическими. Нужно выстроить такое экономическое поведение, которое базировалось бы на разумность, уступки, сострадание и уважение. Только так можно преодолеть экономический кризис, оценить и понять наш ненадежно сбалансированный мир.

---

¹⁵⁸ *Alter A. Irresistible: The Rise of Addictive Technology and the Business of Keeping Us Hooked / A. Alter. – Penguin Press, 2017. – 368 p.*

¹⁵⁹ *Banerjee V. Abhijit, Duflo E. Good Economics for Hard Times / Abhijit V. Banerjee, E. Duflo. – PublicAffairs, 2019. – 432 p.*

В России поведенческая экономика известное, но мало изученное направление. Проблемами поведенческой экономики занимаются такие отечественные ученые, как А. Суворов, Ю. Латов, И. Павлов, В. Рутгайзер, А. Будицкий, В. Плескачевский и др. Но интерес в этой области набирает обороты, и в настоящее время начинают заниматься вопросами иррационального составляющего субъекта не только экономисты, но и философы, социологи, психологи и т. д.

Резюмируя, заметим, что мир изменяется быстрее, чем процесс познания этого мира. В условиях автоматизации и информатизации современной экономики способность научить размышлять самостоятельно на основе анализа различных учений, теорий и взглядов ученых-теоретиков становится первейшей задачей при изучении поведенческой экономики. «Идеи экономистов и политических деятелей, – писал Д. М. Кейнс, – и когда они правы, и когда они ошибаются, – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они правят миром»¹⁶⁰. Критический философский анализ позволит преодолеть тотальный экономизм повседневного и теоретического понимания действительности и обратиться к иррациональному началу экономических субъектов. Стандартный подход, принятый в экономической теории, предполагает полную рациональность экономических субъектов. Однако реальное поведение субъекта имеет не слишком много общего с тем, как ведет себя «экономический человек» неоклассической теории, обладающий исключительно рациональным мышлением, строго упорядоченным набором предпочтений и наделенный безграничными счетными способностями.

Проблема соотношения рационального и иррационального в поведении экономических субъектов стала важнейшей посылкой нового аналитического направления, за которым закрепилось название поведенческой (бихевиористской) экономики. Для дальнейшего развития поведенческой экономической теории,

---

¹⁶⁰ Кейнс Дж. М. Теория занятости, процента и денег // Кейнс Дж. М. Избр. произв. М., 1993. С. 517.

которая по праву считается одним из наиболее интересных и примечательных событий в развитии экономической науки последних десятилетий, важно учитывать основные идеи трех концепций, рассмотренных в данном параграфе. Прикладные аспекты этих концепций могут найти широкое применение во всех подсистемах экономики и эффективно использоваться для дальнейшего развития поведенческой экономической теории.

3.2. Проблема поведения экономического субъекта в теориях Д. Канемана, А. Тверски, Р. Галера: социально-философский анализ

На современном этапе экономическая теория испытывает воздействие усиливающейся информатизации. Глобальное информационное пространство преобразует экономическую деятельность до неузнаваемости и непосредственно влияет на экономическую сферу общественной жизни. Можно предположить, что информация является необходимым ингредиентом рационального принятия решений и что чем больше у экономического субъекта информации, тем легче выстраивать рациональное поведение. Однако, как верно замечает П. Бренстайн, «...в реальности избыточная информация может стать препятствием и разрушить логику решений, что дает возможность манипулировать поведением субъектов»¹⁶¹. В связи с этими трансформациями в экономической области появляются междисциплинарные направления исследований, одним из которых является поведенческая экономика, которая пытается объяснить мотивы деятельности экономических субъектов. Проблема субъекта в поведенческой экономике сегодня очень актуальна, но, к сожалению, остается мало изученной со стороны отечественных экономистов, психологов и философов.

Известный экономист А. Маршалл в своем труде «Основы экономической науки» писал: «Экономическая наука... изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и

---

¹⁶¹ Бернстайн П. Фундаментальные идеи финансового мира : эволюция. М., 2009. С. 180.

использованием материальных основ благосостояния. Следовательно, это, с одной стороны, исследование богатства, а с другой, что важнее, – часть исследования самого человека»¹⁶². В его работе основное внимание уделяется изучению богатства, а исследование человека находится на втором плане. Что мы знаем о том, как люди принимают экономические решения и делают выбор? Насколько велик разрыв между теоретической моделью экономического человека и реальностью? К каким последствиям он приводит? В данном параграфе работы попробуем дать ответы на эти вопросы, анализируя теории Д. Канемана, А. Тверски и Р. Талера.

Несмотря на то, что изучение поведения экономических субъектов и влияния их действий на состояние экономики в целом очень важно, никто – вплоть до середины 1960-х гг. – не брался за системный поиск решения. Такую попытку предприняли основоположники поведенческой экономической науки Д. Канеман, А. Тверски и Р. Талер. В основу их работы легло изучение иррационального поведения экономических субъектов.

Работы Д. Канемана – психолога, кстати, по образованию – получили большое признание в современной экономической теории. В 1979 г. появилась знаменитая статья «Теория перспектив: анализ принятия решений в условиях риска», написанная Д. Канеманом в соавторстве с профессором психологии А. Тверски. Авторы этой статьи, положившей начало поведенческой экономике, представили результаты огромного количества опытов. Данные опыты показали, что экономический субъект не может рационально оценивать ни величины ожидаемых выгод или потерь, ни их вероятности.

Исследователи доказали, что зачастую поступки людей идут в разрез предсказаниям экономической теории. Идеи, изложенные в этой статье, перевернули представление экономистов о рациональности человеческого поведения. В предложенных концепциях («теория Перспектив» и «Фрейминг-эффекты») Д. Канеман и А. Тверски обнаруживают такие общепризнанные

---

¹⁶² Маршалл А. Основы экономической науки. М., 2008. С. 4.

явления, как несклонность к потерям (loss aversion), точка отсчета (reference point) и ментальный учет (mental accounting)¹⁶³.

Продолжая эту линию, американский экономист Р. Талер, лауреат Нобелевской премии по экономике за 2017 г. «за вклад в исследование поведенческой экономики», соавтор многих работ Д. Канемана, написанных в 1980-е гг., объяснил причины иррационального поведения экономических субъектов на простых примерах. Он исследовал случаи, в которых люди, на первый взгляд, ведут себя иррационально, и пытался найти экономический и психологический эффект, объясняющий их поведение. Р. Талер, выделив особенности поведения экономических субъектов, смог подсказать, каким образом надо сконфигурировать среду для принятия решений, чтобы эти решения были оптимальны для самих субъектов, даже если они изначально не склонны их принять. Это нетривиальное заключение привело к идее «подталкивания» (nudge) к принятию индивидуально и общественно оптимальных решений. Теперь рассмотрим эти концепции более подробно.

Главный объект исследований Д. Канемана и А. Тверски – механизмы принятия человеком решений в ситуации неопределенности. Они доказали, что принимаемые людьми решения существенно отклоняются от того, что предписано стандартной экономической моделью «homo oeconomicus». Критикой модели «человека экономического» занимались и до Д. Канемана (вспомним, например, нобелевских лауреатов Г. Саймона и М. Алле), но именно он и его соавтор А. Тверски впервые начали систематически изучать психологию принятия решений.

Кроме того, изучая иррациональность принятия экономических решений, Д. Канеман и А. Тверски, приходят к выводу, что «на практике сильное влияние оказывают психологические фреймы»¹⁶⁴. «Фрейминг-эффект» или эффект

---

¹⁶³ *Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory : an Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. P. 263–294.*

¹⁶⁴ *Tversky A., Kahneman D. The Framing of decisions and the psychology of choice // Science. New Series. 1981. Jan. 30. Vol. 211, № 4481. P. 453–458.*

обрамления предполагает, что когда человек стоит перед выбором между идентичными проблемами, но одна из них описана в позитивном ключе, а другая в негативном, то решение может иметь противоположный характер. «Фрейминг-эффект» – семантическая манипуляция над объектом выбора с помощью различных описаний. Это убедительное доказательство исключительной значимости мироощущений в познании экономической жизни и той роли, которую играет в этом познании слово. Д. Канеман и А. Тверски показали, что «фрейминг-эффект» не только отражает, но и формирует экономическую реальность. Так, одно и то же утверждение, в зависимости от формулировки и смысловых акцентов, может быть представлено как в негативном, так и в позитивном свете («стакан наполовину пуст или наполовину полон»), в качестве выгоды или потери.

Д. Канеман и А. Тверски используют термин «фрейминг» для описания подобных случаев отсутствия инвариантности. В примере с опасной болезнью первая группа сфокусировала внимание на том, сколько человек выживет, а вторая – на том, сколько человек может умереть. В речи на церемонии вручения Нобелевской премии Д. Канеман определил фрейминг как «пассивное принятие заданной формулировки» и заметил, что «инвариантность недоступна только ограниченному разуму».

Экономисты, учитывая разработки Д. Канемана и А. Тверски, пытались найти способы компенсации нерационального поведения; используя результаты исследований – разработать теории, помогающие людям сдерживать иррациональные порывы и принимать более рациональные решения. Одним из таких решений считается «теория подталкивания».

Данную теорию предложил Р. Талер – американский экономист, соавтор ряда работ по поведенческой экономике с нобелевским лауреатом Д. Канеманом. Доказывая, что человек – не совершенная машина для принятия решений, и поэтому может совершать ошибки, действовать не оптимально и даже себе во вред, – Р. Талер показал, как эту слабость можно поставить на службу человеку и обществу, используя «теорию подталкивания». «Подталкивание, как любой аспект архитектуры выбора, предсказуемо влияющий на поведение людей, не

запрещающий ничего и не вносящий заметных изменений в экономические привычки. От этого вмешательства при желании легко уклониться. Оно ни в коем случае не налагает обязательства»¹⁶⁵. Термин «архитектор выбора» означает кого-то, кто управляет применением «теории подталкивания». Р. Талер и К. Санстейн использовали термин «архитектор выбора» в отношении лидера, менеджера или государства, которые применяют различные методы, стремясь изменить поведение человека или группы. Человеческое поведение, согласно психоаналитическим теориям З. Фрейда и К. Юнга, строится по сложным схемам психологических ассоциаций, обусловленным личными переживаниями. З. Фрейд в своей работе опирался на такие понятия, как «принцип удовольствия» и «принцип смерти»¹⁶⁶, равно как и К. Г. Юнг – на «коллективное бессознательное»¹⁶⁷. «Принцип удовольствия», по З. Фрейду, основывается на концепции «навязчивого повторения»: определенные закономерности человеческого поведения повторяются раз за разом. Другим серьезным новшеством стало понятие «принцип смерти». Ведь принцип удовольствия требует избегания напряжений или их разрядки. Сами напряжения создаются, прежде всего, стремлением всего живого к своему изначальному «предельно простому» состоянию, разложению на «простые» составные части, а фактически – к смерти. З. Фрейд утверждал, что инстинкт смерти был первым инстинктом, который развивался в органической жизни. Он пытался представить биологическое обоснование этого заявления, утверждая, что саморазрушение представляет общий и привычный способ разрешения напряжения, вызываемого внешними раздражителями, начиная с самых первых форм организации живого. Отношение между инстинктами смерти, агрессивными и разрушительными инстинктами привело З. Фрейда к их последующей переоценке и более глубокому анализу садомазохистских влечений. Впервые в психоанализе З. Фрейдом были

---

¹⁶⁵ Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М., 2017. С. 16.

¹⁶⁶ Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции. СПб., 2007. 381 с.

¹⁶⁷ Юнг К. Г. Очерки по аналитической психологии. Минск, 2003. 479 с.

поставлены вопросы навязчивости, влечения к смерти и принципа удовольствия и его статуса в психической жизни субъекта.

В «Психологии бессознательного»¹⁶⁸ З. Фрейд предложил рассматривать психику, помимо «топической» точки зрения (в рамках каких именно систем протекают процессы) и «динамической» (как развиваются эти процессы), еще и с «экономической» (энергетической) позиции. Со временем он старался объединить эти точки зрения в единую систему, в рамках которой энергетически-психические процессы развиваются в соответствии с «принципом удовольствия» и «принципом реальности».

Работу «По ту сторону принципа удовольствия»¹⁶⁹ сам З. Фрейд характеризовал как «третий шаг в теории влечений». Он предположил, что стремление к получению удовольствия никогда не является абсолютным или доминирующим.

Опираясь на концепцию «Коллективного бессознательного» К. Г. Юнга, можно утверждать, что иррациональное поведение экономических субъектов объясняется тем, что у отдельных людей проявляются одинаковые формы поведения, которые формируются под влиянием архетипов. Это некие общие формы мысленных представлений, включающие в себя значительный элемент эмоциональности и даже перцептивные образы.

Позже К. Г. Юнг дополняет свою теорию четырьмя основными психическими функциями: мышление и чувство (рациональные), ощущение и интуиция (иррациональные). Каждая из этих функций есть у каждого экономического субъекта, кроме того, каждая функция бывает ориентирована вовне или вовнутрь и бывает экстравертной или интровертной. Архетипы коллективного бессознательного постоянно и активно воздействуют на сознание и играют решающую роль в его формировании. Поскольку бессознательное по определению не управляется сознанием, то к нему не применимы и рационально-

---

¹⁶⁸ Фрейд З. Психология бессознательного. 2-е изд. СПб., 2002. 390 с.

¹⁶⁹ Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М. : Харьков, 2001. 615 с.

логические методы. Даже вынесенная на поверхность сознания подсознательная информация не достигает такого уровня конкретности и полноты, что могла бы использоваться в рационально-логическом анализе. Поэтому здесь применимы только интуитивные методы принятия решений, имеющие прямую связь с психической субстанцией человека. В действительности неожиданные события играют существенную роль в осознании основных человеческих желаний и поведении экономических субъектов. Р. Талер объясняет эти противоречия через раздвоение человеческого мышления. Он делит человеческое мышление на две системы: автоматическую систему (интуитивный тип мышления) и аналитическую систему (рациональный тип мышления). «Автоматическая система срабатывает быстро»¹⁷⁰. Ей характерны такие черты, как неконтролируемость, ассоциативность, быстрота и бессознательность. «Аналитическая система более рассудительная и осторожная»¹⁷¹. Характерными чертами этой системы являются контролируемость, рациональность, медлительность, сознательность. Далее экономист разъясняет: «Можно сказать, что автоматическая система – это инстинктивная реакция, а аналитическая – сознательное мышление... Механизм автоматической системы отрабатывается многократными повторениями, но это требует времени и усилий. Именно поэтому начинающие водители представляют опасность на дороге. Их автоматическая система еще не натренирована, а аналитическая слишком медленная»¹⁷². Непредсказуемость является одним из важных и распространенных качеств в социальной деятельности. Источником непредсказуемости может являться и окружающая среда, и общество, и какие-то обстоятельства, и сам субъект. Перед экономическим субъектом постоянно возникают непредвиденные проблемы, требующие немедленного решения, мгновенного реагирования. Опираясь на эти два типа мышления, Р. Талер приходит к выводам, что модель «экономического

---

¹⁷⁰ Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора... С. 29.

¹⁷¹ Там же. С. 29.

¹⁷² Там же. С. 30.

человека», всегда поступающего рационально, обладающего только аналитическим мышлением, представляет собой ошибочное утверждение, основанное на идеализации и допущении. Указывая на это заблуждение, Р. Талер отмечает: «Большинство, независимо от того, изучали они экономику или нет, по крайней мере, приблизительно представляют, кто такой “homo economicus”, или человек экономический. Это индивид, который думает и выбирает неизменно правильным образом и, следовательно, соответствует представлениям о человеческом существе из учебников экономики. Полистав их, можно прийти к выводу, что он обладает мыслительными способностями Альберта Эйнштейна, памятью “голубого гиганта” IBM и силой воли Махатмы Ганди... Но ведь люди? которых мы знаем, совсем не такие. В реальности они испытывают сложности...»¹⁷³. Поэтому одна из главных целей «теории подталкивания» Р. Талера – показать, как можно сделать мир проще и безопаснее, как помочь людям полагаться на автоматическую систему мышления без риска попасть в неприятности. Как считает сам автор, «...это облегчит, улучшит и продлит им жизнь»¹⁷⁴.

Традиционно споры о государственной политике определялись противостоянием патерналистского и либерального подходов. Отечественный исследователь поведенческой экономики Р. И. Капелюшников отмечает: «В случае государственного патернализма роль “отца” берет на себя государство, и его “отцовская опека” переносится на взрослых индивидов, даже когда закон признает их дееспособными и ответственными гражданами»¹⁷⁵. Р. Талер и К. Санстейн предлагают новый подход – «либертарианский патернализм». По мнению мыслителей, государство должно «подталкивать» своих граждан к правильному решению, при этом, однако, не лишая их свободы выбора: «...Либертарианский патернализм не левый и не правый, не демократический и не

---

¹⁷³ Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора... С. 16.

¹⁷⁴ Там же. С. 31.

¹⁷⁵ Капелюшников Р. И. Поведенческая экономика и новый патернализм. М., 2013. С. 29.

республиканский. Мы надеемся, что, несмотря на политические разногласия, и тем, и другим понравится идея деликатного подталкивания людей к верному выбору в отдельных вопросах»¹⁷⁶. Суть его в том, что государство, производители, менеджеры должны «подталкивать» граждан к правильному выбору, но при этом, в отличие от традиционного патернализма, не лишать их свободы выбора. Отвечая на критику «подталкивания» граждан государством к приему тех или иных решений, Р. Талер отмечает: «Государство ежедневно устанавливает правила и неминуемо влияет на решения. Вот почему позиция “против подталкивания” бессмысленна и буквально обречена на провал»¹⁷⁷. Самое главное то, что не используются механизмы прямого принуждения, такие как санкции или штрафы за «неправильные» решения. Все решения человек принимает сам, но в условиях, поставленных дизайнером общественного механизма. В целом, поведенческие методы применяются для проведения публичной политики более чем в 150 странах. Нет сомнений, что в обозримом будущем эти методы получат распространение и в России.

Рассмотрев главные идеи «теории подталкивания» Р. Талера, следует отметить ее слабые стороны. Любое государственное регулирование, какими бы методами оно ни осуществлялось, направлено на всё общество, а не только на изменение поведения отдельного человека. В связи с этим использование «теории подталкивания» целесообразно, прежде всего, для распределения первичных социальных благ, т. е. благ, к которым, по определению Дж. Ролза, относятся «вещи, которые каждый рациональный человек хотел бы иметь.... Это, например, здоровье, энергия, интеллект...»¹⁷⁸. Однако, по Р. Талеру, государственные «архитекторы выбора» должны не только предугадать, но и воплотить в жизнь ожидаемые предпочтения конкретных людей, увеличить личное благосостояние каждого. Но в этом случае попытки изменить поведение отдельного человека

---

¹⁷⁶ Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора... С. 23.

¹⁷⁷ Там же. С. 20.

¹⁷⁸ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 67.

могут идти в разрез с его целями и ценностями. Проблема в том, что отдельно взятый человек далеко не всегда считает, что увеличение его благосостояния важнее всего остального. Он может являться сторонником концепции эгалитаризма, и тогда для него будет важнее достижение одинакового уровня благосостояния для всех, а не только собственный. Кроме того, стираются границы между допустимостью/недопустимостью влияния на человеческое поведение. Сразу же встает вопрос: «Кто устанавливает эти границы, и не преследуются ли при этом чьи-то личные или партикулярные цели?» Есть ли гарантии того, что идеи «теории подталкивания» не превратятся в инструмент психологического манипулирования в руках экономических агентов, «архитекторов выбора»? Трудно не согласиться с критиком данного подхода, идей «либертарианского патернализма» М. Уайтом. Он считает, что политики не могут знать, плохой это или хороший выбор. «Только сами люди понимают это, поскольку они знают, какие интересы и мотивации привели их к тому или иному выбору»¹⁷⁹.

Можно отметить и тот факт, что «теория подталкивания» поднимает философские проблемы этического характера. Например, манипулирование волей экономических субъектов, или вынуждение принимать «нужные» решения.

В «теории подталкивания», кроме этического аспекта, не учитывается и антропологический аспект. Ведь основные идеи теории направлены на изменение поведения человека, а не на устранение причин, вызвавших такое поведение. Часто поведение экономического субъекта иррационально с точки зрения экономического измерения, потому что субъект может оказаться под влиянием социальной обстановки.

Таким образом, теория перспективы открыла стереотипы такого поведения экономического субъекта, которые никогда не замечали сторонники рационального принятия решений. Д. Канеман и А. Тверски приписали эти

---

¹⁷⁹White M. D. The manipulation of choice. Ethics and libertarian paternalism. N. Y., 2013. P. 185.

стереотипы двум человеческим слабостям. Во-первых, эмоции часто мешают самоконтролю, который необходим для рационального подхода к принятию решений. Во-вторых, люди часто не способны ясно понять, с чем имеют дело.

Несмотря на то что субъект, кроме «бессознательного» и «архетипов», может быть полностью детерминирован с детства многими причинами, в конкретный момент действия принуждения может не быть, и тогда этот поступок можно определить как свободный. Это и есть мягкая версия детерминизма. Эту идею высказывал и Д. Юм: «...Сам поступок может быть достойным порицания, он может противоречить всем правилам морали и религии, но лицо за него не ответственно...Поступки какого-либо лица могут быть поставлены ему в заслугу или вменены в вину только при условии принципа необходимости, хотя бы общее мнение и склонялось к противоположному взгляду»¹⁸⁰. Таким образом, в теориях Д. Канемана, А. Тверски и Р. Талера поднимаются и такие проблемы, как свобода выбора и воли. Философский аспект здесь заключается в абсолютизации физически проверяемых и зависимых от причинно-следственных связей явлений, что приводит к детерминизму. А это означает, что остается место для свободы воли субъекта. Обоснование морали, как и ее существование, становится проблематичным для экономических исследований. Как отмечает Л. Свендсен, «свобода не требует от нас способности изменять причины и предпосылки к действию, не требует она и идти против законов природы, от нас требуется лишь способность представить себе и обдумать возможные альтернативы и выбрать среди них ту, которую мы воплотим в жизнь»¹⁸¹. Можно утверждать, что цель отличает поведение экономического субъекта от единичного действия, именно она и служит нормативным рациональным основанием, являющимся сильным аргументом в пользу либертарианизма. В. В. Васильев отмечает: «Поскольку даже чувство свободы возникает при условии веры в детерминизм, то, похоже, если в

---

¹⁸⁰ Юм Д. Трактат о человеческой природе : в 3 кн. (История философии в памятниках). Кн. 3: О морали. М., Канон+, 2009. — 443 с.

¹⁸¹ Свендсен Л. Философия свободы. М., 2016. С. 43–44.

лабиринте свободы вообще есть выход, путь к нему проходит не через либертарианство, а через компатибилизм»¹⁸².

Подводя итоги параграфа, хотелось бы отметить, что взгляды Р. Талера на рациональность схожи с позициями Д. Канемана и А. Тверски. Если Д. Канеман решительно отвергает любые попытки представить свою работу как доказательство человеческой иррациональности, то Р. Талер утверждает, что люди вовсе не глупые потребители, но они и не гиперрациональные машины. Исследования Д. Канемана, А. Тверски и Р. Талера в области поведенческой экономической теории, определяют ряд важных аспектов социального характера, отличающихся от предпосылок, лежащих в основе традиционной, классической экономической теории. Рассмотренные концепции доказывают, что для экономического субъекта большее значение имеет «настоящее», чем прошлое или будущее. Этим и объясняются недальновидные решения, которые принимает экономический субъект относительно сбережений и кредитов.

Разработанная Д. Канеманом и А. Тверски концепция «фрейминг-эффекта» изменила понимание экономического поведения и принятия решений. Конечная выгода или потеря стали восприниматься по-другому, в зависимости от условий: при позитивном фрейминге – это избегание риска; при негативном – наоборот. Исследователи показали, что допущение о независимости принимаемого решения от описания поставленной задачи не реалистично и приводит к ошибочным решениям. В реальной жизни в условиях риска решение проблемы зависит от того, как она оформлена и представлена, т. е. от того, как она обрамлена.

Что касается «теории подталкивания» Р. Талера, трудно не согласиться, что основные идеи теории направлены на изменение поведения человека, а не на устранение причин, вызвавших такое поведение. Чрезвычайно важно раскрыть, понять, объяснить скрытые мотивы поведения экономических субъектов. Использование «теории подталкивания» требует определенной осторожности и понимания причин иррационального поведения. Если принять «теорию

---

¹⁸² *Васильев В. В.* Два тупика инкомпатибилизма // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 69.

подталкивания» как некий инструмент и учитывать, что она уже используется во многих странах, следует помнить, что любой инструмент можно использовать не только во благо, но и во вред. Идеи Р. Талера о том, что поступки экономических субъектов во многом иррациональны и при принятии экономического решения он не всегда считывает выгоду, были разработаны еще в психоанализе. З. Фрейд установил то, что психика субъекта состоит как минимум из трех элементов: «эго», «супер-эго» и «подсознание». Если «эго» действительно высчитывает выгоду (думает, покупать или не покупать), то «подсознание» субъекта работает по принципу удовольствия, – это «компьютер», который не может просчитать более чем на пять минут вперед. Соответственно, если давить на эмоции, вызвать желание что-то приобрести, то экономический субъект это легко и быстро делает, логически не анализируя. Потом, обдумав ситуацию, может жалеть, например, задаваясь таким вопросом «зачем мне эта вещь, у меня почти такая же была...» и т. д. И «супер-эго» тоже влияет, определяет совесть, стыд, чувство вины, которые тоже можно использовать в качестве манипулирования субъектом. Когда экономисты столкнулись с такими психологическими проблемами, они поняли, что есть идеи, масса наработок, которые можно использовать для более эффективных экономических воздействий. Человек не рационален. Условный человек, действующий по расчетам экономистов, оказался фикцией, абстрактным, не существующим человеком. Складывается такое понимание, что то, что психологи знали, предполагали и понимали, а философы изучали на протяжении многих веков, экономисты восприняли как открытие. Вот почему так много Нобелевских премий присуждают психологам в сфере экономики. Экономисты, которые занимаются вопросами производства, продажи и т. д., не занимались попытками понять внутреннее составляющее экономических субъектов, мотивы их поведения. Однако поведенческая экономическая теория утвердила стойкое убеждение, что без понимания психологических основ субъекта и без философского анализа экономика в целом не может быть эффективной и выгодной.

3.3. Новые социальные парадигмы в философских исследованиях экономического субъекта

Анализ поведения экономического субъекта сегодня приобретает междисциплинарный характер и проводится с привлечением концептуального аппарата из различных областей социогуманитарного знания. Самые острые дискуссии ведутся вокруг проблем, связанных с глобализацией и информатизацией, которые проникают во все сферы социально-экономической жизни. Как отмечает Дж. Ходжсон, «современные экономические системы характеризуются важнейшей долговременной тенденцией – прогрессом знаний и нарастанием сложностей социально-экономической жизни»¹⁸³. В этих условиях важнейшее значение приобретает информационный аспект экономической глобализации. Информационная глобализация оказывает влияние на все сферы жизни, изменяя мотивацию экономических субъектов.

Внимательный взгляд на феномен новой экономики обнаруживает, что она в значительной мере является неопознанным объектом, а наши знания о поведении нового экономического субъекта явно недостаточны.

Сложность состоит в том, что хозяйство ведется субъектом с целью удовлетворения его материальных и духовных потребностей. Соответственно, сам человек выступает в хозяйстве (экономике) в двух ипостасях: с одной стороны – как организатор и производитель необходимых обществу благ; с другой – как их непосредственный потребитель. Субъект является и целью и средством ведения хозяйства. И, поскольку он наделен волей, сознанием, эмоциями, определить модели поведения экономического субъекта невозможно без «помощи философии». И. Бентам писал: «У философии нет более достойного занятия, чем оказывать поддержку экономике...»¹⁸⁴.

Из предыдущих параграфов, рассмотрев основные теоретические подходы к проблеме экономического поведения в классической экономической теории,

---

¹⁸³ Ходжсон Дж. Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // Вопросы экономики. 2001. № 8. С. 32.

¹⁸⁴ Бентам И. Указ. соч.

можно сделать вывод, что в условиях XXI в. данная область требует дополнительных исследований. Анализ того, какую реакцию вызовет тот или иной экономический стимул, одинаково важен как при принятии государственных решений, так и при запуске маркетинговой акции отдельной взятой компанией. Иными словами, субъекты принимают рациональные решения для достижения наибольшего удовлетворения потребностей и максимизации своей выгоды. Философский анализ позволил выделять шесть принципов понимания экономического субъекта классической экономической теории. К первой относится принцип методологического индивидуализма, означающий, что экономическая деятельность может быть объяснена исходя из поведения отдельно взятого субъекта. Второй важной предпосылкой является принцип максимизации полезности, согласно которому потребительский выбор нацелен на максимизацию выгоды. Третьим принципом выступает целенаправленность: экономическое поведение всегда подчинено конкретной цели и всегда предсказуемо. Четвертый принцип – это осознанность собственных предпочтений, которая состоит в том, что субъект всегда четко осознает собственные потребности. Пятый принцип – совершенная информация. Субъекты информированы обо всех доступных для потребления благах, их потребительских свойствах и ценах, способны мгновенно реагировать на изменения. В совокупности внешние факторы ситуации потребительского выбора характеризуют ее как ситуацию полной определенности. Шестым является принцип экономического эгоизма, устанавливающий для каждого субъекта принципиальный приоритет личных интересов над любыми другими интересами, будь то общественные интересы либо интересы других субъектов. В целом во всех принципах рассматривается рациональность экономического субъекта. Осуществляя выбор путем соотнесения доступных вариантов, субъект удовлетворяет свои потребности, максимизируя пользу и минимизируя затраты.

Если поведенческие предпосылки модели рациональной максимизации для классиков являются неприкосновенными, то представители неклассической (современной) экономической мысли, критикуя данную модель, предлагают

противоположную. Как уже было отмечено, реальное поведение людей имеет не слишком много общего с тем, как ведет себя «экономический субъект» классической теории, обладающий исключительно рациональным мышлением, строго упорядоченным набором предпочтений и наделенный безграничными счетными способностями. Начиная со второй половины XX в. экономическая теория ставит в центр исследований человеческие эмоции, переживания, настроения и страсти, управляющие различными экономическими процессами. Именно в вышеозначенной форме все шесть принципов рационального экономического человека начинают подвергаться существенной критике. Как было указано в предыдущих параграфах, «рациональный гедонист» XX в. трансформируется в «иррационального потребителя» XXI в. Во всех принципах центральной идеей является иррациональность.

Анализируя новые течения современной экономики и происходящие в настоящее время изменения в экономическом поведении субъекта в условиях глобализации, информатизации, цифровой революции, мы предложили новые концепции поведения экономического субъекта. Но прежде чем перейти к ним, хотелось бы отметить, как изменились принципы рационального поведения экономического субъекта у классиков на иррациональное поведение, предложенное неклассиками. Можно выделить шесть принципов, критериев рационального поведения экономического субъекта у классических экономистов и шесть противоположных принципов – у неклассических. Критерии рационального поведения экономического субъекта: 1) принцип методологического индивидуализма; 2) принцип максимизации полезности; 3) принцип целенаправленности и предсказуемости; 4) принцип осознанности собственных предпочтений; 5) принцип обладания совершенной информацией; 6) принцип экономического эгоизма.

Первый принцип, принцип методологического индивидуализма (А. Маршалл, Й. А. Шумпетер), ставился под сомнение благодаря работам Э. Дюркгейма. Данный принцип, обозначенный в дюркгеймовской трактовке понятием «социологизм», социальные явления определяются такими фактами,

которые можно объяснить только социальными же причинами. Общество представляется не как сумма индивидов, руководствующихся эгоистическими мотивами в достижении целей, а как «...ясно определенная онтологическая целостность, отделенная от индивидов»¹⁸⁵. Такой подход во времена Э. Дюркгейма был нов, и экономисты его приняли не сразу. Однако на то, что для экономистов являлось новостью, задолго до Э. Дюркгейма обращали внимание философы и предлагали свои концепции. Например, Г. Зиммель писал: «Общество существует там, где ряд индивидов вступает во взаимодействие. Это взаимодействие всегда возникает на основе определенных мотивов или ради определенных целей»¹⁸⁶. Поэтому, хотя и верно, что лишь отдельные личности являются целенаправленно действующими субъектами, экономическое поведение возникает из взаимозависимости целей и намерений других субъектов.

Представители современной экономической теории критикуют и второй принцип – максимизации полезности. Его ввели в оборот приверженцы австрийской экономической школы К. Менгер, Ф. Визер, Е. Бем-Баверк. Они считают, что, рассуждая о полезности, классики не говорили о ценностях, а только о ценности вещи. Ценность приравнивалась к предельной полезности вещи, устанавливаемой субъектами. Классические экономисты считали, что полезность измеряется в денежных единицах. Концепт ценности им был неведом, но зато концепт полезности они буквально внедрились в саму экономическую науку. К середине XX столетия, благодаря работам Г. Лейбенстайна, было в полной мере осознано, что теория полезности не является ключом к пониманию выбора наилучших среди всех возможных альтернатив. Мыслитель считал, что в концепции переменной рациональности потребительское поведение на рынке обусловлено не стремлением максимизировать полезность, а физиологической и общественной природой человека. Согласно разработанной Г. Лейбенстайном

---

¹⁸⁵ *Durkheim E. Moral Education : a Study in the Theory and Application of the Sociology of Education. N. Y., 1961. P. 58.*

¹⁸⁶ *Simmel G. On Individuality and Social Forms : Selected Writings. University of Chicago Press, 1971. P. 23.*

классификации, социальная часть нефункционального потребительского спроса формируется под влиянием трех психологических эффектов:

1. Эффект присоединения к большинству.
2. Эффект сноба связан с тем, что потребитель сокращает спрос на те товары, которые приобретаются другими людьми.
3. Эффект Веблена имеет место в ситуации, когда в целях демонстративного потребления потребитель расширяет индивидуальный спрос на товар, имеющий более высокую цену.

Хотелось отметить, что ранее эту проблематику рассматривал философ Г. Риккерт. Характеризуя институт ценностей, крайне важно понимать, что «ценности определяют целеполагание»¹⁸⁷, а оно всегда является предвосхищением будущего и не зависит от полезности вещи. Более того, если понятие полезности у каждого субъекта индивидуально, экономическое поведение вряд ли может быть исчерпывающе объяснено через одну, единую для всех функцию полезности. В то же время без исчерпывающего определения функций полезности уровень полезности для разных экономических субъектов не может быть до конца определен, а следовательно, невозможно определить, для кого то или иное благо несет больше полезности, а для кого меньше. Новое осмысление поведения субъекта становится для Г. Риккерта возможным благодаря тому, что он создает особенный вариант теории ценностей. Прежде всего, он настаивает на признании надындивидуальной природы ценностей, тем самым уничтожая возможность их психологического обоснования.

Таким образом, ограниченные аналитические возможности потребителя, неопределенность внешней среды, физиологическая природа человека и психологические эффекты выступают факторами, опровергающими действие принципа максимизации полезности в процессе потребительского поведения.

Третий принцип – целенаправленность – подразумевает, что экономическое поведение всегда подчинено конкретной цели и всегда предсказуемо. Среди

---

¹⁸⁷ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. 410 с.

множества критиков данного принципа следует выделить сторонника концепции ограниченной рациональности Г. Саймона. Он критикует классиков за то, что в их модели потребительский выбор рассматривается статически, т. е. только как результат. Исследователь предлагает акцентировать внимание на выборе как процессе. В связи с этим он критикует неограниченности счетных способностей экономического субъекта и следование конкретным целям. Поэтому на практике допущение о целенаправленности, предполагающее поиск оптимума на всём множестве доступных благ, не выполняется, поведение экономических субъектов не всегда предсказуемо, а имеет место поиск первого удовлетворительного варианта и спонтанности.

Четвертый принцип – принцип осознанности собственных предпочтений – критикуется с постмодернистских позиций. В частности, Ж. Бодрийяр, рассматривая модели экономического субъекта, уделял внимание проблеме потребления. Постоянное потребление ведет к непрерывному росту производства и видимому изобилию. Но рациональность и суверенность потребителя являются мифом. Экономический субъект не обладает естественными, истинными потребностями. Они навязываются обществом, формируются посредством социальной дрессировки. При этом общество и производство формируют в человеке платежеспособный спрос, который стимулирует производство, стимулирует экономический рост. Безграничный характер потребления всегда оставляет «резервную армию потребностей»¹⁸⁸, которые стимулируют экономическую динамику. Общество заставляет субъектов включаться в гонку потребления, и она становится бесконечной.

Пятый принцип – совершенной информации. Субъекты информированы обо всех доступных для потребления благах, их потребительских свойствах и ценах и способны мгновенно реагировать на изменения. В совокупности внешние факторы ситуации потребительского выбора характеризуют ее как ситуацию полной определенности. Эту идею опровергают представители современной

---

¹⁸⁸ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2007. 230 с.

эволюционной экономики. Ее основные принципы были сформулированы в 1982 г. в работе Р. Нельсона и С. Уинтера «Эволюционная теория экономических изменений»¹⁸⁹. Идеи мыслителей оказали большое влияние на современную экономическую мысль. Приверженцы данного направления признают высокий уровень сложности экономических систем и отвергают постулаты рациональности и преследования собственных интересов традиционного классического представления поведения субъектов. В рамках теории эволюционной экономики экономические субъекты обладают несовершенной информацией. Совершенная информация обеспечивается самим рынком за счет функционирования механизма цен, но это допущение приемлемо только в случае абсолютно конкурентного рынка, чего в реальности почти не бывает.

Шестым является принцип экономического эгоизма, устанавливающий для каждого субъекта принципиальный приоритет личных интересов субъекта над любыми другими интересами, будь то общественные интересы, либо интересы других субъектов. Например, под воздействием традиционных ценностей, которые особенно сильны на Востоке, японский служащий не может предать интересов своей фирмы, находясь под воздействием долга благодарности. Или верующий человек, следуя принципам своего вероисповедания, может тратить значительную часть средств на ритуалы.

Принцип экономического альтруизма прослеживается в работах С. Боулза. Он определяет альтруизм как поведение, которое приводит к выгодам другого лица, но несет издержки данному субъекту, и отмечает наличие альтруизма в поведении разных субъектов вне зависимости от экономического состояния страны, культуры, нравственности. Идею альтруизма защищает Т. Нагель поскольку, по его мнению, «у экономических субъектов есть веская причина

---

¹⁸⁹ Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002. 536 с.

приносить пользу другим людям без ожидания того, что это принесет им выгоду, а также без мотивации таким фактором, как симпатия к человеку»¹⁹⁰.

Еще принцип альтруизма поддерживается современными социальными предпринимателями. В современном виде социальное предпринимательство возникло в 1980-е гг. и вступило в фазу бурного развития в 1990-е, вследствие комплекса причин, главными из которых называются рост и активизация некоммерческих организаций, развитие транспорта и инфраструктуры, появление новейших средств связи. Социально ориентированное предпринимательство имеет в первую очередь благотворительный оттенок, и уже во вторую – приносит доход. Если традиционные предприниматели, как правило, оценивают успешность своей деятельности, ориентируясь на прибыль, выручку (объем продаж) или стоимость акций, то для социального предпринимателя главным критерием успешности становится «социальная отдача». Прибыль может приниматься во внимание, но не как самоцель, а как средство для дальнейшего продвижения к достижению социальных или культурных целей.

Таким образом, можно прийти к выводу, что экономическая теория должна изучать реального экономического субъекта, часто действующего иррационально, под влиянием страха, неизвестных потребностей, плохо осознанных устремлений, прихотей, моды и давления со стороны общества. Таким мы видим современного экономического субъекта и таким его должна видеть экономическая наука.

Итак, критерии иррационального поведения экономического субъекта: 1) принцип методологического коллективизма; 2) принцип физиологического желания; 3) принцип спонтанности и удовлетворенности; 4) принцип навязывания предпочтения обществом; 5) принцип несовершенной информации и неопределенности; 6) принцип экономического альтруизма.

В настоящее время отходят в прошлое такие «риторические» понятия, как «рациональность основа экономического поведения» и «спрос рождает предложения». Сегодня наоборот – предложение рождает спрос. Все

---

¹⁹⁰ Nagel T. The Possibility of Altruism. Princeton University Press, 1970. 148 p.

революционные продукты сработали по схеме предложение – спрос. Никто не верил, когда Г. Форд говорил, что все будут ездить на машинах. Вызывали сомнения идеи Ст. Джобса и Б. Гейца, когда они хотели, чтобы у каждого был свой компьютер. «Что обычный человек будет делать с компьютером?» – спрашивали их. Всего через несколько десятков лет мир изменился до неузнаваемости, сегодня трудно и день прожить без этих машин. Конечно, сейчас спрос уже есть, и он идет до предложения, но предложение его запустило изначально. Так что может быть правило «спрос рождает предложение» всё еще справедливо для очень многих товаров, но для инноваций это всегда «предложение – спрос». Постоянно выступая с новыми предложениями, продавцы на рынке изменяют и спрос. Появляется новый продукт – появляется и спрос.

В настоящее время за большие деньги можно продать не продукт, а идею. Формула «деньги – товар – деньги» меняется на «деньги – идея – деньги». Идея – это самый ликвидный товар современности, товар, за который соответствующие люди готовы платить очень большие деньги. Самыми яркими примерами являются внедрение и продвижение идеи «iPhone». Как известно, его производитель Стив Джобс заработал уже многие миллиарды долларов. Идею талантливого выходца с Украины Я. Б. Кума создать мобильный мессенджер WhatsApp (бесплатную систему обмена текстовыми сообщениями для мобильных и иных платформ с поддержкой голосовой и видеосвязи) купила компания Facebook за 19 млрд. долларов. Идея создания «Авито» (Avito) в 2007 г. (интернет-сервиса для размещения объявлений о товарах, вакансиях и резюме на рынке труда, а также услугах от частных лиц и компаний) приносит создателям Йонасу Нордландеру и Филиппу Энгельберту миллиарды долларов. Например, по итогам 2017 г., выручка российского сервиса объявлений «Авито» составила 15,5 млрд. рублей.

Таким образом, в современной экономике на первый план выходят креативное мышление, нестандартные идеи, творческое составляющее экономического субъекта. С началом XXI в. представители неклассической

экономической теории связывают наступление креативной экономики, в которой обработка информации будет переложена на компьютеры, а за человеком останется роль создателя инноваций. Это – так называемая «четвертая волна» общественно-экономического прогресса. Предыдущие «три волны»¹⁹¹ были в свое время описаны А. Тоффлером. Первая из них – это *аграрная* (доиндустриальная аграрная революция), вторая – *индустриальная* (промышленная революция), третья – *постиндустриальная* (информационная революция).

В постиндустриальном обществе, как отмечает Д. Белл, «главным... стало доминирование теоретического знания, превалирование теории над эмпиризмом и кодификация знаний в абстрактные своды символов, которые... могут быть использованы для изучения самых разных сфер опыта»¹⁹². В современной экономической литературе, посвященной практике бизнеса, понятие «постиндустриальная экономика» постепенно выходит из оборота. Сегодня используются более специализированные категории. Так, наибольшую популярность приобрели термины «информационная экономика», «инновационная экономика», «инвестиционная экономика», «сервисная экономика», «сетевая экономика», «цифровая экономика», «экономика впечатлений», «экономика бренда», «альтруистическая экономика», «креативная экономика».

Философский анализ специализированных категорий современной экономической теории позволил выделить новые модели экономического субъекта. Ниже кратко рассмотрим каждую из этих категорий и определим соответствующую модель экономического субъекта. Поскольку информация является основным товаром в «информационной экономике», по словам Д. Белла, новые технологии стали результатом труда уже не «талантливых жестянщиков, а

---

¹⁹¹ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. 256 с.

¹⁹² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество : опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 25.

высоколобых интеллектуалов»¹⁹³. Знания и информация становятся стратегическими ресурсами. В развитых странах происходит сужение материального производства при одновременном стремительном росте «индустрии» знаний. Можно утверждать, что в информационной экономике экономический субъект выступает как «собственник информации».

«Инновационная экономика» (или инновационный менеджмент), будучи нематериальным продуктом, по сути, является инновационной, а вслед за ней появляются инновационные материальные продукты. В инновационной экономике, как утверждает Г. А. Федотова, происходит «...замещение физического капитала на человеческий капитал в качестве основного фактора развития и доли в национальном богатстве»¹⁹⁴. Этот процесс имел и имеет место на всех стадиях развития экономики и общества. Но определяющим он стал на стадии постиндустриальной экономики и, особенно, экономики знаний. Таким образом, в «инновационной экономике» экономический субъект превращается в «реализатора инноваций».

«Инвестиционная экономика», развиваясь в постиндустриальном обществе за счет нового типа инвестиционного бизнеса – венчурного, – заключается в том, что одновременно финансируется множество разработок и перспективных проектов, причем сверхприбыльность небольшого количества удачных проектов покрывает убытки остальных. Ключевым элементом инфраструктуры инвестиционной системы является технопарк, базирующийся на достижениях и опыте мирового венчурного бизнеса, специалистах мирового уровня, прозрачности и конкуренции, инвестициях частных инвесторов с опытом работы в венчурном бизнесе. Частного венчурного инвестора, обеспечивающего финансовую и экспертную поддержку компаний на ранних этапах развития, принято считать «бизнес-ангелом».

---

¹⁹³ Белл Д. Указ. соч. С. 943.

¹⁹⁴ Федотова Г. А., Мясникова С. В. Развитие качеств инновационного предпринимателя : контекстно-компетентностный подход // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 11–29.

«Сервисная экономика» развивается, поскольку результатом труда в постиндустриальном обществе являются в большей части нематериальные продукты, т. е. услуги. В научной литературе встречаются различные дефиниции, отражающие это новое состояние экономики. Так, Д. Белл применяет термин «экономика услуг»¹⁹⁵; Э. Тоффлер – словосочетание «экономика сферы услуг»¹⁹⁶; Ф. Фукуяма – термин «экономика сферы обслуживания»¹⁹⁷. Сервисная деятельность современного типа приобретает индивидуализированный характер, ориентируясь на личные и групповые запросы потребителей. Но одновременно она во многом опосредуется индустриальным производством. Всё это позволяет говорить о производстве сервисного продукта в развитых странах или о наличии в них индустрии сервиса. В настоящее время правомерно сказать «индустрия перевозок», «индустрия туризма», «индустрия развлечений», «индустрия образования». Все указанные направления сервисной деятельности, опираясь на технику и технологии организации труда промышленного типа, способны обслуживать тысячи и миллионы потребителей за короткий период времени. Экономического субъекта в сервисной экономике можно охарактеризовать одним словом – «производитель услуг».

«Сетевая экономика» (или «интернет-экономика», «виртуальная экономика») – это среда, в которой экономические субъекты, находящиеся в любой точке экономической системы, могут с помощью интернет-технологий создавать экономические отношения. Основной сетевой средой, которую использует сетевая экономика в процессе своей деятельности, является глобальная сеть Интернет. Ядром сетевой экономики выступает электронная коммерция. Очень часто, говоря о сетевой экономике, имеют в виду макроэкономический уровень, общеэкономические процессы, тогда как «электронная коммерция» – понятие, тяготеющее к микроэкономической среде,

---

¹⁹⁵ Белл Д. Указ. соч.

¹⁹⁶ Тоффлер Э. Указ. соч. 256 с.

¹⁹⁷ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2004. 474 с.

среде взаимодействия отдельных экономических субъектов. Она основывается на информационных технологиях, при ведении которых взаимодействие сторон осуществляется электронным способом вместо физического обмена или непосредственного физического контакта. Таким образом, сетевая экономика становится началом для электронной коммерции, а электронная коммерция – часть предпринимательской деятельности, использующей возможности информационных и телекоммуникационных технологий с целью получения прибыли. Экономического субъекта в сетевой экономике можно также характеризовать как «электронного коммерсанта».

«Цифровая экономика» различается от других направлений введением виртуальной электронной валюты. Это – электронная криптовалюта, обходящаяся без бумаги и печатного станка и неподконтрольная спецслужбам и правительствам. Криптовалюта (от англ. *cryptocurrency*) – это цифровые монеты (валюты), эмиссия и учет которых основаны на криптографических методах (например, на методе защиты *proof-of-work* и асимметричном шифровании), а функционирование системы происходит децентрализованно в распределенной компьютерной сети. На сегодняшний день пользователям доступно более 900 криптовалют. Такой цифровой вид валюты гораздо более удобен и практичен для обеспечения непрерывного действия виртуальной экономики. Эта новая и необычная часть экономики по-настоящему не имела бы развития, если бы научно-технический прогресс сети Интернет благодаря мощностям вычислительной техники не стал повседневной реальностью. Сейчас в мире цифровых технологий появление децентрализованной цифровой валюты выглядит более чем логичным. Экономические субъекты, пользуясь интернетом, объединяются в сообщества, и в этих сообществах осуществляется товарообмен, который удобнее реализовывать, применяя виртуальные деньги, хранящиеся в интернете. То есть в «цифровой экономике» можно выделить такую новую модель экономического субъекта, как «виртуальный владелец криптовалют».

Появление «экономики впечатлений» подтверждает смену парадигм и говорит о том, что потребитель сильно изменился. Решение о покупке того или

иною товара/услуги в большей степени сейчас может строиться на полученных ощущениях и эмоциях. Понятие «экономика впечатлений» ввели Дж. Б. Пайн и Дж. Х. Гилмор в книге «Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена»¹⁹⁸. Они определяют ее как новый этап социально-экономического развития общества, после сырьевой экономики, экономики товаров и услуг. Можно отметить, что «экономика впечатлений» – это новый, мегасовременный виток по увеличению потребительского спроса, а экономический субъект выступает в ней как «максимизатор впечатлений».

«Экономика бренда» занимает огромный сегмент в современной экономике. Не будет преувеличением сказать, что данное явление стало не просто элементом корпоративной культуры, но и само кардинально трансформировало культуру всего мирового социума. В экономическом контексте бренд становится рыночным активом, существующим практически автономно от своей материальной составляющей (товара или услуги). Например, он может передаваться на правах франшизы. Франшиза – вид отношений между экономическими субъектами, где одна сторона предоставляет другой право (за плату) на определенный вид бизнеса, используя разработанные бизнес-модель и бренд. Узнаваемый сильный бренд, независимо от того, с какими отличиями он ассоциируется – функциональными, рациональными либо эмоциональными, – является в современной экономике мощным фактором конкурентного превосходства. Поэтому многие организации, в том числе некоммерческие, стремятся к созданию сильного, благоприятного и уникального имидж-бренда. В настоящее время социальная миссия экономического субъекта, мы его назовем «бренд-менеджером», закрепляется в бренде, а его реальное поведение в мире становится важным механизмом потребительского выбора.

Поведение экономического субъекта в «альтруистической экономике» выражается в поведении-помощи, подарках, благотворительных пожертвованиях.

---

¹⁹⁸ Пайн Дж. Б., Гилмор Дж. Х. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. М., 2005. 304 с.

Такое поведение направлено на благо других и не рассчитывает на какую-либо внешнюю награду. Сам термин был сконструирован и введен в оборот О. Контом. Альтруизм как принцип, по Конту, гласит: «Живи для других»¹⁹⁹. От альтруистических мотивов зависят предпочтения в области распределения денег или прибыли. Индивидуально-психологические особенности этической мотивации являются важным фактором поведения. Экономическая теория слишком сильно сосредоточена на краткосрочном: краткосрочной прибыли, значимости движения и стоимости акций на рынке, а также демократии, которая, в свою очередь, заиклена на краткосрочной популярности лидеров. Важно осознать, что не существует экономической теории самой по себе. Это глобальная социальная наука, и она будет только выигрывать, если в нее будет интегрировано долгосрочное мышление на практическом уровне. Вызов состоит в том, как совместить рыночную экономику и демократию с долгосрочной перспективой. Для этого понадобятся изменения в ценностях. Попытка измениться и прийти к миру, основанному на иных ценностях – не эгоистических, а альтруистических. Хорошее общество – это общество, в котором больше предпочитают утро понедельника, чем вечер пятницы. Особо значимыми в данном контексте являются идеи Ж. Аттали. Мыслитель отмечает: «Сегодня решается, каким будет мир в 2050 г., и готовится, каким он будет в 2100»²⁰⁰. Ж. Аттали утверждает, что придет пятая волна – гипердемократия. Институты гипердемократии будут помогать бедным, разрешать конфликты, обеспечивать безопасность. Венцом гипердемократии станут общее благо и коллективный разум. Появится «отношенческая экономика», построенная на принципе альтруизма.

В настоящее время активно развивается такая отрасль новой экономики, как социальное предпринимательство. Экономический субъект этой области создает продукт для общества, безвозмездно помогая обществу. Он не наполняется

---

¹⁹⁹ *Конт О.* Общий обзор позитивизма. М., 2012. 296 с.

²⁰⁰ *Аттали Ж.* Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет. СПб., 2014. 288 с.

накопленными денежными средствами, а, разрабатывая, финансируя и реализуя социальные, культурные или экологические проблемы, наполняется ощущениями (собственного достоинства, собственной важности, полезности, цельности), и это важнее для него, чем частная выгода. Экономического субъекта в «альтруистической экономике» можно рассматривать как «социального предпринимателя».

«Креативная экономика» доказывает, что творчество может стать востребованной услугой, обеспечивающей успех любой компании. К креативному предпринимательству относятся все отрасли деятельности и производства, которые подразумевают обязательный творческий подход и поиск новых, нестандартных решений. Ключевая особенность креативной экономики – то, что она основана на знаниях, информации и эмоциях. В рамках креативной экономики создаются новые парадигмы и модели бизнеса. Также важно отметить, что на сегодняшний день именно сектор креативной экономики создает самые высокооплачиваемые рабочие места. Креативность в современном бизнесе, в первую очередь, состоит в том, чтобы, совмещая уже существующие идеи, создавать новые ценности. Таким образом, в рамках креативной экономики формируются новые экономические модели, новые типы социальных отношений, новые культурные парадигмы. Как известно, для того чтобы эффективно привлекать клиентов, продукт, несомненно, должен обладать уникальным торговым предложением, чтобы его заметили и выбрали. Что только ни придумывают производители и их маркетологи (мы их назовем «креативными бизнесменами»), чтобы выделить свой товар среди конкурентов. Ниже приведем несколько примеров.

Слон-мойка. В одном из природных заповедников руководство придумало креативную идею, как привлекать больше туристов. В заповеднике была организована специальная услуга – мойка автомобиля слонами. Слоны поливали автомобиль из хобота и мыли его губкой. Количество туристов в заповеднике быстро возросло, и креативная идея разработчиков принесла существенную прибыль.

Служба комплиментов. Японская телефонная компания «NTV» открыла сервис комплиментов по телефону. В случае недостаточной уверенности в себе нужно всего лишь набрать номер телефона, и приятный голос тут же заверит, что вам предстоит успех во всех начинаниях. Служба комплиментов пользуется огромной популярностью среди молодых японских мужчин.

Антистресс-комната. Предприниматель из Сан-Диего открыл клуб, где можно снять стресс. Клиент в специальной комнате может ломать и разбивать всё, что видит. Цены в клубе не низкие, но желающих «избавиться» от стресса очень много.

Еще одной креативной идеей является передача сообщений родным после смерти. Британец Г. Рейз основал компанию Last Message Club, которая предоставляет необычные услуги – передает сообщения родным клиента после его смерти. Сообщения для родных клиент пишет при жизни, а после смерти эти письма передаются близким умершего. Передать можно видео, фотографии, документы, цветы и т. д. Все сообщения строго конфиденциальны. Услуга дорогая и принесла создателю большое состояние, и, что немаловажно, клиенты этой фирмы оставляют только положительные отзывы.

Подводя итог, необходимо отметить, что историю становления экономического субъекта и трансформацию поведенческой модели в экономической теории можно рассматривать как отражение истории развития самой науки, а этапы ее развития и закрепления в качестве предмета исследования – как ступени кристаллизации господствующей ныне неклассической школы экономической мысли. Таким образом, экономическая теория должна изучать реального экономического субъекта, часто действующего иррационально, под влиянием страха, неизвестных потребностей, плохо осознанных устремлений, прихотей, моды и давления со стороны общества. Без понимания современных трансформаций экономического субъекта, скрытых предпосылок и глубинных мотивов его поведения невозможно понять динамику современного общественного развития. Не лишним будет заметить, что недостаточное

внимание к эволюции экономического субъекта стало одним из инициирующих факторов социальных и политических потрясений XX века.

3.4. Специфика представлений о поведении экономического субъекта в отечественной социально-философской мысли

Россия отличается от многих стран, на наш взгляд, тем, что часто переживала драматические изменения, и, если не выходила победительницей, то, по крайней мере, приспособилась к новым ситуациям в силу противоречий собственной идентичности²⁰¹. Проблемы в Постмодерне начинаются с распада ценностей, культуры, отсутствия духовной энергии, а для развития российского общества исключительно важную роль играют идеи, ценности, культура и религия во всех сферах жизнедеятельности, включая и экономическую. С. Н. Жаров отмечает: «Для того чтобы Россия могла стать точкой интенсивного роста, должен быть изнутри реформирован смысловой мир русской культуры, выработаны новые духовные ориентиры, новое, обновленное понимание человеческого призвания... Мешало и мешает то, что русская духовность не прошла своей (на своих основаниях рожденной) смысловой реформации, а чужой результат закономерно воспринимается как нечто внешнее и чуждое»²⁰². Для полного и адекватного понимания представлений об экономическом субъекте в России, по нашему мнению, анализ нужно начинать от тех изменений, которые происходили ранее. Трудно не согласиться с Е. Н. Ищенко, которая призывает, прежде чем анализировать суть проблемы, сначала обращаться к ее истории, истокам, классикам: «Происходящие на наших глазах... трансформации, которые никак иначе, чем революционными, и не назовешь, вновь и вновь обращают нас к истории»²⁰³. В данном параграфе рассмотрим специфику представлений об

---

²⁰¹ См.: *Авакян-Форер А. Г.* Взаимосвязь этики и экономики в эпоху постмодернизма // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2017. № 1 (23). С. 88.

²⁰² *Жаров С. Н.* Цивилизация и культура в исторических судьбах Запада и России // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1: Гуманитарные науки. 1999. № 1. С. 70.

²⁰³ *Ищенко Е. Н.* Философия в контексте культуры : проблема демаркации границ // Вестник Воронеж. гос. ун-та . Сер.: Философия. 2017. № 1. С. 39.

экономическом субъекте в отечественной социально-философской и экономической мысли.

Неклассическая рациональность в экономической теории потребовала смены категориального аппарата, появились понятия с философским содержанием: «глобальная экономика», «этноэкономика», «экономическое пространство» и т. п. Для концептуализации экономической науки стали актуальны философские идеи русской школы конца XIX – начала XX в., прежде всего, философия хозяйства С. Н. Булгакова²⁰⁴, а также ее наследие в школе философско-экономической мысли Ю. М. Осипова²⁰⁵.

В конце 20-х гг. XX в. сложилась советская школа экономистов-международников. Основные позиции данной школы базировались на господствующей идеологии марксизма-ленинизма. В данный период К. Маркс создает теорию прибавочной стоимости²⁰⁶. Марксизм и его экономическая версия в конце XIX – начале XX в. были самыми актуальными и популярными учениями в России, что отразилось на взглядах Г. В. Плеханова, В. И. Ленина и «легальных марксистов», таких как П. Б. Струве, Н. А. Бердяев и др. В работах Н. А. Бердяева хозяйственная деятельность понималась как богочеловеческий процесс, а сама философия хозяйства переходила от этико-гносеологического содержания к космологическому²⁰⁷.

В 1960–1970-е гг. XX в. ознакомление советских ученых с западными течениями экономической теории происходило под вывеской «экономико-математических методов»²⁰⁸. Здесь можно выделить такого выдающегося ученого В. В. Новожилова. Особого внимания заслуживает и Л. Канторович, которому в

---

²⁰⁴ Булгаков С. Н. Философия хозяйства / Гос. ун-т – ВШЭ, Центр фундаментальной социологии. М., 2008. С. 39.

²⁰⁵ Осипов Ю. М. Время философии хозяйства : в 3 кн. с приложением. М., 2003. 654 с.

²⁰⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии.

²⁰⁷ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. 220 с.

²⁰⁸ Фальцман В. К. Российские научные школы в 60–80-е годы : записки экономиста. М., 1995. 89 с.

1975 г. за «Теорию оптимального использования ресурсов» была присуждена Нобелевская премия²⁰⁹.

В 1970–1980 гг. большая часть советского общества попала под влияние идеологии евроцентризма (европоцентризма). Это утверждение о том, что Запад – единственная цивилизация, прошедшая в своем развитии правильный путь, который неизбежно должны пройти все остальные культуры и цивилизации. Отечественный исследователь С. Г. Кара-Мурза прямо полагает, что российские политические потрясения XX в. обусловлены чрезмерно близким знакомством с Западом: «Все острые кризисы в России последних двухсот лет зарождались и вызревали в той части общества, которая наиболее близко соприкасалась с западными идеями и образом мысли, была к ним наиболее восприимчива. Это естественно, так как именно в западном мироощущении утвердилась идея изменения через революцию, через слом старых структур, через свержения авторитетов. Соединяясь с мессианским, религиозным мироощущением русского человека. Эти уравновешенные на Западе рациональностью идеи приобретали в России взрывчатую силу»²¹⁰.

В начале 1990-х гг. намечаются новые исследовательские направления. «В России... не решены многие коренные проблемы в силу того, что были неудачные попытки консолидации политического класса и посткоммунистической модернизации...»²¹¹.

В 2000-е гг. наиболее фундаментальные версии российской философии экономики, выстроенные на разных научных традициях, принадлежат Л. С. Гребневу, А. Дугину и С. Г. Кара-Мурзе. А. Корольков точно определяет приоритетную проблему современной России, которая заключается в сбережении культурных традиций нации, стоящей на грани забвения своей истории, духовных корней, нравственности, исчезающих под напором «цивилизационных

---

²⁰⁹ Новожилев В. В. У истоков подлинной экономической науки. М., 1995. С. 87.

²¹⁰ Кара-Мурза С. Г. Евроцентризм как эдипов комплекс интеллигенции. М., 2002. С. 13.

²¹¹ Авакян-Форер А. Г. Указ. соч. С. 88.

соблазнов»²¹². По мнению С. Н. Жарова, «цивилизующие смыслы русской культуры всегда были сравнительно равнодушны к индивидуальному экономическому успеху и гражданской самостоятельности индивидов. Душевная проникновенность веры и обостренность нравственного чувства здесь не обретали действенной связи с индивидуальной практической заботой, которая представляла мелкой и даже ничтожной по сравнению с красотой Божьего храма и отрешенной духовностью иконописных ликов»²¹³.

В настоящее время трансформационные процессы, происходящие в современной социально-экономической жизни нашей страны, заставляют вновь и вновь возвращаться к рассмотрению проблемы экономического субъекта – главной производительной силы любой экономики. Л. А. Тутов дает такое определение экономического субъекта: «Человек в экономике есть субъект, вступающий в экономические отношения с другими на основе формальных и неформальных правил, которые, благодаря наличию механизма принуждения, приобретают статус институтов»²¹⁴. В последние годы в России опубликованы интересные исследования экономистов, социологов, философов. В. С. Автономов анализирует основания модели человека в экономической науке²¹⁵. С его точки зрения, в экономической модели представлены детерминанты и способы поведения человека. Он показывает, что «главными компонентами такой модели являются... гипотеза о мотивации или целевой функции экономической деятельности человека, гипотеза о доступной ему информации и определенное представление о физических и, главное, интеллектуальных возможностях человека, позволяющих ему в той или иной мере добиваться своих целей»²¹⁶.

---

²¹² *Корольков А. А.* Духовный смысл русской культуры. СПб., 2006. 739 с.

²¹³ *Жаров С. Н.* Модернизация России как проблема цивилизации и культуры // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2016. № 3. С. 47.

²¹⁴ *Философия и методология экономики / Л. А. Тутов, Е. Г. Гаврина, Н. Б. Шулевский [и др.].* М., 2017. С. 250.

²¹⁵ *Автономов В. С.* Модель человека в экономической науке. СПб., 1998. 229 с.

²¹⁶ *Автономов В. С.* Человек в зеркале экономической теории : (очерк истории западной экономической жизни). М., 1993. 174 с.

В эпоху Постмодерна современное западное общество, ориентированное на потребление как на главную жизненную ценность, неотвратимо движется к собственной «гибели». Ю. М. Осипов, аргументируя это более чем спорное утверждение, пишет, что, всё созданное человеком в эпоху Постмодернизма, оказалось вдруг бессодержательным и бессмысленным: «Постмодерн – закономерный исход Модерна, когда содержание и смыслы, шедшие единственно от Бога Творца и Природы, им сотворенной (таким было идеальное представление человека), вдруг испарились под давлением демиургически действовавшего человека, а всё, созданное человеком, при этом оказалось вдруг бессодержательным и бессмысленным. Человек построил свой собственный, по своему подобию и лекалу, мир, – и этот мир предстал перед изумленным человеком во всей своей странной пустоте, какой-то внешней, калейдоскопически мерцающей оболочкой, за которой нет уже никакой содержательной и смысловой ценности»²¹⁷. Утрата привычных жизненных ориентиров порождает у людей ощущение экзистенциальной пустоты. Затронуты самые сокровенные глубины личности, и потому обращение к этической проблематике сейчас весьма актуально. Каким, по мнению современных отечественных авторов, должно быть общество будущего? В первую очередь, в его основе должно лежать первенство этических ценностей над ценностями материальными, ценностей творчества над ценностями потребления. Относительно нравственности и культуры экономика должна занять подчиненное, но не второстепенное положение. Ведь она является производной от духовного и интеллектуального состояния людей. Сложно не согласиться с А. К. Поповом: «Сейчас нам нужны свои российские адамы смиты, которые смогут, исходя из русской национально-религиозной традиции, подойти к формированию основ экономической теории не только как политэкономы, не только как экономисты или математики, но и как философы»²¹⁸. Необходимо

---

²¹⁷ *Осипов Ю. М.* Глобальное и национальное в экономике // Антология современной философии хозяйства : в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 799–800.

²¹⁸ *Попов А. К.* На путях к православной философии хозяйства // Экономическая теория на пороге XXI века. М., 1998. С. 623.

учесть и то, что в постпромышленной экономике усиливаются роль и значение гуманистической экономики. Как утверждает А. В. Бузгалин, «проблема хозяйствующего субъекта редко ставилась как самостоятельная»²¹⁹. Она прослеживалась в качестве «фона» исследования ряда других проблем.

Экономические трансформации, происходящие в настоящее время в России, породили ряд новых иллюзий в отношении социальных сил и субъектов, которые должны обеспечивать содержание этих процессов: выбирать варианты преобразований, осуществлять поиск и реализацию методов трансформации и нести ответственность за их результаты. Господствующее прежде представление о ведущей роли государства в хозяйственном развитии сменилось другим – о «невидимой руке» рынка. В таком случае из поля зрения вновь исчезает субъект как главное действующее лицо любого исторического процесса. Субъект в современном смысле означает носителя целенаправленной деятельности, в более широком смысле – источник активности, направленной на объект. Человек становится субъектом практической, направленной на преобразование окружающего мира деятельности и экономического развития. С. Н. Булганина пишет: «Можно разграничивать социально-экономических и функциональных субъектов с точки зрения разграничения в деятельности индивидов уровня отношения и уровня структуры. На уровне отношений субъекты выступают в качестве социально-экономических субъектов (индивид, социальная группа, институт). В качестве таковых они являются не только носителями, но и их подлинными создателями. Они иерархизованы. С точки зрения структуры как организованной формы отношений субъекты выступают как функциональные (фирмы, домохозяйства, государство). Они “рядоположены”, между ними нет отношений иерархии, хотя внутри них есть субординация»²²⁰. Таким образом, домохозяйство становится полноценным экономическим субъектом только при

---

²¹⁹ Бузгалин А. В. Экономические субъекты : их отражение в политической экономии и роль в хозяйственной практике // Экономические науки. 1984. № 7. С. 8.

²²⁰ Булганина С. Н. Указ. соч. С. 157.

выполнении двух условий. Во-первых, когда оно выступает в экономике, как самостоятельный участник сделок. Во-вторых, когда внутри него формируются отношения возмездности, полезности, выражающиеся в денежных или вмененных ценах и альтернативных издержках. Важным в этой проблематике является и подход Х. Арендта, которая полагает, что именно сегодня социальная сфера определяет все процессы, происходящие в экономике²²¹. Это означает, что социальная сфера господствует в современном обществе над экономической сферой. Трудно не согласиться с В. Г. Федотовой в следующем: «...Динамика парадигм экономического знания всё больше соответствует переходу от восприятия экономики как системы хозяйства к встраиванию ее в общество и социальный порядок...»²²².

Внимание к философским проблемам экономического субъекта связано с коренными социально-экономическими преобразованиями в нашей стране, затрагивающими интересы всех слоев населения. Кроме того, в современном мире происходят глобальные перемены в области мировой экономики, геополитики и социально-духовной жизни общества, что также должно найти свое отражение в трудах философов. Обрисовывая сегодняшнюю кризисную ситуацию, В. А. Колпаков указывает на недостаточное внимание к новейшим технологиям: «Кризис вызван внешними факторами, но он обнажил и внутренние факторы, часть из которых “рукотворные” – преувеличение роли сырьевой экономики и, прежде всего, нефтегазового сектора, недостаточное внимание к индустриальной модернизации и новейшим технологиям»²²³. Эпоха новейших, информационных технологий установила новые правила и открыла новые проблемы перед экономическим человеком.

---

²²¹ См.: *Arendt H.* The Human Condition. Chicago, 1998. 349 p.

²²² Человек в экономике и других социальных средах : колл. монография / В. Г. Федотова, А. С. Ахиезер, В. В. Денисов [и др.]. М., 2008. С. 8.

²²³ *Колпаков В. А.* Экономика и этические проблемы капиталистических стран // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2015. № 4 (18) С. 12.

В современной России идут трансформационные процессы, имеющие мировоззренческую значимость. За последние десятилетия российское общество проходит ряд фундаментальных трансформаций, переходов от одного экономико-политического состояния к другому. Например, почти завершился переход от социализма к демократической государственности; от командной экономики к рыночной; от тотального идеологического контроля к свободе слова и информационным олигополиям. Эти трансформации носят глобальный характер и касаются не только России. Испанский исследователь М. Кастельс справедливо именуется сложившуюся в последние два десятилетия экономику нового типа информационной и глобальной. «Информационная и глобальная – потому, что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существование конкуренции возможны лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети... В отличие от мировой экономики, глобальная экономика представляет нечто другое. Это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты»²²⁴. Множество точек зрения, разногласий и противоречий создают трудности социально-философского осмысления. Проблема состоит в том, что ни одно государство не может выбирать свой темп и свою последовательность этих процессов перехода. Россия не может сначала закончить свой политический и экономический переход, а затем приступить к переходу в информационный век. Она должна осуществлять их в одно и то же время. Такие коренные трансформации открывают новые социальные, аксиологические, историко-культурные проблемы перед экономическим субъектом. Ведь экономический субъект, как было показано в предыдущих параграфах, далеко не всегда расчетлив и рационален, он часто действует под влиянием иррациональных, подсознательных импульсов и влечений. К числу первоочередных задач современной философии и экономической науки, как нам представляется,

---

²²⁴ Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура. М., 2000. С. 105.

относится развитие поведенческой экономики в России, поиск новых подходов к объяснению экономической жизни общества с учетом самоценности человека как личности, стремящейся к самореализации. В современных условиях дополнительного теоретико-методологического исследования требуют принципиально новые тенденции общественного развития и обусловленные ими особенности социально-экономического поведения, прежде всего, экономических субъектов. Поведение любых экономических субъектов можно образно представить в виде «айсберга», наиболее скрытую часть которого образуют процессы мотивации, а видимую часть – процессы собственно предметных, фактически наблюдаемых действий и их результаты. Без общего и основательного представления о структуре и содержании глубинной части «айсберга» трудно предугадать и направить его поведение в социально-экономических процессах. Мотивам поведения субъекта и субъективному смыслу посвятил много работ А. С. Кравец. В одной из них философ отмечает: «Мотив – это желание действующего, нужда в чем-либо, осознание для себя необходимости добиться каких-то результатов, осмысленная предрасположенность к какому-либо действию. Именно осмысленный мотив получает развитие в дальнейшем конституировании в сознании цели, плана, способов деятельности, выбора средств ее осуществления»²²⁵.

В первом параграфе данной главы мы подробно рассмотрели мотивы поведения экономических субъектов разных поколений, указали основные нормы, ценности, традиции, влияющие на действия субъектов разных возрастных групп. Помимо этого, хотелось бы обратить внимание на то, что в России приоритеты в отношении основных характеристик категорий «счастье», «достаток», «богатство» расставляются несколько по-иному, особенно среди людей разных возрастных групп²²⁶. Мотивы разных поколений существенно отличаются в силу

---

²²⁵ Кравец А. С. Субъективный смысл и его понимание // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2014. № 4. С. 53.

²²⁶ Окрепилов В. В. Экономика качества. СПб., 2011. С. 48–50.

различных ценностных традиций и ориентаций. В целом можно констатировать: чем выше уровень экономической свободы в обществе, тем сильнее конкуренция на рынке и тем шире мотивированный выбор предлагаемых товаров и услуг, что способствует более полному удовлетворению запросов потребителей в соответствии с их ожиданиями. Как указывает Н. И. Захаров, «это мощный мотивационный ресурс поведенческой экономики, эффективность реализации которого зависит от уровня развития социокультурной и экономической структуры и государственного управления в нашей стране»²²⁷. В своих поступках и действиях субъекты часто опираются на жизненные императивы, которые трудно назвать рациональными. А. С. Кравец, продолжая данную идею, добавляет: «Мотив – это смысл, имеющий императивную силу для субъекта действия... Следовательно, каузальность мотива означает возникновение осмысленного желания, т. е. замысла индивида совершить необходимое действие для реализации определенной цели (будущего желаемого результата)»²²⁸. Здесь важно вспомнить идеи А. Шюца, который вводит четкое разделение двух типов мотива: мотив «потому что» и мотив «для того, чтобы»²²⁹. Мотив «потому что» нацеливает на поиск причин того или иного поведения. «Подлинный мотив “потому что”²³⁰ всегда связан с конституированием замысла, он предшествует замыслу и находится вне конкретно планируемой деятельности²³¹», – уточняет А. С. Кравец.

Переход к новому экономическому порядку полон проблем и противоречий, представляющих собой следствие происходящих глубинных перемен. Внутри страны меняются все экономические и социальные отношения, меняется основа и структура экономической системы. Как отмечают отечественные исследователи

---

²²⁷ Захаров Н. И. Поведенческая экономика, или Почему в России хотим как лучше, а получается как всегда. М., 2017. С. 185.

²²⁸ Кравец А. С. Субъективный смысл и его понимание. С. 55.

²²⁹ Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом : пер. с нем. и англ. М., 2004. С. 797.

²³⁰ Кравец А. С. Социальная феноменология в поисках смысла // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2011. № 1. С. 65.

²³¹ Там же. С. 66.

И. В. Манахова²³², А. В. Овруцкий²³³ и др., российское общество до последнего времени принято маркировать как переходное, транзитивное, в целом индустриальное, но с элементами постиндустриального развития в мегаполисах. Важно отметить, что понимание мотивов иррационального поведения отечественных экономических субъектов, которое объясняет поведенческая экономика, не должно сводиться к одномерности. Другими словами, если исследователи поведенческой экономики смогли показать, что в реальности не существует модель «экономического человека» как строго рационально действующего субъекта, это не означает, что экономический субъект может быть только и только иррациональным.

Как известно, вопрос рационального и иррационального является одной из важнейших проблем философии с самого момента ее возникновения. Для начала попробуем дать самое общее определение рационального и иррационального. Рациональное поведение – это логически обоснованное, теоретически осознанное, систематизированное поведение. Это действие, в основании которого лежит некий закон, формообразование, правило, порядок, целесообразность. Как философская теория иррационализм в истории философии, по словам Н. С. Мудрагей, «...имеет значение благодаря своей острой и меткой критике рационализма, гиперболизировавшего и онтологизировавшего разум. Однако резкая критика рационалистических концепций разума, проводимая иррационалистическими учениями, не означает, что сам иррационализм во всех своих вариантах есть жесточайший враг разума»²³⁴. При этом в экономическом измерении разведение рационального и иррационального по разным углам крайне не правильно. Опять обратимся к мыслям Н. С. Мудрагей: «Как нет единого без многого, бытия без небытия, левого без правого, дня без ночи, мужского без

---

²³² Манахова И. В. Поведенческая экономика. Саратов, 2017. 120 с.

²³³ Овруцкий А. В. Социальная философия потребления : методологические и теоретические аспекты. Ростов н/Д., 2010. 216 с.

²³⁴ Мудрагей Н. С. Рациональное и иррациональное : историко-теоретический очерк. М., 1985. С. 149.

женского, так нет в философии рационального без иррационального...»²³⁵. Философ считает, что иррациональное имеет два смысла. В первом смысле оно признается в своем абсолютном значении – иррациональное-само-по-себе – то, что в принципе не познаваемо никем и никогда. Для Шопенгауэра таким иррациональным является вещь сама по себе – воля. Во втором смысле иррациональное таково, что вполне может быть рационализировано. Зачастую это иррациональное называют нерациональным, но это не очень верно. Правильнее подобное иррациональное обозначить как «еще-не-рациональное» или «недорациональное». Взаимозависимость рационального и иррационального как еще-нерационального достаточно ясна. Субъект стоит перед выбором, суть которого поначалу скрыта от него. Используя имеющиеся в его арсенале средства познания, он овладевает непознанным, превращая в познанное. Еще-не-рациональное становится рациональным, логически обоснованным действием. О рациональном поведении А. Шопенгауэр писал: «Поступать разумно и поступать добродетельно – две вполне различные вещи. Разум так же соединим с великой злобой, как и с великой добротой, готов к услугам для выполнения как благородного, так и низкого замыслов»²³⁶. Наличием иррационального в поведении экономических субъектов сегодня занимается целая область экономической теории – поведенческая экономика. Н. С. Мудрагей считала: «Отрицание иррационального привело бы к самым абсурдным последствиям... Тем более что перекося в сторону рационалистического понимания мира не дал человечеству ни счастья, ни покоя»²³⁷.

Таким образом, рациональное и иррациональное в поведении отечественных экономических субъектов не только не исключают друг друга, но и необходимейшим образом дополняют друг друга. Понимание данного фактора очень важно для философского исследования основ поведенческой экономики.

---

²³⁵ Мудрагей Н. С. Указ. соч. С. 53–65.

²³⁶ Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992. С. 158–159.

²³⁷ Мудрагей Н. С. Указ. соч. С. 59.

Преобладание в экономической мысли вплоть до XX в. рационального есть лишь факт истории, момент развития несовершенного человеческого мышления. Непонимание и недооценка роли иррационального в поведении экономических субъектов в обществе сыграли роковую роль, ибо во многом экономический кризис можно было бы, если не предотвратить, то, по крайней мере, смягчить.

Подводя итоги параграфа, можно отметить, что позиция о возможности научного исследования только внешнего поведения экономических субъектов устарела. Рассматривая модели экономического субъекта, мы предприняли попытку максимально сблизить философию и экономическую теорию. Без философского анализа трудно выявить иррациональность поведения субъектов. Без понимания философских проблем иррационального/рационального экономическая теория не может гармонично развиваться. Без познания внутреннего социального смысла, мотивов, скрытых желаний, инстинктов, бессознательного, которые формируют иррациональное поведение экономических субъектов, сложно выстроить плодотворные экономические отношения. Поведенческая экономика – новая, развивающаяся и, как нам кажется, перспективная наука. Мы больше чем уверены, что российские исследователи, которые займутся этой темой, смогут внести свой вклад. Главная философская задача – поднимать в этой области вопросы, которые на первый взгляд кажутся маловажными. Как отмечает Л. А. Тутов, «в современной модели человека с отказом от полной рациональности и осведомленности происходит смещение в сторону принятия решения о том или ином экономическом действии»²³⁸. По сути, счастье и благополучие человека отражаются в философской категории «хорошая жизнь», которая была введена еще Аристотелем. В отличие от нее понятие «качество жизни», включающее развитие общества и степень его зрелости, требует наличия комплексной системы для измерения. Следовательно, для

---

²³⁸ Тутов Л. А., Лозина О. И. Оппортунистическое поведение человека в современной экономике : междисциплинарный подход // Государственное управление : электрон. вестник. 2019. № 74. С. 262.

обеспечения жизнеспособности того или иного политико-экономического строя любой страны, в том числе России, основная стратегическая концепция развития должна быть сориентирована на предпочтения, потребности и выбор общества. Без осознания этой стратегической концепции и ее связи с обеспечением свободы выбора для людей невозможно существенно улучшать качество жизни. Это и есть основа формирования капитала справедливости как базовой части поведенческой экономики будущего.

Выводы по третьей главе.

Под влиянием информатизации и глобализации меняются образ экономического субъекта, его поведение, мотивы, стимулы. Социально-философский анализ позволил выявить, что феномен современной, новой – цифровой, инновационной, креативной, глобальной – экономики остается не до конца опознанным объектом. Сегодня не существует всестороннего, целостного учения о поведении экономических субъектов. Создание подобной экономической теории предполагает коренное обновление и расширение горизонтов экономической науки и ее интегрирование с фундаментальными науками о человеке и обществе, с философией.

Общие трудности глобального характера, участившиеся социально-экономические, социально-политические и военно-политические кризисы конца XX – начала XXI в. активизировали появление нового витка фундаментальных идей перспективного развития сложных общественных систем. Он создает необходимые теоретические и методологические предпосылки для осмысления и реального перехода к новому этапу развития мировой цивилизации, в том числе, российской. В основе многих из этих предпосылок лежат достижения современных естественных и гуманитарных наук, в том числе футурологии как науки о предсказаниях будущих тенденций развития общества. «Мы генетически подвержены расточительству, ибо в сознании и в поведении практикующих российских субъектов рождается и закрепляется миф о неисчерпаемости

подаренных Природой России ресурсов и формируется соответствующий тип поведения»²³⁹. С позиций поведенческой экономики такая тенденция сильно затрудняет изменение мышления и поведения в сторону выбора альтернативных стратегических моделей социально-экономического развития.

Современный этап развития представлений об экономическом субъекте характеризуется трансформацией всего экономического процесса, формированием новой парадигмы социально-экономического развития. Поведенческая экономическая теория описывает новую природу экономических субъектов и их поведение. Какое здесь будет соотношение этических норм с экономической выгодой – это тема последующих исследований. Однако, по нашему мнению, любая подсистема общества (в том числе и экономическая) должна строиться на основе этических ценностей. Другие способы организации ведут к разрушению как экономического субъекта (приводя к одномерному человеку Т. Маркузе²⁴⁰), так и общества в целом.

---

²³⁹ Захаров Н. И. Указ. соч. С. 193.

²⁴⁰ Маркузе Т. Одномерный человек. – М., 2003. – 528 с.

Заключение

В диссертационном исследовании нам удалось показать, что недостаточное внимание к трансформациям в поведении экономического субъекта привело к серьезным социальным и политическим потрясениям XX в. Без понимания глубинного, внутреннего содержания общественного поведения экономического субъекта, мотивов, причин и объективных предпосылок изменений его роли невозможно понять динамику современного общественного развития. Негативная практика рассматривать социо-культурные ценности независимо от экономической деятельности привела к «раздвоению сознания». Декларируя традиционные ценности, экономический субъект, в предметно-практической деятельности ориентируется на личный успех, преклоняется перед рыночной экономикой, при этом, не отвергая духовной культуры. В результате сегодня имеем череду системных кризисов, поразивших различные сферы общественного организма.

Проведенный философский анализ экономического поведения субъекта выявил объективную связь социальных факторов, определяющих его предметно-практическую деятельность, с историей социально-философской мысли. В работе рассмотрены основные модели экономического субъекта:

1) в эпоху Античности и Средневековья философы, обращаясь к экономическим проблемам, стремились рассматривать их во взаимосвязи с обществом как единым целым и непременно под нормативным углом зрения – ради установления правил поведения людей на основе социальных норм своего времени. Социо-культурные факторы определяли экономическое поведение индивидов и социальных групп. Признавался приоритет нравственно-религиозного вектора над экономикой;

2) эпоха Возрождения и Реформации формируют новые модели экономического субъекта, демонстрирующие взаимовлияние нравственных идеалов и экономических интересов;

3) начиная с Нового времени на первый план выходят прагматические и финансовые составляющие экономического поведения субъекта;

4) в XIX в. бурно развивающаяся наука попадает в зависимость от экономического производства. Экономический прогресс в поведении субъекта начинает довлеть над социально-гуманистическими нормами;

5) в эпоху постмодерна кризис существует и в сфере экономики, и в области ценностного измерения. Экономический субъект принимает мир со всеми его неопределенностями и социальными противоречиями.

В процессе социально-философского поиска выявлено, как трансформируется поведение «экономического субъекта» от «рационального гедониста» XX в. к «иррациональному потребителю» XXI в. В исследовании доказано, что для классических экономистов поведение субъекта всегда является рациональным с самой очевидной точки зрения – максимизации доходов и минимизации расходов.

В начале XXI в. как ответ на общепринятую модель «рационального эгоиста» экономистов-классиков появляется современная поведенческая экономика. Новая отрасль экономической теории учитывает иррациональные аспекты в экономическом поведении. Современная поведенческая экономическая теория – это наука «с человеческим ликом». Она ставит своей задачей улучшить предсказательные возможности экономической теории путем переосмысления ее предпосылок, с тем, чтобы исследовать социально обусловленные и ценностные особенности человеческого восприятия, суждения и поведения. Этот подход, в частности, потребовал отказа от классической трактовки рациональности как максимизации доходов. Самыми активными деятелями в этой области можно назвать А. Тверски, Д. Канемана и Р. Талера. Работы этих авторов заставили экономистов не только учитывать идеи представителей других, «гуманитарных» наук, но и активно использовать их достижения в своих исследованиях.

Таким образом, в последние десятилетия изменились и представление об экономическом субъекте, и специфика экономического поведения, и статус самой экономической теории. Поведенческая экономическая теория – яркое тому подтверждение. Она изучает иррациональное поведение экономических субъектов в условиях неопределенности. Иррациональное поведение обладает

свойством произвольной когерентности, что является следствием неправильно сделанного выбора, психологической самозащитой против признания собственной ошибки. «Методологической основой поведенческой экономики являются методы экспериментального исследования, благодаря которым удается более четко контролировать и отслеживать исследуемые переменные в поведении индивида, а при необходимости – и отделять ортодоксальное объяснение от альтернативных поведенческих концепций»²⁴¹. Это означает, что на анализируемый социальный процесс влияют одновременно несколько факторов. С точки зрения поведенческой экономики субъект, выступая потребителем или участником обмена, нередко сам не знает, чего хочет, и поэтому его необходимо направлять и «подталкивать». В настоящее время философия и экономика имеют фундаментальные области пересечения в предметном поле «поведение».

В социально-философском анализе двух парадигм было установлено, что классическая экономическая теория в качестве основного действующего субъекта рассматривает «человека экономического» как некое человекоподобное автомата, способного принимать идеально рациональные решения и опирающегося на максимизацию собственной выгоды. Философский анализ современных социальных и экономических теорий показывает, что реальное поведение экономических субъектов базируется на широком спектре деятельностных ориентаций, включающих, помимо эгоистических предпосылок, нравственные регулятивы.

В современной экономической литературе понятие «постиндустриальная экономика» выходит из оборота. Сегодня она включает в себя более специализированные категории. Наибольшую популярность приобрели термины: «информационная экономика», «инновационная экономика», «экономика впечатлений», «экономика бренда», «альтруистическая экономика», «креативная экономика». Социально-философский анализ специализированных категорий

---

²⁴¹ *Coursey D. L., Smith V. L. Experimental Tests of an Allocation Mechanism for Public, Private or Externality Goods // Scandinavian Journal of Economics. 1984. № 86. P. 468–484.*

современной экономической теории позволил выделить базовые модели экономического субъекта:

- «собственник информации» в информационной экономике;
- «реализатор инноваций» в инновационной экономике;
- «бизнес-ангел» в инвестиционной экономике;
- «производитель услуг» в сервисной экономике;
- «электронный коммерсант» в сетевой экономике;
- «виртуальный владелец криптовалют» в цифровой экономике;
- «максимизатор впечатлений» в экономике впечатлений;
- «бренд-менеджер» в экономике бренда;
- «социальный предприниматель» в альтруистической экономике;
- «креативный бизнесмен» в креативной экономике.

Такое объединение в модели встречающихся в истории социально-философской и экономической мысли позволяет выявить эволюцию экономического субъекта, причины, мотивы и специфическую черту его поведения, а также как менялись смысловые оттенки социально-культурных и экономических категорий под влиянием различных факторов.

Что касается российской реальности, то, на наш взгляд, в поведенческой экономике необходимо инспирировать процессы гуманизации. Только в таком случае общественно-экономический прогресс будет пониматься, прежде всего, как процесс создания и накопления социального капитала. Полагаем, что такое направление откроет одну из немногих перспектив выхода из экономического кризиса. По нашему мнению, любая подсистема общества, в том числе и экономическая, должна учитывать иррациональные и психологические аспекты экономического субъекта и строиться на основе нравственных ценностей. Другие способы организации ведут к разрушению, как субъекта, так и общества в целом. Социально-гуманистическое измерение экономической теории, ценностные ориентиры в поведении экономического субъекта были и остаются важнейшими элементами различных человеческих культур. Современную социальную реальность невозможно исследовать только с помощью инструментов экономики,

здесь требуется обращение к социальной философии. Конечно, единственно верного правила поведения быть не может, поэтому следует всесторонне взвешивать принимаемые решения и оценивать последствия. В этом контексте необходимо сотрудничество философов и экономистов, ведущее к выявлению и концептуализации внутренних связей между философией и экономической теорией. Экономическая теория остро нуждается в социально-философской рефлексии и философском исследовании экономического субъекта, независимо от того, в какой мере эта потребность осознана современным общественным сознанием.

Список использованной литературы

1. *Авакян-Форер А. Г.* Взаимосвязь этики и экономики в эпоху постмодернизма / А. Г. Авакян-Форер // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2017. – № 1 (23). – С. 84–89.
2. *Автономов В. С.* Модель человека в экономической науке / В. С. Автономов. – СПб. : Экон. шк., 1998. – 229 с.
3. *Автономов В. С.* Человек в зеркале экономической теории : (очерк истории западной экономической жизни) / В. С. Автономов. – М. : Наука, 1993. – 174 с.
4. *Агамбен Дж.* Царство и Слава : к теологической генеалогии экономики и управления / Дж. Агамбен. – М. : СПб. : Изд-во Ин-та Е. Т. Гайдара, ф-т свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. – 552 с.
5. *Агапова И. И.* Экономика и этика : аспекты взаимодействия / И. И. Агапова. – М. : Юристъ, 2002. – 190 с.
6. *Аквинский Ф.* Сумма теологии / Ф. Аквинский. – М. : Савин С. А., 2006. – Ч. 1: Вопросы 1–64. – 814 с.
7. *Ариели Д.* Предсказуемая иррациональность. Скрытые силы, определяющие наши решения / Д. Ариели. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 304 с.
8. *Аристотель.* Никомахова этика / Аристотель. – М. : Эксмо–Пресс, 1997. – Кн. 1. – 315 с.
9. *Аристотель.* Политика / Аристотель. – М. : АСТ, 2010. – 393 с.
10. *Аристотель.* Этика / Аристотель. – М. : Астрель, 2012. – 492 с.
11. *Аттали Ж.* Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет / Ж. Аттали. – СПб. : Питер, 2014. – 288 с.
12. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества = Globalization. The Human Consequences / З. Бауман. – М. : Весь мир, 2004. – 185 с.
13. *Беккер Г. С.* Человеческое поведение. Экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г. С. Беккер ; пер. с англ. Е. В. Батракова [и др.]. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 670 с.

14. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество : опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 2004. – 944 с.
15. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М. : РОССПЭН, 1998. – 415 с.
16. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 220 с.
17. *Бердяев Н. А.* Царство Духа и царство Кесаря / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1995. – 382 с.
18. *Бернштейн П.* Фундаментальные идеи финансового мира : эволюция / П. Бернштейн. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. – 256 с.
19. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 96 с.
20. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – М. : Академ. проспект, 2007. – 230 с.
21. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М. : Культурная революция ; Республика, 2006. – 269 с.
22. *Бузгалин А. В.* Экономические субъекты : их отражение в политической экономии и роль в хозяйственной практике // Экономические науки. 1984. № 7. С. 3-9.
23. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства / С. Н. Булгаков ; Гос. ун-т – ВШЭ, Центр фундаментальной социологии. – М. : ТЕРРА, 2008. – 352 с.
24. *Булганина С. Н.* Природа и структура экономических субъектов / С. Н. Булганина. – Оренбург : ГОУ ВПО ОГУ, 2003. – 340 с.
25. *Бэкон Ф.* Соч. : в 2 т. / Ф. Бэкон. – 2-е изд. – М. : Мысль, 1977. – Т. 1. – 567 с.
26. *Васильев В. В.* Два тупика инкомпатибилизма / В. В. Васильев // Вопросы философии. – 2016. – № 2. – С. 64–76.
27. *Вебер М.* Избранное : протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М. : РОССПЭН, 2006. – 648 с.

28. *Вебер М.* Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с.
29. *Вебер М.* Протестантизм и капитализм / М. Вебер // Религия и общество : хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – М. : Наука, 1994. – 775 с.
30. *Веряскина В. П.* Трансформация человека в обществе модерна / В. П. Веряскина ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 223 с.
31. *Виндельбанд В.* История философии / В. Виндельбанд. – СПб. : Издатель, 1898. – 613 с.
32. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 480 с.
33. *Гете И. В.* Фауст. Страдания юного Вертера. Стихотворения / И. В. Гете. – М. : АСТ, 2008. – 748 с.
34. *Гуревич П. С.* Философия человека : в 2 ч. / П. С. Гуревич. – М. : ИФРАН, 2001. – Ч. 2. – 748 с.
35. *Дебор Г.* Общество спектакля / Г. Дебор. – М. : Логос, 1999. – 224 с.
36. *Декарт Р.* Начала философии / Р. Декарт // Декарт Р. Избранные произведения. – М. : Госполитиздат, 1950. – 710 с.
37. *Декарт Р.* Рассуждение о методе : [с приложениями : Диоптрика, метеоры, геометрия]. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 273 с.
38. *Делёз Ж.* Анти–Эдип : капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 670 с.
39. *Делёз Ж.* Платон и симулякр / Ж. Делёз // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. – Томск : Водолей, 1998. – С. 225–240.
40. *Дитон А.* Великий побег : здоровье, богатство и истоки неравенства / А. Дитон. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара ; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 368 с.
41. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990. – Т. 26: Дневник писателя. – 517 с.

42. *Жаров С. Н.* Модернизация России как проблема цивилизации и культуры / С. Н. Жаров // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2016. – № 3. – С. 42–49.

43. *Жаров С. Н.* Цивилизация и культура в исторических судьбах Запада и России / С. Н. Жаров // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1, Гуманитарные науки. – 1999. – № 1. – С. 52–74.

44. *Захаров Н. И.* Поведенческая экономика, или Почему в России хотим как лучше, а получается как всегда / Н. И. Захаров. – М. : ИНФРА-М, 2017. – 213 с.

45. *Златоуст И.* Полн. собр. творений : в 12 т. / И. Златоуст. – М. : Правосл. кн., 1991. – Т. 1, кн. 1. – 899 с.

46. *Знаков В. В.* Субъект, личность и психология человеческого бытия / В. В. Знаков, З. И. Рябикина. – М. : Ин-т психологии РАН, 2005 – 384 с.

47. *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт. – М. : Наука, 2004. – 624 с.

48. *Ивашковский С. Н.* Экономика и этика : история непростых взаимоотношений / С. Н. Ивашковский // Экономическая политика. – 2011. – № 3. – С. 114–141.

49. *Ищенко Е. Н.* Теория познания : история и современность : учеб. пособие для вузов / Е. Н. Ищенко. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. – 136 с.

50. *Ищенко Е. Н.* Философия в контексте культуры : проблема демаркации границ / Е. Н. Ищенко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2017. – № 1. – С. 39–49.

51. *Кальвин Ж.* Наставления в христианской вере : в 4 т. / Ж. Кальвин. – М. : Аслан, 1997. – Т. 2, кн. 2. – 582 с.

52. *Кальвин Ж.* Наставления в христианской вере : в 2 т. / Ж. Кальвин. – М. : РГГУ, 1998. – Т. 2, кн. 3. – 479 с.

53. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман. – М. : АСТ, 2014. – 336 с.

54. *Канеман Д.* Карты ограниченной рациональности : психология для поведенческой экономики / Д. Канеман // Психологический журнал. – 2006. – том 27, № 2. – С. 5-28.

55. *Канеман Д.* Принятие решений в неопределенности : правила и предубеждения / Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. – Харьков : Гуманит. центр, 2005. – 629 с.

56. *Канке В. А.* Этика ответственности. Теория морали будущего / В. А. Канке. – М. : Логос, 2003. – 351 с.

57. *Капелюшников Р. И.* Поведенческая экономика и новый патернализм / Р. И. Капелюшников. – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2013. – 76 с.

58. *Кара-Мурза С. Г.* Евроцентризм как эдипов комплекс интеллигенции / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2002. – 256 с.

59. *Карсавин Л. П.* Монашество в Средние века / Л. П. Карсавин. – М. : Высш. шк., 1992. – 543 с.

60. *Кастельс М.* Информационная эпоха : экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

61. *Кейнс Дж. М.* Теория занятости, процента и денег : избр. произв. / Дж. М. Кейнс. – М. : Экономика, 1993. – 543 с.

62. *Козловски П.* Общество и государство. Неизбежный дуализм / П. Козловски. – М. : Республика, 1998. – 367 с.

63. *Колпаков В. А.* Экономика и этические проблемы капиталистических стран / В. А. Колпаков // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2015. – № 4 (18). – С. 3–15.

64. *Конт О.* Общий обзор позитивизма / О. Конт. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 296 с.

65. *Корацциари Г.* Этика и экономика : вопрос открыт / Г. Корацциари // Вопросы экономики. – 1993. – № 8. – С. 17–27.

66. *Корольков А. А.* Духовный смысл русской культуры / А. А. Корольков. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – 739 с.

67. *Корсунцев И. Г.* Прикладная философия : субъект и технологии / И. Г. Корсунцев. – М. : Рос. филос. общество, ИПК госслужбы, 2001. – 272 с.
68. *Кравец А. С.* Понимающая социология М. Вебера / А. С. Кравец // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2010. – № 2. – С. 31–56.
69. *Кравец А. С.* Социальная феноменология в поисках смысла / А. С. Кравец // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2011. – № 1. – С. 52–73.
70. *Кравец А. С.* Субъективный смысл и его понимание / А. С. Кравец // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2014. – № 4. – С. 37–82.
71. *Кравец А. С.* Трудный путь к истине : Л. С. Выготский против Ж. Пиаже в трактовке онтогенеза детской речи / А. С. Кравец // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2015. – № 4 (18). – С. 16–58.
72. *Ксенофонт.* Сократические сочинения. Домострой / Ксенофонт. – СПб. : Комплект, 1993. – 415 с.
73. *Кун Т.* Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1997. – 300 с.
74. *Левитт С. Д.* Суперфрикономика / С. Д. Левитт, С. Дж. Дабнер. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 288 с.
75. *Левитт С. Д.* Фрикономика. Мнение экономиста-диссидента о неожиданных связях между событиями и явлениями / С. Д. Левитт, С. Дж. Дабнер. – М. : Альпина Паблишер, 2017. – 236 с.
76. *Лейбенштейн Х.* Аллокативная эффективность в сравнении с «Х-эффективностью» / Х. Лейбенштейн // Теория фирмы. – СПб. : Экон. шк., 1999. – С. 432–447.
77. *Лосев А. Ф.* Двенадцать тезисов об античной культуре / А. Ф. Лосев // Лосев А. Ф. Дерзание духа. – М. : Политиздат, 1998. – 366 с.
78. *Любутин К. Н.* Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистской-ленинской философии / К. Н. Любутин. – М. : Высш. шк., 1981. – 364 с.

79. *Лютер М.* Книга согласия. Вероисповедание и учение Лютерской Церкви / М. Лютер. – СПб. : Фонд «Лютеранское Наследие», 1996. – 325 с.
80. *Лютер М.* 95 тезисов / М. Лютер. – СПб. : Роза мира, 2002. – 673 с.
81. *Лютер М.* Магнификат (Песнь Богородицы) / М. Лютер. – М. : Евангелическое Лютеранское Служение, 2003. – 29 с.
82. *Макиавелли Н.* Государь / Н. Макиавелли. – Минск : Современ. литератор, 1999. – 703 с.
83. *Манахова И. В.* Поведенческая экономика / И. В. Манахова. – Саратов : Сарат. соц.-экон. ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. – 120 с.
84. *Мандевиль Б.* Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества / Б. Мандевиль. – М. : Наука, 2000. – 291 с.
85. *Маркс К.* Избр. соч. : в 9 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1985. – Т. 1. – 737 с.
86. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии : в 3 т. / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1988. – Т. 3. – 650 с.
87. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы / К. Маркс. – М. : Академ. проект, 2010. – 775 с.
88. *Маркузе Т.* Одномерный человек / Т. Маркузе. – М. : АСТ, 2003. – 528 с.
89. *Маршалл А.* Основы экономической науки / А. Маршалл. – М. : Эксмо, 2008. – 832 с.
90. *Маршалл А.* Принципы экономической науки : в 3 т. / А. Маршалл. – М. : Прогресс, 1993. – Т. 1. – 416 с.
91. *Мудрагей Н. С.* Рациональное и иррациональное : историко-теоретический очерк / Н. С. Мудрагей. – М. : Наука, 1985. – 176 с.
92. *Мудрагей Н. С.* Рациональное и иррациональное – философская проблема : (читая А. Шопенгауэра) / Н. С. Мудрагей // Вопросы философии. – 1994. – № 9. – С. 53–65.
93. *Мур Дж.* Природа моральной философии / Дж. Мур. – М. : Республика, 1999. – 351 с.

94. *Нельсон Р.* Эволюционная теория экономических изменений / Р. Нельсон, С. Уинтер. – М. : Дело, 2002. – 536 с.
95. *Нерсисянц В. С.* Сократ / В. С. Нерсисянц. – М. : Наука, 1977. – 156 с.
96. *Новожилов В. В.* У истоков подлинной экономической науки / В. В. Новожилов. – М. : Наука, 1995. – 234 с.
97. *Нордстрем К.* Бизнес в стиле фанк / К. Нордстрем, Й. Риддерстрале. – СПб. : Стокгольм. шк. экономики в С.-Петербурге, 2002. – 60 с.
98. *Общественная мораль : философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / Р. Г. Апресян, О. В. Артемьева, В. И. Бакштановский [и др.].* – М. : Альфа-М, 2009. – 494 с.
99. *Овруцкий А. В.* Социальная философия потребления : методологические и теоретические аспекты / А. В. Овруцкий. – Ростов н/Д. : ИПО ПИ ЮФУ, 2010. – 216 с.
100. *Окрепилов В. В.* Экономика качества / В. В. Окрепилов. – СПб. : Наука, 2011. – С. 48–50.
101. *Осипов Ю. М.* Время философии хозяйства : в 3 кн. с приложением / Ю. М. Осипов. – М. : Экономистъ, 2003. – 654 с.
102. *Осипов Ю. М.* Глобальное и национальное в экономике : антология современной философии хозяйства : в 2 т. / Ю. М. Осипов. – М. : Магистр, 2010. – Т. 1. – 832 с.
103. *Пайн Дж. Б.* Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена / Дж. Б. Пайн, Дж. Х. Гилмор. – М. : Вильямс, 2005. – 304 с.
104. *Паперно И.* Семиотика поведения : Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / И. Паперно. – М. : Нов. лит. обозрение, 1996. – 207 с.
105. *Парнюк М. А.* Субъект и объект как философская проблема / М. А. Парнюк, Е. Н. Причепий, В. А. Рыжко. – Киев : Наукова думка, 1979. – 303 с.
106. *Платон.* Полн. собр. соч. в одном томе / Платон. – М. : АЛЬФА-КНИГА, 2016. – 1311 с.

107. *Поланьи К.* Избранные работы / К. Поланьи. – М. : Территория будущего, 2010. – 155 с.
108. *Попов А. К.* На путях к православной философии хозяйства / А. К. Попов // Экономическая теория на пороге XXI века / ред. Ю. М. Осипов. – М. : Юристъ, 1998. – 768 с.
109. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М. : Республика, 1998. – 410 с.
110. *Рих А.* Хозяйственная этика / А. Рих. – М. : Посев, 1996. – 810 с.
111. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки / Л. Роббинс // THESIS. – 1993. – Вып. 1. – С. 10–23.
112. *Ролз Дж.* Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1995 – 534 с.
113. *Рудаков С. И.* История Марксистской философии XIX века : пособие для студ. и аспирантов филос. ф-тов вузов / С. И. Рудаков. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 182 с.
114. *Рэнд А.* Добродетель эгоизма : с добавлением статей Натаниэля Брандена / А. Рэнд. – 2-е изд. – М. : Альпина Паблишер, 2012. – 185 с.
115. *Сайко Э. В.* Субъект : созидатель и носитель социального / Э. В. Сайко. – М. : МОДЭК, 2006. – 424 с.
116. *Саймон Г. А.* Теория принятия решений в экономической науке и науке о поведении / Г. А. Саймон // Вехи экономической мысли. Т. 2: Теория фирмы / под общ. ред. В. М. Гальперина. – СПб. : Экон. шк., 2000. – 534 с.
117. *Самсин А. И.* Философско-экономические воззрения С. Н. Булгакова и проблемы современности / А. И. Самсин, М. И. Скрипникова // Вестник Рос. экон. ун-та им. Г. В. Плеханова. – 2013. – № 4 (58). – С. 47–53.
118. *Свендсен Л.* Философия свободы / Л. Свендсен. – М. : Прогресс-Традиция, 2016. – 264 с.
119. *Сенека.* О блаженной жизни // Луций Анней Сенека. Философские трактаты. – СПб. : Алетейя, 2001. – 400 с.

120. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Эксмо, 2009. – 960 с.
121. *Соловьев В. С.* Оправдание добра : нравственная философия / В. С. Соловьев. – М. : Республика, 1996. – 478 с.
122. *Стецюра Т. Д.* Хозяйственная этика Фомы Аквинского / Т. Д. Стецюра. – М. : РОССПЭН, 2010. – 303 с.
123. *Стиглиц Дж. Ю.* Глобализация : тревожные тенденции / Дж. Ю. Стиглиц. – М. : Мысль, 2003. – 300 с.
124. *Стиглиц Дж. Ю.* Цена неравенства : [чем расслоение общества грозит нашему будущему] / Дж. Ю. Стиглиц. – М. : Эксмо, 2015. – 508 с.
125. *Сулакшин С. С.* Нравственное государство : от теории к проекту / С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян, М. В. Вилисов [и др.]. – М. : Наука и политика, 2015. – 424 с.
126. *Сулимов С. И.* Антисистемный характер периферийного капитализма / С. И. Сулимов, Д. Д. Трегубова, И. В. Черниговских // Социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 306–316.
127. *Талер Р.* Новая поведенческая экономика : почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Р. Талер. – М. : Эксмо, 2017. – 368 с.
128. *Талер Р.* Nudge. Архитектура выбора : как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / Р. Талер, К. Санстейн. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 240 с.
129. *Тоффлер Э.* Шок будущего / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002. – 256 с.
130. *Тутов Л. А.* Оппортунистическое поведение человека в современной экономике : междисциплинарный подход / Л. А. Тутов, О. И. Лозина // Государственное управление : электрон. вестник. – 2019. – № 74. – С. 255–272.
131. Училище благочестия или примеры христианских добродетелей : избранное из жития святых. – Минск : Харвест, 2006. – 575 с.
132. *Фальцман В. К.* Российские научные школы в 60–80-е годы : записки экономиста / В. К. Фальцман. – М. : Дело, 1995. – 89 с.

133. *Федотова Г. А.* Развитие качеств инновационного предпринимателя : контекстно-компетентностный подход / Г. А. Федотова, С. В. Мясникова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 11–29.
134. *Федотова В. Г.* Хорошее общество / В. Г. Федотова. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
135. *Федотова В. Г.* Человек в экономических теориях : пределы онтологизации / В. Г. Федотов // Вопросы философии. – 2007. – № 9. – С. 20–31.
136. *Философия и методология экономики / Л. А. Тутов, Е. Г. Гаврина, Н. Б. Шулевский [и др.].* – М. : ИНФРА-М, 2017. – 386 с.
137. *Фрейд З.* Введение в психоанализ : лекции / З. Фрейд. – СПб. : Питер, 2007. – 381 с.
138. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд. – М.; Харьков : АСТ : Фолио, 2003. – 615 с.
139. *Фрейд З.* Психология бессознательного / З. Фрейд. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 390 с.
140. *Фридман М.* Капитализм и свобода / М. Фридман. – М. : Нов. изд-во, 2006. – 236 с.
141. *Фромм Э.* Душа человека / Э. Фромм. – М. : АСТ-ЛТД, 1998. – 662 с.
142. *Фромм Э.* Иметь или быть? / Э. Фромм // Психоанализ и религия. Искусство любить. Иметь или быть? – Киев : Ника-Центр, 1998. – 400 с.
143. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2004. – 474 с.
144. *Хаустов Ю. И.* Актуальные проблемы рыночной экономики / Ю. И. Хаустов, П. А. Канапухин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – 448 с.
145. *Хаустов Ю. И.* Распределительные отношения в транзитивной экономике России / Ю. И. Хаустов, В. Н. Подкопаев. – Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России, 2004. – 104 с.
146. *Ходжсон Дж.* Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. – 2001. – № 8. – С. 32–45.

147. Человек в экономике и других социальных средах : колл. монография / В. Г. Федотова, А. С. Ахиезер, В. В. Денисов [и др.]. – М. : ИФ РАН, 2008. – 195 с.
148. *Шамис Е.* Теория поколений / Е. Шамис, А. Антипов // Маркетинг. Менеджмент [Электронный ресурс]. – 2007. – № 6. – URL: http://old.executive.ru/publications/specialization/newfolder8086/article_5457/ (дата обращения: 24.02.2018).
149. *Шопенгауэр А.* Свобода воли и нравственность / А. Шопенгауэр. – М. : Республика, 1992. – 448 с.
150. *Шпенглер О.* Закат Европы : в 2 т. / О. Шпенглер. – Минск : Попурри, 2009. – Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. – 704 с.
151. *Штраус Л.* Что такое политическая философия? / Л. Штраус // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. 2. – 412 с.
152. *Шумпетер Й. А.* История экономического анализа : в 3 т. / Й. А. Шумпетер. – СПб. : Экон. шк., 2001. – Т. 1. – 988 с.
153. *Шюц А.* Избранное. Мир, светящийся смыслом : пер. с нем. и англ. / А. Шюц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
154. Экономическая теория на пороге XXI века : сб. статей / под. ред. Ю. М. Осипова, В. Т. Пуляева. – СПб. : Петрополис, 1996. – 415 с.
155. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе : в 3 кн. (История философии в памятниках). Кн. 3: О морали. М., Канон+, 2009. – 443 с.
156. *Юнг К. Г.* Очерки по аналитической психологии / К. Г. Юнг. – Минск : Харвест, 2003. – 479 с.
157. *Alter A.* Irresistible: The Rise of Addictive Technology and the Business of Keeping Us Hooked / A. Alter. – Penguin Press, 2017. – 368 p.
158. *Arendt H.* The human condition / H. Arendt. – Chicago : The University of Chicago Press, 1998. – 349 p.
159. *Banerjee V. Abhijit, Duflo E.* Good Economics for Hard Times / Abhijit V. Banerjee, E. Duflo. – PublicAffairs, 2019. – 432 p.

160. *Coursey D. L.* Experimental tests of an allocation mechanism for public, private or externality goods / D. L. Coursey, V. L. Smith // *Scandinavian Journal of Economics*. – 1984. – № 86. – P. 468–484.
161. *Durkheim E.* Moral education : a study in the theory and application of the sociology of education / E. Durkheim. – N. Y. : Free Press, 1961. – 288 p.
162. *How N.* Millennials rising : the next great generation / N. How, W. Strauss. – N. Y. : Vintage Books, 2009. – 432 p.
163. *Kahneman D.* Prospect theory : an analysis of decision under risk / D. Kahneman, A. Tversky // *Econometrica*. – 1979. – Vol. 47. – P. 263–294.
164. *Nagel T.* The possibility of altruism / T. Nagel. – Princeton University Press, 1970. – 148 p.
165. *Sen A.* On ethics and economics / A. Sen. – Malden, MA ; Oxford, UK : Blackwell Publishing, 2005 – 131 p.
166. *Simmel G.* On individuality and social forms : selected writings / G. Simmel. – University of Chicago Press, 1971. – 395 p.
167. *Stigler G. J.* The theory of economic regulation / G. J. Stigler // *Bell Journal of Economics and Management Science*. – 1971. – Vol. 2, issue 1. – P. 3–21.
168. *Soman D.* The last mile: Creating social and economic value from behavioral insights / D. Soman. – Rotman – UTP Publishing, 2015. – 296 p.
169. *Sunstein C.* Why Nudge? : The politics of libertarian paternalism / C. Sunstein. – Yale University Press; Reprint edition, 2015. – 208 p.
170. *Tversky A.* The Framing of decisions and the psychology of choice / A. Tversky, D. Kahneman // *Science, New Series*. – 1981. – Vol. 211, № 4481. – (Jan. 30). – P. 453–458.
171. *Wendel St.* Designing for behavior change: Applying psychology and behavioral economics / St. Wendel. – O'Reilly Media, 2013. – 394 p.
172. *White M. D.* The manipulation of choice : ethics and libertarian paternalism / M. D. White. – N. Y., 2013. – 185 p.